

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 34 АВГУСТ 1980

ПАСТБИЩА ПОД

Галимат Кодзокова: «Давно не виделись...»

Выступает агитколлектив — детский ансамбль танца «Исламей».

Отары движутся в горы. А. Жириков (слева) и М. Вороков (справа) беседуют с чабаном В. Хабидовым.

ОБЛАКАМИ

Табунщик Хабиш Кармов.

Отец и сын. Магомет и Омар Хубиевы.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 34 (2771)

23 АВГУСТА 1980

© Издательство «Правда», «Огонек», 1980

**Юрий КОЗЛОВ,
фото Геннадия КОПОСОВА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»**

Откуда появится туман — в горах предсказать невозможно. На этот раз он надвигался снизу, и словно в серую пропасть проваливались зеленые склоны, пасущиеся стада, крытые красной черепицей редкие домики, говорливые горные речки, желтые кольца дороги. Впереди же светило солнце, и венчал этот мир двуглавый Эльбрус.

Каждый, кто побывал в Кабардино-Балкарии летом, надолго запомнит красоту гор. Но в памяти остаются не только горы, но и зеленые предгорья. Это пастбища. Из общей площади всех сельскохозяйственных угодий, закрепленных за колхозами и совхозами, на долю горных пастбищ приходится более двадцати процентов.

Если попробовать одним словом определить главное впечатление от Кабардино-Балкарии в летнюю пору, то этим словом будет «движение». С начала лета и до самой осени дни и ночи пастухи перемещают на горных пастбищах скот. За этот период они получают примерно 30—35 процентов годового производства молока, около половины говядины и баранины, примерно сорок процентов шерсти. Для районов, расположенных в непосредственной близости к горам, таких, как, например, Зольский, эта доля еще выше.

С какой бы точки дороги ни посмотрел, обязательно увидишь стада, пастухов на лошадях, трактора, тянущие за собой домики на колесах. То там, то здесь дорогу пересекают отары овец. Навстречу с сезонных молочных ферм едут молоковозы. Впечатление такое, что вся республика снялась с насиженных мест и двинулась в горы. Вся, конечно, не вся, но в этом году, например, на горных пастбищах содержат около ста двадцати тысяч голов крупного рогатого скота, двести пятьдесят тысяч овец и коз, более десяти тысяч лошадей.

Круг вопросов, стоящий перед животноводами республики в эту пору, достаточно широк. И главные из них: как сделать, чтобы

См. стр. 6—7.

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С К. ФОМВИХАНОМ

14 августа в Крыму состоялась дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК Народно-революционной партии Лаоса, Премьер-Министром Лаосской Народно-Демократической Республики К. Фомвиханом.

Л. И. Брежнев поделился опы-

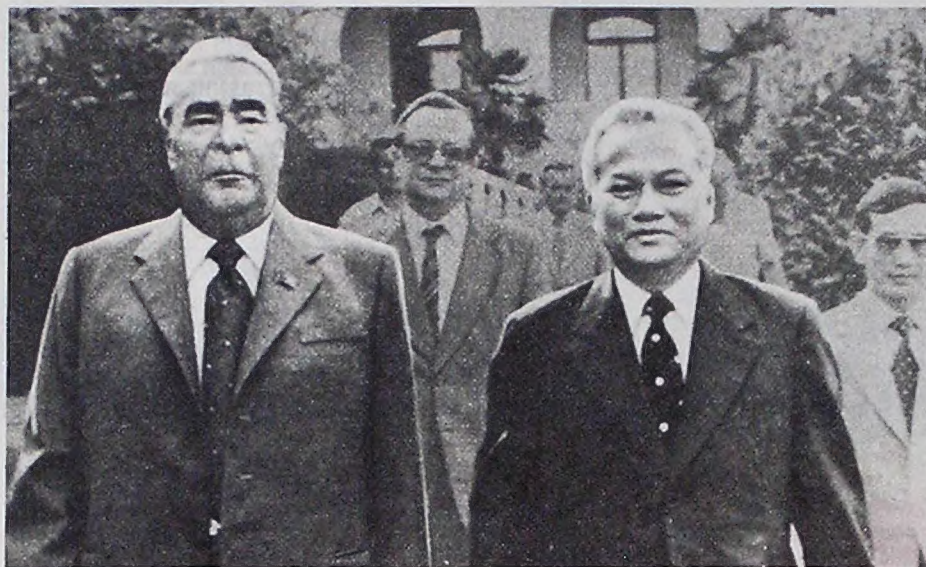
том работы КПСС на различных исторических этапах развития СССР, рассказал о подготовке и XXVI съезду КПСС, который призван наметить новые вехи в движении советского общества к коммунизму.

К. Фомвихан информировал об обстановке в Лаосе, о деятельности партии и правительства по развитию экономики, науки, культуры, укреплению обороноспособности республики. Он подчеркнул, что, несмотря на трудности, связанные с экономической отсталостью и сложной внешнеполитической обстановкой, лаосский народ исполнен решимости создать основы социализма, минул капиталистическую стадию развития. К. Фомвихан от имени ЦК НРП, правительства ЛНДР и лаосского народа выразил глубокую благодарность ЦК КПСС, правительству и народу Советского Союза, лично товарищу Л. И. Брежневу за бескорыстную всестороннюю и эффективную помощь Лаосу в различных областях.

Л. И. Брежнев и К. Фомвихан обменялись мнениями по широкому кругу международных вопросов. Особое внимание было уделено положению в Юго-Восточной Азии. Напряженность в этом районе создается прежде всего экспансионистской политикой Пекина, пользующегося поддержкой Соединенных Штатов Америки. Осуждая гегемонистскую политику Китая, Советский Союз и Лаос выступают за нормализацию обстановки в Юго-Восточной Азии и на всем азиатском континенте.

Л. И. Брежнев заявил, что Советский Союз с пониманием и симпатией относится к политике Лаоса, оказывал и будет оказывать дружеское содействие лаосскому народу в его делах.

Встреча Л. И. Брежнева и К. Фомвихана прошла в братской, сердечной атмосфере и характеризовалась полным единством взглядов.

Телефото В. Мусазьяна (ТАСС)

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С Ю. ЦЕДЕНБАЛОМ

18 августа в Крыму состоялась дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с находящимся на отдыхе в Советском Союзе Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого Народного хурала МНР Ю. Цеденбалом.

Л. И. Брежнев и Ю. Цеденбал с удовлетворением отметили, что отношения между советским и монгольскими народами постоянно обогащаются и развиваются. КПСС и МНРП активно и плодотворно сотрудничают в политике, идеологии, подготовке кадров и других областях. Растет эффективность связей партийных организаций ряда автономных республик и областей Советского Союза с партийными организациями аймаков Монгольской Народной Республики.

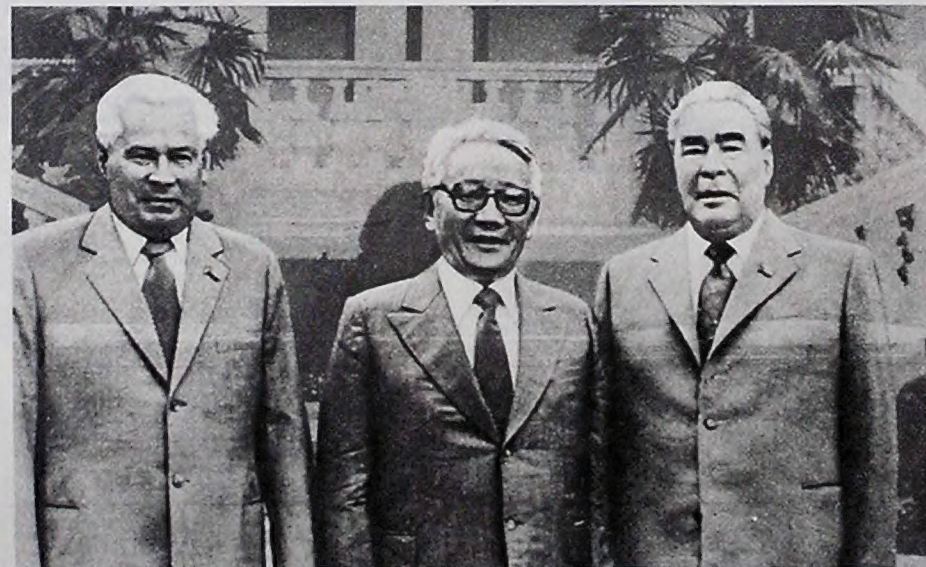
Успешно развиваются экономические отношения между Советским Союзом и Монголией.

Л. И. Брежнев и Ю. Цеденбал обсудили широкий круг международных вопросов, уделив особое внимание азиатским проблемам. Характерной чертой политической жизни Азии является укрепление воли народов к миру и мирному сотрудничеству, социальному прогрессу, к защите национального суверенитета. Вместе с тем наличие опасная активность сил, враждебных делу свободы азиатских народов.

Разрядка напряженности столь же необходима Азии, как Европе или любому другому району мира. А это требует полного отказа от политики силы или угрозы силой. Прочный мир в Азии может самым эффективным образом послужить оздоровлению мирового политического климата.

Встреча товарищей Л. И. Брежнева и Ю. Цеденбала прошла в дружеской, сердечной атмосфере и продемонстрировала полное единство взглядов по обсуждавшимся вопросам.

Во встрече участвовал член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко.

Телефото В. Мусазьяна (ТАСС)

«ВОСХИТИТЕЛЬНЫЕ, ВЫДАЮЩИЕСЯ ИГРЫ»

«Игры XXII Олимпиады стали праздником молодости и спорта, способствовали укреплению дружбы, взаимопонимания и мира между народами. Они сплотили международное олимпийское движение, дали новый импульс для дальнейшего развития благородных идеалов олимпизма».

Л. И. БРЕЖНЕВ. Из поздравления «Всем участникам подготовки и проведения Игр XXII Олимпиады».

Вокруг небольшого застекленного бассейна ватингтонского «Марриотт твин-бриджс» толпились шумная группа журналистов, фоторепортеров, теле- и кинооператоров. Их взоры и объективы были прикованы к двум молодым парням, которые поочередно, совершая нехитрое сальто, красиво погружались в воду. Затем медленно, как бы с неохотой, они проплывали несколько метров, выходили из кристально прозрачной воды и не спеша направлялись к пластиковому помосту, чтобы вновь повторить то же самое. Судя по выражению их лиц, назойливая публика не смущала и не радовала парней, а скорее раздражала.

— Кто эти ребята? — спросил я стоявшего впереди меня увешанного камерами фотокорреспондента.

— Грег Доуганис и Кевин Махемер — члены национальной олимпийской сборной США по прыжкам в воду, — не оборачиваясь, ответил он.

Тем временем молодые люди накинули на плечи халаты и вышли в коридор, который вел в зал для пресс-конференций. «Как вам нравится столица?», «Как вы проводите время?», «Где вы уже побывали, что вам запомнилось больше всего?», — посыпались с разных сторон вопросы. Пройдя несколько шагов, Кевин Махемер остановился. Он посмотрел на висевший на стене фойе плакат, который гласил: «Добро пожаловать, участники программы олимпийской славы!» — и ответил: «Мне здесь нравится, однако меня это не радует. Когда я хожу по улицам Вашингтона или участвую в показательных выступлениях перед столичной детворой в спортивном клубе, ко мне приходит одна и та же мысль: «Хей, а ведь это могла бы быть Москва...»

Да, XXII Олимпийские игры в Москве прошли без американских спортсменов, которые стали орудием в политических махинациях и интригах президента Картера. Ради личных амбиций глава ватингтонской администрации лишил более 500 юношей и девушек — членов олимпийской команды США возможности участвовать в олимпийских состязаниях, а миллионы американских любителей спорта — следить за увлекательной борьбой.

Чтобы хоть как-то смягчить чувство горечи, возмущения и

крайнего разочарования, которые испытывали американские атлеты в связи с навязанным Вашингтоном бойкотом московской Олимпиады, ватингтонские стратеги попытались провести ряд «утилитарных мероприятий», включая так называемую «программу олимпийской славы». Она предусматривала довольно необычный круг развлечений, в том числе экскурсии по городу, посещение зоопарка, а также казарм морской пехоты. Кульминационным моментом этого антиолимпийского фарса американской администрации должна была стать церемония награждения членов олимпийской команды США «памятными медалями» в знак признания их спортивных заслуг и вклада в развитие олимпийского движения в стране — своеобразная компенсация спортсменам за их неучастие в Московских играх и за нанесенный им огромный моральный ущерб.

Однако устроенный на ступенях конгресса спектакль с награждением бутафорскими «золотыми медалями» обернулся позором для президента Картера. Более 150 членов несостоявшейся олимпийской команды США вообще отказались участвовать в ханжеской процедуре награждения эрзэц-медалями. Остальные же устроили выступившему перед ними нынешнему хозяину Белого дома символический бойкот молчания, отказавшись от каких-либо «слов благодарности» в адрес своего «благодетеля».

«Через двадцать лет, глядя на эту медаль, мне вряд ли будет о чем вспомнить, чем гордиться», — с горечью признал член олимпийской команды по борьбе Дэн Чандлер. — То, что нам устроили в Вашингтоне, никоим образом не может заменить радость и впечатление, которые остались бы от Олимпиады — праздника дружбы молодежи всего мира, праздника, который в жизни большинства спортсменов бывает лишь однажды, праздника, который прошел без американских спортсменов».

«Американские спортсмены», — заявил капитан сборной команды США по современному пятиборью Боб Ниман, — были единично использованы в угоду козистичным интересам президента Картера. Их обобрали, у них отняли то, что было главным в их жизни, — участие в Олимпиаде. Это слишком горькая пилюля, которую нас заставляли проглотить».

Обиду и ироничное разочарование выразили все американские спортсмены, с которыми мне удалось поговорить. Они подчеркивали, что ничто не может заменить им участия в Олимпийских играх. «В

Москве был действительно крупнейший мировой спортивный фестиваль, участвовать в котором я мечтала долгие годы упорных и тяжелых тренировок», — сказала двадцатипятилетняя Лесли Клейн, которая входит в олимпийскую сборную греков. — Но горечь поражения я познала, даже не вступая в борьбу. Я чувствую, что меня и моих товарищей предали правительство и средства массовой информации, которые не только не поддержали нашей борьбы против бойкота Олимпиады, но и всячески способствовали претворению его в жизнь. Более того, в то время как миллионы людей во всем мире наблюдали за Играми по телевидению, американцам пришлось довольствоваться лишь жалкими минутными фрагментами отдельных соревнований, сопровождавшимися отнюдь не спортивными комментариями. В газетах мы искали прежде всего результаты с московских Олимпийских игр, объективный рассказ о ходе соревнований, но очень часто мы этого в них не находили».

Действительно, американская «свободная печать» делала все, чтобы принизить значение Олимпийских игр в Москве, очернить Советский Союз и другие социалистические страны. На страницах газет и журналов помещались обильные материалы, подкрепляющие политических интригов, которые объявили «крестовый поход» против Олимпиады-80. Такой поход вызвал возмущение и негодование со стороны простых американцев. Так, в ответ на злобную антиолимпийскую статью, опубликованную «Чикаго трибун», читательница этой газеты Филлис Флинн прислала в редакцию возмущенное письмо. «Я никак не могу согласиться с вашей редакционной статьей», — писала она. — Олимпийские игры были созданы для того, чтобы способствовать укреплению мира путем проведения международных спортивных соревнований, а не путем бойкотов этих состязаний. Бойкот Олимпийских игр был безосновательным и нечестным, потому что он серьезно вредит олимпийскому движению и нашим спортсменам. Только ограниченный, крайне слабый президент мог придумать его».

Все та же «Чикаго трибун» ошарашила своих читателей утверждением, что москвичи якобы угрюмыми и негостеприимными народами, а посему проводить Олимпиаду в Москве не следовало. Но оставим эти бредовые аргументы газеты на ее совести и обратимся к мнению тех, кому удалось, несмотря на все препятствия со стороны властей, побывать на московской Олимпиаде. В интервью телевизионной компании «Эй-би-си» житель Нью-Йорка Рене Аламеда заявил по возвращении из Москвы: «Все, что здесь говорится про Советский Союз, — это ерунда, я ни разу не испытывал на себе чувства враждебности со стороны москвичей, наоборот, они общительны, приветливы. Каждый житель города старается

сделать все, чтобы гостю было приятно и удобно. Но что меня поразило больше всего, так это отсутствие антиамериканских настроений в отличие от Соединенных Штатов, где антисоветизм насаждается на каждом шагу. Я очень доволен, что побывал в Москве. Это была прекрасная поездка».

А вот что говорит Дэн Димауро, член организации «Спорт для народов», с которой мне удалось связаться и поговорить: «Я просто восхищен увиденным. Летние Олимпийские игры в Москве были организованы блестяще и прошли с грандиозным успехом. Они продемонстрировали, что подавляющее большинство стран и народов на нашей планете хотят жить в дружбе. В Москве я со всей очевидностью убедился в том, насколько убоги попытки администрации Джимми Картера сорвать московские Олимпийские игры. Несостоявшийся бойкот Олимпиады обернулся прежде всего против американского народа, против американских спортсменов, которые были лишены права участвовать в самых крупных международных соревнованиях...»

Я была в Москве с 27 июля по 6 августа. За этот довольно короткий срок я посмотрела не только все финальные соревнования, от которых получила истинное удовольствие, но и познакомилась с культурной жизнью нашей столицы. Мы побывали в Большом театре на концерте творчества народов СССР. Я часами бродила по московским улицам, не опасаясь за свою жизнь. Я пришла к выводу, что это самый чистый и зеленый город. Меня поразили и городской транспорт, я уже не говорю о всемирно известном Московском метро, которое я считаю просто настоящим произведением искусства. Нас в группе было пятнадцать человек — учителя, рабочие, врачи, адвокаты, в общем самые разные люди, но все они были едины в одном: Москва прекрасна, а люди изумительны».

Восхищенными и выдающимися назвал московские Олимпийские игры и американский промышленник Эдвард Лэм. «В сопоставлении с участниками XXII Олимпиады, непревзойденной по своей организации, были самые современные спортивные сооружения и объекты, позволяющие устанавливать олимпийские и мировые рекорды», — отметил он. Поистине неизгладимое впечатление произвели на него радушие и дружелюбие советского народа, неподдельное желание СССР расширять и крепить взаимовыгодные отношения с народами мира, в том числе с Соединенными Штатами. Вызвав глубокое разочарование в связи с отказом США принять участие в Играх в Москве, Лэм выразил надежду на торжество идеалов олимпийского движения. «Встречи такого масштаба позволяют дружбе и доброй воле преодолевать любые существующие преграды, способствуют укреплению духа взаимопонимания и доверия», — подчеркнул он.

Несмотря на всю свою предвзятость, американская пресса все же не смогла замолчать прекрасную организацию Олимпийских игр. Особенно впечатляющей, по мнению большинства американских корреспондентов, была торжественная церемония открытия XXII Олимпийских игр. Ежедневник «Таймс» писал: «В течение трех часов на стадионе

имени Ленина 103 тысячи зрителей с изумлением наблюдали за великолепным и пышным зрелищем — парадом открытия Олимпиады, которого не было ни на одной из предыдущих Игр. «Это была одна из наиболее удивительных демонстраций массовой слаженности как на открытии, так и на закрытии московских Олимпийских игр», — указывала в этой связи «Крисчен сайенс монитор». Эта же газета, знакомя своих читателей с олимпийской Москвой, писала: «Безусловно, спортивные сооружения первоклассны. Они не только отвечают, но и превосходят все требования мировых стандартов. Атлетические соревнования были организованы действительно умело и четко, что дает строителям Олимпиады все основания для гордости. Просторная и современная Олимпийская деревня, построенная на огромной территории, представляет собой удивительный комплекс, о котором спортсмены могли лишь мечтать. Жилищные условия журналистов, которые были размещены в современной гостинице «Россия», полностью отличались от тех убогих, которые были представлены им в Инсбруке, или Монреале в 1976 году, или в Лейк-Плэсиде зимой нынешнего года. Успех московской Олимпиады отметила и «Вашингтон пост». Газета подчеркнула, что «36 мировых рекордов, которые были установлены в ходе соревнований, являются отличным результатом для любой Олимпиады».

Подводя итог XXII Олимпийским играм, газета «Балтимор сан» указала, что «производит впечатление количество медалей, завоеванных спортсменами из СССР и ГДР. Русские получили 195 медалей, намного опередив всех остальных. Тем самым они доказали, что СССР продолжает оставаться ведущей спортивной державой и что установленный ею рекорд вряд ли можно побить».

Касаясь спортивной борьбы, которая развернулась на московской Олимпиаде, «Нью-Йорк таймс» писала: «В Монреале ни один член команды пловцов СССР не завоевал золотой медали. Однако после четырех лет упорной работы советские пловцы установили один мировой и четыре олимпийских рекорда. Из них наиболее поразительный результат был показан Владимиром Сальниковым на дистанции 1500 метров вольным стилем».

«Московская Олимпиада прошла с большим успехом, и это видно из высоких результатов, показанных на ней и о которых я могу судить по обрывистым сообщениям газет», — сказал мне капитан олимпийской легкоатлетической команды США Даг Браун. — На Олимпиаде были продемонстрированы спортивные мужество и большое желание победить, победить бескомпромиссно и убедительно. Мне хотелось бы, чтобы Олимпиада в Лос-Анджелесе в 1984 году была бы такой же честной и открытой, как в Москве. — И, помолчав несколько секунд, добавил: — И чтобы трагедия американской олимпийской сборной-80 никогда не повторилась вновь».

Игорь МАКУРИН,
корреспондент ТАСС,
специально для «Огонька»

Вашингтон — Нью-Йорк (по телефону).

НА ФИНИШНОЙ ПРЯМОЙ

Михаил РОСТАРЧУК

Итак, американцы стали свидетелями одного из последних раундов битвы за президентское кресло. В нью-йоркском зале «Мэдисон-сквер-гарден» состоялся съезд демократической партии, на котором был назван главный соперник республиканца Рональда Рейгана, уже ожидающего его на политическом ринге для последнего финального боя, в котором главный приз — голоса избирателей и, соответственно, Белый дом.

Официальным кандидатом в президенты от демократической партии стал нынешний президент США Дж. Картер, — сторонники сенатора Э. Кеннеди в первый же день съезда потерпели поражение. Они не сумели добиться изменения процедурных правил и проведения «открытого съезда», то есть освобождения делегатов от обязательства голосовать за того или иного кандидата.

Впрочем, в том, что Картер станет официальным кандидатом демократической партии, сомневались немногие, — это вполне в традициях американской политической жизни. За всю историю США только один президент, четырнадцатый, Франклин Пирс, занимавший Белый дом с 1853 по 1857 год и добившийся выдвижения на второй срок президентства, был отвергнут своей партией.

Нарушением этой традиции было лишь то, что в рядах демократической партии у Картера был серьезный соперник — сенатор Кеннеди, который активно, что называется, до последнего, вел борьбу против президента. Думается, что Эдвард Кеннеди не выходил из круга не из-за строптивости характера, а по вполне разумным политическим соображениям. Достаточно сказать, что, по последним данным опроса общественного мнения, всего лишь 21 процент американцев одобряет деятельность Дж. Картера на посту президента — это абсолютный рекорд непопулярности, рекорд, который, однако, вряд ли радует американцев, столь охочих до всяческих высших достижений.

Как метко заметила французская «Фигаро», «истина заключается в том, что никто из делегатов съезда демократов не желал голосовать ни за Картера, ни за Кеннеди». Эту мысль можно было бы развить и так: американский избиратель не хотел бы голосовать ни за Картера, ни за Рейгана, тем более что нынешнего президента многие, по словам «Нью-Йорк таймс», рассматривают как «республиканца в одежде демократа», консервативная политика которого непримемима, особенно в экономической области.

Итак, сложилась достаточно парадоксальная ситуация. Демократическая партия выдвигает претендентом на пост президента человека, который на редкость неудачно исполнял свои высокие обязанности в течение четырех лет. В самом деле, вопреки успокоительным заявлениям Белого дома спад производства не только не прекратился, но значительно усилился.

Дж. Картер не выполнил более двухсот обязательств, данных им четыре года назад, когда он добивался поста президента. Вместо обещанного сокращения военных расходов на пять—семь миллиардов долларов в год на американцев возложили дополнительное бремя военного бюджета, увеличенного на десятки миллиардов долларов. Ратификация советско-американского Договора ОСВ-2, дело, которое Картер объявил в свое время первоочередным, отложена на неопределенное время.

И, наконец, напомним о разразившемся перед самым съездом демократической партии скандале, нареченном по аналогии с Уотергейтом Биллигейтом и связанном с финансовыми махинациями и злоупотреблениями брата президента Билла Картера. Президенту пришлось всего за несколько дней до открытия съезда провести пресс-конференцию, на которой он был вынужден отвечать на пристрастные вопросы журналистов о делах его «брата Билла», уличенного в получении взятки от одной из арабских стран в обмен на лоббистские услуги. Картер пытался, как заметил обозреватель телевизионной компании Эн-би-си, «ограничить масштабы политического ущерба, уже нанесенного ему в результате этого скандала». Однако, по мнению американской прессы, объяснения, представленные президентом, оказались весьма противоречивыми.

И как злой гений нынешней американской администрации за кулисами этого скандала вновь появился помощник президента по национальной безопасности З. Бжезинский. Именно он, используя брата президента в качестве посредника, установил личные секретные контакты с властями этой арабской страны. Именно Бжезинский посодействовал Билли в подборе юристов, которые помогли ему избежать уголовного преследования.

В этой связи «Нью-Йорк таймс» заметила, что наряду с крайне непопулярной экономической политикой администрации и ее весьма неуклюжим курсом в международной политике безразсудства Бжезинского стали «подлинной причиной» недовольства Дж. Картером со стороны американцев, которым приходится иметь дело с «неудобным президентом».

Итак, в ноябре в битве за Белый дом скрестят шпаги Рейган и Картер. Третий претендент на Белый дом — независимый кандидат Джон Андерсон — в этом поединке может исполнить роль арбитра, так как в его силах отбирать голоса избирателей у первых двух претендентов на президентское кресло и тем самым одного из них возвести в Овальный кабинет Белого дома.

23 августа — День освобождения Румынии от фашистского ига. Тридцать шесть лет назад Советская Армия в ходе Ясско-Кишиневской операции окружила и разгромила мощную группировку фашистских войск. Были созданы благоприятные условия для революционных действий патриотических сил. Под руководством коммунистов было осуществлено вооруженное восстание, свергнут военно-фашистский режим Антонеску, румынская армия повернула оружие против нацистской Германии.

«Плечом к плечу с Советской Армией, с антифашистами и патриотами других стран лучшие сыны румынского народа приняли участие в завершающих боях против нацистских поработителей», — отмечал товарищ Л. И. Брежнев. — И вполне закономерно, что родившаяся в горниле этих жестоких испытаний новая, народная Румыния с первых дней своего существования установила отношения дружбы с Советским Союзом».

В исторические дни августа сорок четвертого в Бухаресте находился военный корреспондент Зигмунд Хирен.

Несколько дней назад, 20 августа, началась Ясско-Кишиневская операция — одна из крупнейших во второй мировой войне. Ранним утром с каждого километра земли одновременно грянуло по три сотни орудий, в небе стало тесно от наших боевых самолетов. В первый же день наступления войска 2-го Украинского фронта разгромили до пяти вражеских дивизий, а войска 3-го Украинского — около четырех.

...Было жарко, все вокруг раскалилось до последней степени. Невообразимая пыль забивала дыхание, скрипела на зубах, проникала в нос, уши, от нее отяжелели веки и стало трудно дер-

лонированную оборону противника северо-западнее города Яссы и за три дня наступательных боев продвинулись вперед до шестидесяти километров, расширив прорыв до 120 километров по фронту. Штурмом овладели мощным опорным пунктом обороны противника, городом Яссы. Так это звучало потом в сводках, а тогда наш корреспондентский «виллис», переваливаясь с бока на бок, вместе с наступающими въехал в предместья Яссы.

По обе стороны дороги небольшие коттеджи, на окнах тоскливо бьются сломанные жалюзи, развеваются толстые занавески. То и дело попадаются наши саперы с миноскалками. Уже приступили к своей работе!

него по телефону боевые приказы, не подозревая, что это отец. Однажды солдат отдал честь незнакомому лейтенанту, а тот вместо ответа схватил его в охапку, прижал к груди и заплакал, повторяя: «Сыночек! Сыночек! Отец, сталева, в первый день войны ушел на фронт, сын мал был еще. Через некоторое время паренек уприсил офицера части, проходившей через их город, взять его с собой на войну, и тот на свой риск взял. Так началась военная биография мальчика. Попал в огневики, командира батареи в глаза не видел. Такая вот история. Когда обнаружилось, что они рядом воюют, отец, конечно же, повел сына к себе на наблюдательный пункт. И тут сильный обстрел. Отец упал на руки сына мертвым. Забегая вперед, скажу: пройдет много лет после войны, редакционное задание вновь занесет меня в знакомые румынские края, и именно возле Яссы увижу я вместо пирамидки с красной звездочкой, поставленной в то далекое время, гранитный памятник и возле него румынскую женщину с букетом красных роз. Много то на румынской земле таких обелисков, поставленных в память о мужестве советских воинов-освободителей. У меня в записной книжке лишь отдельные случаи. А сколько их было! 286 тысяч советских воинов пролили кровь на румынской земле, из них шестьдесят девять тысяч погибли. Вот какой ценой советские воины добывали будущую свободу Румынии».

...Пока радистки передают мой репортаж в редакцию, настраивая приемник. Отыскиваю в эфире Москву. Передают приказ об очередном салюте воинам нашего 2-го Украинского фронта. Накануне начальник штаба фронта, тогда генерал, а впоследствии маршал,

восстание, осуществленное патриотическими силами под руководством румынских коммунистов, гитлеровцы продолжают отчаянно сопротивляться. Показал на карте, что некоторые из этих горячих точек попадутся и на нашем пути.

В полете все было, как говорил Захаров. Но долетели.

Помню, как в какой-то, я бы сказал, торжественной дымке неожиданно показались под крыльями крыши многоэтажных домов, улицы, бульвары, заводские трубы... Бухарест!

23 августа произошло окончательное крушение обороны противника, и советские войска стали быстро продвигаться в центральных районах Румынии. Создались благоприятные условия для восстания. В этот день ЦК РКП обратился к народу с воззванием, в котором призывал выступить с оружием в руках против гитлеровцев. И началась восстание Советская Армия отвлекла на себя основные силы гитлеровских войск в Румынии, и наше стремительное наступление способствовало успеху восстания.

Фашистская диктатура Антонеску была свергнута, Румыния вступила в справедливую войну против гитлеровской Германии.

Сразу же после событий 23 августа Советское правительство в специальном заявлении подтвердило, что Советский Союз не имеет намерения приобрести кануно-либо часть румынской территории. Советское правительство, говорилось в заявлении, считает необходимым восстановить независимость Румынии, освободив ее от фашистского ига.

Я был в Бухаресте, когда туда вошел войска нашего соседа — 3-го Украинского фронта. На центральной улице Калая-Виктория, как и во всем городе, жители приветствовали их с цветами... И вот здесь, на той улице, по которой триумфально двигались наши войска, я встретил полковника Чаюкина — заместителя начальника политуправления фронта. Ему предстояло выполнить особое поручение, и полковник предложил мне сопровождать его.

Мчимся по той же Калая-Виктории и по другим центральным улицам города. Всюду толпы людей, всюду цветы. Машины наши, достигнув окраины, остановились возле двухэтажного серого, ничем не примечательного особняка, за железной оградой которого виднеются запыленные, неужоженные деревья. Мы поднимаемся по каменным ступенькам, наверху на маленькой площадке стоят вооруженные люди в шатском — повстанцы, румынские коммунисты. У каждого маузер за поясом и маузер в руках. Через кухню прошли в комнату. За большим обеденным столом сидел человек в белоснежной шелковой сорочке. На спинке стула висел мундир с золотыми погонами.

Мне показалось, что я этого «военного где-то видел. Но где? Вспомнил. Весной, вскоре после освобождения Одессы, я наблюдал, как неподалеку от знаменитой Потемкинской лестницы наши солдаты скидывали с фронтона здания громадный портрет в толстой позолоченной раме. Это был Антонеску.

И вот для главаря фашистской клики пробил час расплаты.

Так я увидел своими глазами финал Ясско-Кишиневской операции. Румыния вышла из гитлеровской коалиции и повернула оружие против фашистской Германии. Клик Антонеску свергнута. Ее главарь находится в руках румынских патриотических сил, осуществивших в стране вооруженное восстание. Так я оказался свидетелем событий, открывших первую страничку истории новой, социалистической Румынии.

Зигмунд ХИРЕН

ЗАВТРА НА РАССВЕТЕ...

жать глаза открытыми. Чтоб хоть как-то дальше вести «виллис», опустили на капот переднее смотровое стекло, зажгли посреди бела дня фары. Я все торопился и торопился бедного шофера, уже старого, седого человека, слышавшего среди коллег своих лихачом. Торопился по одной-единственной причине: опасался, что не успею передать в Москву, в газету, свежие новости об успешно развивающемся наступлении 2-го и 3-го Украинских фронтов. При поддержке массированных ударов артиллерии и авиации войска нашего 2-го Украинского фронта прорвали сильную, глубоко эше-

Перед глазами проносятся картины, пережитые недавно на подступах к городу. Бой шли очень упорные. Исключительное мужество проявили наши пехотинцы. Я записал много случаев, когда наши ребята вызвали на себя огонь артиллерии, чтобы обеспечить успех наступления. Вот страница из моей почерневшей фронтовой записной книжки. Заголовок: «Отец и сын».

Артиллеристов я застал у свежесрытой могилы. Сняв каски, стоя прощались они со своим командиром батареи. И лишь один паренек в каске горько плакал, упав на холмик земли. Оказалось, то сын командира батареи. Долго воевал рядом с отцом, принимал от

начальник Генерального штаба Матвей Васильевич Захаров поручил написать листовку к войскам в связи с предстоящей Ясско-Кишиневской операцией. Листовка начиналась так: «Завтра, 20 августа, на рассвете...» В ней говорилось о начале крупного наступления. А накануне Военный совет фронта издал директиву, в которой предложил разъяснить личному составу, что мы воюем теперь на чужой территории, от каждого солдата и офицера требуется высокая бдительность, подтянутость и организованность. «К румынскому гражданскому населению относиться с советским достоинством и не допускать самовольных и произвольных действий», — было сказано в этом документе.

В разгар Ясско-Кишиневской операции меня вызвали к генералу Захарову.

— Надо лететь в Бухарест, — сказал Захаров, как только я появился на пороге. Склонившись над картой, он стал объяснять, что Бухарест — это заключительный аккорд операции, осуществляемой двумя фронтами, 2-м и 3-м Украинскими. — В Бухаресте своими глазами увидите результаты. Не только стратегические, но и политические, — напутствовал меня генерал.

В мое распоряжение выделялся «кукурузник». Захаров предупредил, что, несмотря на вооруженное

1944 год, Румыния. Крестьяне встречают советских воинов.

Фото ТАСС

ХОЧУ СКАЗАТЬ О КРАСОТЕ

Алдона КУСКЕНЕ,
доярка совхоза
имени XXV съезда КПСС,
Литовская ССР

Я хочу сказать о красоте. Благодаря ей мы с мужем и оказались здесь, в Юкнайчяе, — так назывался тогда наш совхоз. То есть, конечно, когда подумали как следует, то получилось, что не только из-за красоты, но и из-за многого другого. Это первый момент был такой: мой муж нечаянно проехал нужную автобусную остановку, вышел здесь. Ему понравилось и то, что он увидел в Юкнайчяе, и то, что рассказали о будущем совхоза. У директора Зигмонта Докши была тогда такая мечта: чтобы все жили в окружении парков, как прежде жили в здешних местах только помещики. А директор наш, депутат Верховного Совета республики, коммунист, он в нашем Шилутском районе, да и, наверное, во всей республике, известен тем, что умеет не только мечтать, но и создавать. По его мечте и получилось: все дома нашего совхозного поселка — а живет в поселке тысяча человек — стоят теперь в парках и садах. Дома красивые, сады красивые. Не знаю, есть ли еще где такой красивый поселок; каждый дом среди зелени будто каменный цветок, а ведь здесь, в низких, сырых местах, вблизи залива Нямунаса, были непроходимые болота, на островках среди болот — убогие деревянные хаты. Я-то это хорошо помню, сама из соседнего района. Теперь местные жители вспоминают, сравнивают: самый лучший урожай на хуторах был 10 центнеров с гектара, урожай — хорошо если 1000 килограммов в год от коровы. О механизации и не слышали. Сейчас урожай снимаем по 30 центнеров с гектара, удои на моей, например, ферме — 3 тысячи 800 килограммов в год. В 1977 году последний хутор переехал в совхозный поселок.

С мужем мы познакомились в Калининградской области, куда

оба уезжали на заработки после войны. Муж — тракторист, коммунист. Мы там много работали, жили хорошо. В Литву вернулись потому, что детям надо было учиться, они только по-русски говорили, а мы хотели, чтобы они и литовский не забывали.

Работаю я дояркой уже 30 лет, из них 12 — в нашем совхозе. Учиться мало пришлось, всего четыре класса окончила. Мне по возрасту полагалось пойти в школу на третьем году войны. Но фашисты и не собирались учить литовских детей. Я в школу пошла уже после освобождения Литвы. Жизнь доучивала меня и работа. 30 лет моей работы — это ведь шесть пятилеток. Как по всей стране, от пятилетки к пятилетке живет наша семья все лучше. Четверо детей, трудолюбивые они и к учебе очень тянутся. Дома мы часто говорим, что ныне в Литве люди хорошо живут.

В жизни человека настоящая работа, какая бы она ни была, — это главное. Скажем, у нас в совхозе среди рабочих на первом месте Она Пугавичене. А дело ее на сторонний взгляд скромное — зерновой склад. Вот сейчас со дня на день начнется уборка, пойдет зерно нового урожая к Пугавичене на склад.

Хлеба у нас ныне тучные. Специалисты говорят, что если бы не дожди, так до 36 центнеров с гектара можно было получить, но из-за дождей потери, наверное, будут. Сейчас трудно сказать, сколько центнеров получим, однако никак не меньше 25 или 30. Она будет не легка, но она не покинет своего рабочего места до тех пор, пока не убедится — зерно хранится надежно. Руководство совхоза говорит, что она незаменимый человек. И верно, хорошее хранение зерна — это хорошие семена, хорошие корма, хороший доход от продажи зерна государству. Пугавичене сначала работала в колхозе, а 18 лет назад, когда создали совхоз, пришла сюда. Она человек немногословный. Спросишь у нее: «Как работаешь?», она ответит: «Как все». (И это тоже правда. У нас весь народ трудолюбивый.) Пугавичене за 30 лет работы с зерном накопила такой опыт, что у нее другим учиться надо. А жизнь у нее незавидно начиналась: родители были батраками у здешних господ. Она уже десятилетней, в 1945 году, пошла в школу и окончила только четыре класса. До всего дошла своим трудолюбием.

Зато наши дети ходили в пре-

красный детский сад — его строили и украшали столичные архитекторы, и появился этот детский сад вместе с первым домом поселка, мест в нем было много, молодой народ и стал сюда съезжаться. Потом среднюю школу построили — не хуже, чем в городе. Мой старший сын, Кястутис, уже получил среднее образование, сейчас служит в армии. Следующий, Повилас, этой весной получил диплом сельскохозяйственного техникума и уезжает работать в соседний район — энергетиком. Пятрас учится в техникуме — на механика. Он дома останется работать, сейчас здесь проходит практику, а Сигитас нынче пойдет во второй класс. Молодежи у нас интересно — хороший Дом культуры, часто бывают танцы, вечера отдыха, есть кино и, конечно, у всех телевизоры.

Совхоз был крепким хозяйством уже и в предыдущие пятилетки, недаром ему присвоено имя XXV съезда партии, а эта пятилетка нам запомнится — трудная она была по погоде и тем более удачливая, что мы из трудностей вышли с честью. Зима позапрошлым годом была морозная, мы как могли оберегали скот: двери ферм законопачивали, трубы, чтобы не полопались, утепляли соломой и обматывали, силос каждый раз приходилось размо- раживать. Старые покрывки сжигали: силосохранилища и скотные дворы обогревали. Работы было вдвое больше против обычного, зато ни в урожае, ни в животноводстве не только ничего не потеряли, но дело идет все лучше. Три раза в этой пятилетке нашему совхозу торжественно вручали Всесоюзное переходящее Красное знамя. А ныне с середины июня дожди идут непрестанно. Но мы успели заготовить сено, сенаж и травяную муку. По мясу и кормам пятилетний план выполнили весной, к 110-летию со дня рождения В. И. Ленина, по молоку — к 40-летию Советской власти в республике. Так что теперь живем уже в 11-й пятилетке. Домов построили за эти пять лет много, и все один другого краше. Моя семья получила четырехкомнатную квартиру. Купили новую мебель и всякое прочее хозяйственное обзаведение. Теперь ждем очереди на автомашину. Как получим, так отправимся путешествовать всей семьей по нашей Литве, по городам и по новым селам. Своими руками мы свою Родину строим и украшаем, это-то и дорого сердцу.

На рейде выставки.
Фото Ю. Щенникова

ГОЛУБАЯ НИВА ПЛАНЕТЫ

Как подступиться к богатствам Мирового океана? Как складываются сегодня наши отношения с голубой нивой планеты, как развиваются им в ближайшем будущем? Чтобы ответить на эти и многие другие вопросы, ученые, инженеры, специалисты из 22 стран встретились в Ленинграде на международной специализированной выставке «Средства добычи, обработки рыбы и морепродуктов и воспроизводства водных биоресурсов» — «Интербром-80».

Десятки тысяч квадратных метров выставочного комплекса на Васильевском острове занимают экспозиции 200 фирм. А рядом, в автатории порта, выстроилась целая флотилия

Начало
см. на 2-й стр.
обложки.

ПАСТБИЩА
ПОД
ОБЛАКАМИ

...И ДРОГНУЛА СРЕЛКА

судов всевозможного назначения — от минаторной «Белуги-1», используемой для перевозки молодых осетровых пород, до огромного, 150-метровой длины, приемно-транспортного рефрижератора «Везувий» берега, построенного корабельным ГДР для рыбаков Камчатки. Павильоны, стенды выставки поражают обилием разнообразных технических чудес.

«Ниробром-80» стала хорошим стимулятором новых научных идей, направленных в исследовательской и конструкторской деятельности, помогла ученым, инженерам согласовать свои усилия в освоении океанских богатств.

Не только повышение «урожайности» заботит сегодня рыбаков. «Главная проблема», отметили на открытии выставки министр рыбного хозяйства СССР В. М. Каменцев, — не в том, чтобы взять все то, что в состоянии дать нам океан, а в том, чтобы обеспечить постоянное и опережающее вылов воспроизводство ценных видов рыб и других объектов промысла.

В этом плане весьма показательна экспозиция Советского Союза — самая представительная по масштабу и наиболее

полная по тематике. Внимание посетителей выставки привлекают подводная лаборатория «Бентос-300», с помощью которой исследуются ресурсы отечественного шельфа и биологические условия в районах создания морских хозяйств; аппаратура для привлечения и удержания рыбы в зонах отлова; автоматизированные промысловые системы.

Уникален объем работ, ведущихся в СССР в области воспроизводства и сохранения водных биоресурсов. Знакомые с советскими павильонами, узнаешь про опытное вселение камчатского краба в Баренцево море, про комплексы по воспроизводству рыбных запасов в дельте Волги и пресноводного Байкала, про сложнейшие защитные устройства и сооружения, оберегающие рыбу в зоне действия крупнейших ГЭС на Енисее, Оби и других реках. Советские разделы выставки наглядно подтверждают, как много делается у нас для приумножения богатств, дарованных человеку природой.

О. ПЕТРИЧЕНКО,
сбор «Огонька»

Ленинград.

животные хорошо росли и поправлялись на горных пастбищах? Как организовать жизнь людей, чтобы они не испытывали никаких неудобств, не чувствовали себя в горах оторванными от дома?

ОТЕЦ И СЫН КАРМОВЫ

Чем дальше находишься в горах, тем больше удивляешься погоде. Она меняется каждые несколько часов. Диапазон изменений достаточно широк — от палящего солнца до тумана и града. При таких капризах успех дела во многом зависит от мастерства, сноровки, интуиции пастуха, чабана, табунщика. Приобретаются все эти качества только в результате многолетней работы. Передавать их другому тоже не так просто. Много сезонов надо для этого провести вместе, делая одно и то же дело.

Поэтому не удивляешься, что так часто встречаешь в горах отца и сына, деда и внука, живущих в одной палатке, вместе пасущих стада, отары, табуны. Молодежь Кабардино-Балкарии охотно идет в животноводство. Здесь сказывается уважение к традициям предков.

Табунщики Хабиш Кармов и его сын Хасанби — люди для Кабардино-Балкарии типичные. Они стерегут пять косяков лошадей в живописном урочище Мушт. Лошади знаменитой англо-кабардинской породы конного завода № 34. Он поставляет их на аукционы, на скачки, пограничникам, охраняющим границы в горах.

Хабиш Кармов — старейший джигит и табунщик. Сорок пять лет назад он брал призы на Пятигорском ипподроме. Стаж табунщика исчисляется уже тридцатью годами. У Кармова лицо много повидавшего и пережившего человека, однако же чувствуется, что, несмотря на преклонный возраст, Хабиш еще может проскакать на коне так, что молодые позавидуют. Одно из дорогих воспоминаний в его жизни относится к пятидесятому году. Тогда на завод приезжал маршал С. М. Буденный, и Хабиш Кармов беседовал с ним.

В этом году, в июне, на Нальчикском ипподроме состоялся скачки на приз имени Хабиша Кармова.

Начальник районного штаба отгонного животноводства Мухамед Вороков и партторг штаба Алик Жириков рассказывают, как в прошлом году в горах вдруг ударил мороз. Резкой перемены климата животные не выносят. Хабиш Кармов кожей, что ли, почувствовал, что погода изменится, и загнал загал лошадей в Балки. Там теплее, там легче переждать мороз. Так все лошади остались целы.

Сын Хабиша Хасанби перешел в десятый класс. После школы хочет поступить в техникум, учиться на зоотехника. А вообще их пять братьев. Сейчас то где. Старший работает на Нальчикском ипподроме. Средний служит в армии.

— Все пятеро ездили со мной в горы! — гордо добавляет Хабиш

Кармов и продолжает: «Главное — забота, которую мы здесь в горах постоянно ощущаем. Уверенность: случись что, нам немедленно придут на помощь.

— И так было!

— В прошлом году. Град побил траву, на бульдозерах завозили комбикорм...

люди, которых ждут

Во время поездок по урочищу Зольского района мы убедились в правоте слов Хабиша Кармова. Действительно, заботу о себе труженики отгонного животноводства ощущают постоянно. Помимо республиканского штаба, создана целая сеть районных штабов, решающих все вопросы, связанные с жизнью и работой животноводов летом и осенью. Это неудивительно. В последние годы отгонное животноводство играет все более заметную роль в сельском хозяйстве республики. За это время в горах построено 320 километров дорог с твердым покрытием, 236 километров горных водопроводов, проведено свыше 270 километров линий электропередачи. Серьезное значение придается и улучшению культурно-бытовых условий. Только в двух основных урочищах молочной зоны построено 64 жилых дома, два Дома культуры на семьсот мест. Каждую неделю выезжают на горные пастбища агитколлективы.

С одним из них встретились на ферме Галимат Кодзозовой в колхозе «Путь к коммунизму».

на, чем у берега. Ложная же тревога тоже недопустима — кроме моральной травмы это еще и десятки тысяч рублей выброшенных денег.

Непрерывно следят за океаном службы сейсмостанций на Курилах, Сахалине, Камчатке. Главное — научиться точно определять, где произошло землетрясение, какова его сила и что за волна последует к берегу.

В разных районах акватории ученые установили буй — автоматические лаборатория, регистрирующие параметры воды: температуру, давление на разных уровнях, скорости течения, измерители вариаций электрических и магнитных полей. Датчики развешены на фалах, крепящихся к бую. В самом бую находится программный механизм, система регистрации измеренных параметров, блоки питания. Все сооружение венчает пятиметровая антенна, передающая измеренные параметры в штаб — на Шикотан.

Сейчас совместно с гидрометеослужбой на Сахалине создается центр автоматизированного предупреждения цунами, рассказывает начальник комплексной экспедиции А. В. Родионов. Информация с сейсмостанций и из океана смонет поступать в центр, обрабатываться на ЭВМ. Машини и будут давать оперативные и окончательные заключения о грозящей стихии. А пока мы отработаем новые приборы, методы исследований и прогноза.

...Тишина в обсерватории не нарушается, даже когда на аэаринном пульте загорается транспарант: «Происходит землетрясение». Здесь, на Южных Курилах, двух-трехбалльное землетрясение вызывает у жителей не больше эмоций, чем у нас, москвичей, нормальный летний дождь. Шикотан спит спокойно.

Вадим ЛЕЯВОВСКИЙ

Курильские острова.

— Это ничего, что иногда артистов больше, чем зрителей, — сказал заведующий автоклубом Мухамед Гятов, главное, чтобы людям было весело...

Сам Гятов, кроме того, что водит автофургон, умеет «крутить» кино, поет песни на русском и кабардинском, играет на аккордеоне, танцует, фотографирует, чинит электроприборы.

— Чувствую, что нужна людям, — добавляет студентка Нальчикского культпросветучилища Лариса Умачева. — Это прекрасно!

В пути мы встретились с поднимавшимися в горы ветеринарными и зоотехническими станциями, автолавками, машинами службы быта.

В ближайшие годы предстоит увеличить продуктивность пастбищ. Для этого необходимо обеспечить колхозы и совхозы специальной техникой, минеральными удобрениями, средствами борьбы с сорняками. Нужны дополнительные средства для строительства горных дорог, водопроводов, электрификации новых, еще не используемых пастбищ. Как будут решаться эти вопросы, покажет время. Время покажет, и с какими результатами закончится нынешний сезон...

Глядя на парчице в синем небе вершины Эльбруса, не можешь не думать с огромным уважением о людях, в нелегких условиях делающих важное для страны дело. И от всей души хочется им пожелать чистого неба над головой, а их стадам — хорошей травы.

КАМИЛЬ ПИССАРРО

Александр БАСМАНОВ

Пошел снег и свел насмарку все приготовления и праздничные уборы: японские бумажные фонари, раскрашенные в лилово-лимонную шашку фанерные трибуны, бахрому из серебряной фольги и гирлянды цветных флажков, развешенных из окна в окно, — все обмякло и слиплось, превратилось в какую-то прокисшую кашу.

Мокрые теплые хлопья вываливались из небесной хляби почти неделю, боты утопали в сплошной городской луже, вода с зонтов стекала прямо на панталоны, и они приклеивались к коленкам — было скользко и гнусно.

В те дни Писсарро нанимал двухкомнатный номер на втором этаже отеля: дю Лувр с видом на площадь Французского театра и Оперный проезд, и известно, что, перед тем как перенести именно в этот номер свой сундук, он обошел с прислугой целый этаж, отворял подряд каждое окно и все налаживал окуляр старинного медного перископа, точно-точно такого, каким пользовались мастера для рисования улиц и сто и двести лет назад.

Резьба давно свинтилась, кольцо наводки прокручивалось и долго не давало резкости, но когда она наконец появилась, Оперный проезд сразу выносило в линзе узкой зыбкой воронкой вперед, вдали, и его контур сизым туманным пятном таял в мокром небе. Кто-то что-то кричал, тремели экипажи, из трактира анжу доносился запах жареной рыбы и трубачного табака, хлопали на сыром ветру отяжелевшие полосатые тенты и оплывавшие дешевой краской фланелевые флаги.

Писсарро приехал сюда из Эрана, чтоб писать карнавальное шествие с дудками и барабанами, свистульками и воздушными шарами в те короткие часы голубой и звонкой погоды, какая непременно стоит над Парижем в канун великого поста, а потом окончательно приходит на пашу. Он уже захватил однажды этот момент, когда из широкого итальянского окна отеля де Рюси лился весеннее шествие на Монмартре: и еще голые деревья, и робко появившиеся на тротуаре мраморные столбики кафе, холодноватую хрустальность неба, и цыплячки патишши жидкой мимозы, закопченные дома с мансардами и узкими каминными трубами, которые летели среди легких облачков, и дрожание солнечных зайчиков на замшелых стенах, движение людей, карет, фиакров, лошадей и теней, размытых быстротой, текучестью мгновения.

На этот раз из-за дурной погоды карнавал расстроился, но уезжать было немисливо и не нужно, поскольку нынешние хмарь и слякоть давали удивительно красивые сочетания розового, фиштакшного и прекрасного серого, сливавшиеся в перламутровую гармонию.

Два месяца назад умер сын Писсарро, двадцатитрехлетний Тити, его надежда и гордость, тоже художник и притом самый талантливый из всех шестерых детей, патиеро из которых были живописцами. Но Писсарро заставлял себя теперь помнить о живых, экономить силы и твердость для работы — те самые силы и ту твердость, которых хватило, чтобы не дать жене помешаться от горя. И, разбирая рисунки Тити, привезенные с собой, он думал только о воздухе, о том, что удалось или не удалось запечатлеть его сыну.

Этот приезд в Париж в 1898 году был, по сути, уже итогом судьбы, поведением черты, за которой прошлое являлось отчетливо, как на ладони. Писсарро называли патриархом импрессионизма, хотя в веренице имен, с которыми связано это понятие, его имя редко звучало первым. Первенство никогда не интересовало Писсарро, как и чисто внешние эффекты. Он знал, что главное в творчестве — верность своей идее, и потому всегда сохранял сосредоточенную суровость классика, для которого важнее найти истину, чем благополучие и славу.

Благополучие, впрочем, и немисливо было у человека, назвавшегося импрессионистом. Писсарро вместе с большинством своих едино-

мысленников прошел сквозь оскорбительное непонимание, насмешки и нищету, оставаясь тем не менее самым стойким и убежденным в своей вере, не падая духом, когда отчаивались остальные.

Внешняя его жизнь была неяркой. Он не обронил для будущего беллетриста ни скандального анекдота, ни памяти об экзотических путешествиях, ни нравственной исповеди о душевном борении, ни сюжета трагической любви — оставил лишь след вдохновения: запечатленные дороги, сельские харчевни, мгlistое или яркое небо, работу крестьян на огороде, в саду и поле.

Камиль Жакоб Писсарро родился в семье мелкого лавочника (скобяные и шорные товары, канцелярские принадлежности) в 1830 году, в июле, в городишке Шарлотта-Амалия, на острове Сен-Томе между Пуэрто-Рико и Барбадосом — в местах, помнивших еще его однофамильца, лихого испанского конкистадора.

По-настоящему рисование пришло лет с тринадцати, во время учения во французском коллеже, где он провел шесть лет. Но именно по возвращении, дома, художественная работа стала необходимой как воздух, и Писсарро иногда явно, а иногда тайно сочетал ее с делами в лавке. За рисованием и застал его однажды Фриц Мельби, модный художник из Копенгагена. Выбор был сделан, и в этих стенах напоминанием о Камиле Жакобе осталась положенная на прилавок записка, уведомляющая об отъезде с Мельби в Венесуэлу и о полном разрыве с «буржуазной жизнью», ненависть и отвращение к которой Писсарро сохранил до гробовой доски.

Отец Камилы оказался добр и неглуп: полетели письма, обещания, а затем сына отправили в парижскую Школу изящных искусств, где, правда, по словам Делакура, «обучали прекрасному, как учат алгебре».

В двадцать пять лет он приехал в Париж, послав как раз на чудо века — Всемирную выставку, которая во многом и определила его судьбу: бок о бок с павильонами «прогресса» (новейшие сеялки, паровозы, моды и парфюмерия) — павильон «замечательнейшей коллекции живописи и скульптуры, которая когда-либо оказывалась в одном помещении», произведения художников из двадцати восьми стран. Здесь выставлялись «деревенщики», Милле и Курбе, Энгр и Коро. Это была для Писсарро путеводная звезда: он пошел к Коро. Мастер не брал учеников, только давал советы: главное — цвет и валеры. В 1859 году в Салоне появилась картина новенького с подписью «Писсарро (Камиль), ученик Антуана Мельби. Вид Монмартранс».

Парижский Салон переживал упадок. Энгр говорил, что это теперь не что иное, как «лавка по продаже, рынок, заваленный огромным количеством предметов, где вместо искусства царит коммерция». Все перевернулось с ног на голову, расположилось, лицеваилось назизнанку. Да и Писсарро сам для себя еще не определился. Работал, следуя за «деревенщиками» и Коро, в окрестностях Парижа, а потом и вовсе переехал в Понтуа, добросовестно и неспешно совершая свое ежедневное дело и получая уроки только у природы.

Он изображал небольшие пейзажи, обязательно с дорогой, но не дорога интересовала его, а изменчивые состояния природы, общее световоздушное единство, влажная атмосфера пасмурных дождливых дней. Его не привлекали ни эффектные жесты, ни сложные линии, ни трагические изгибы ветвей на грозном небе — достаточно было склона холма, силуэта фигуры и блуждающего облака.

Где, в чем сказало начало его импрессионизма? В многочисленных «нет», Рабскому подражанию, условностям прежнего живописного языка, историческим и повествовательным сюжетам, темным краскам и золотому багету. А еще в том, чтобы запечатлеть миг жизни, всегда, даже в густых сумерках, пронизанный вибрирующим воздухом. Он ожесточенно искал этот текущий свет, изменяющийся, омывающий мир, проникающий всюду, во все скрытые уголки: любил дырявые тени от тополей и кленов, послепопудное освещение у подножия отлогих холмов, где марево струится потоками, и на лугах, где расстилается прозрачная пелена, отмечал ласкающее прикосновение света к загорелому гибкому телу девочки-крестьянки, к дрожащему листу, травинке и камню.

Воздух, свет становились другими каждую минуту, один и тот же мотив можно было писать бесчисленное количество раз, и потому, когда Матисс спросил его однажды: «Что значит — быть импрессионистом?» — Писсарро, не задумываясь, ответил: «Импрессионист — это художник, который никогда не пишет одну и ту же картину, а каждый раз новую. Самый же типичный импрессионист — Сислею». Эта последовательность Сислею (может быть, даже более тонкому и поэтичному, чем

Камиль Писсарро. 1830—1903. БУЛЬВАР МОНМАРТР В ПАРИЖЕ. 1897.

Камиль Писсарро. СТАРЫЙ РЫНОК В РУАНЕ И УЛИЦА ЭПИСЕРИ, 1898.

он сам) да и вообще смысл всего ответа Матиссу стали для Писсарро принципиальными: «Я вспоминаю, что, полный энтузиазма, я никогда не сомневался, даже в возрасте сорока лет, что являлся основой пути, которым мы инстинктивно шли. Это было изображение воздуха».

Сорок его лет — пора твердости, обретения мужества, пора решений: женитьба на Жюли, горничной матери; контракт с Дюран-Рюэльем, торговцем картинами (продажа буквально всех новых работ ему одному); отказ, отныне и навеки, от участия в Салоне. Наконец, отъезд из-за прусской оккупации Парижа в Лондон, где вдруг стало абсолютно ясно, что родиной может быть только Франция. Этот путь к ней от начала жизни он вспоминал ежедневно: скобяную лавку, Карибы, раскаленный изумрудный островок, солнце, озаряющее и золотящее все вокруг огненными оттенками, ход белого трансатлантического парохода по васьковскому океану, сумрачный гаврский порт, и потом туманные, синие, лиловые и зеленые пейзажи Иль-де-Франса и Нормандии.

И еще его сорок лет — это ясные и недвусмысленные политические принципы, это трагически не сбывшиеся надежды на победу Коммуны, это осознание роли нового художника: «Кто, не заботясь о наживе, без мысли о вознаграждении, будет бороться против буржуазных и официальных порядков посредством своего личного вклада».

С сумерками, когда газового света не хватало для работы, они все время от времени появлялись на Гранье де Батиньоль в трактире Гербуа, который показывают теперь заезжим туристам как мемориальную гордость Франции. Тут бывали: сам жестокий острослов Манз, светлый, розовый, с насмешливым ртом, в безукоризненных перчатках и шляпе, сдвинутой на затылок, Золя и Базиль, Ренуар и будущие отцы синема-тографа оба брата Люмьеры, Сислей и фотограф Надар. Приходили: хрупкий, эристоратический и язвительный Дега, высококобальтовый, с изломанными бровями; худой, ясноглазый, бородатый Сезанн, демонстративно подгибавший штаны на глазах у всех; сдержанный, полный благородства Писсарро.

Беседы развивались взрывоопасно, обостряли ум, стимулировали стремления, укрепляли волю. В трактире Гербуа происходил обмен опытом, рождалась новая теория мироощущения и нового искусства. Обсуждали, казалось, частности: китайский синий фарфор и веера, японские гравюры и кино, вопросы теней, декоративности, пространства и рисунка, натюрморты и старинных мастеров. Частностями, однако, все казалось только на первый взгляд. В действительности разговоры о технике, форме и сюжетах сводились к смыслу художественной правды: это была истинная цель.

В их звездный час — нищие и непризнанные — они стали думать о кооперативе и выставке. В апреле 1874 года экспозиция открылась в фотостудии Надара на бульваре Капуцинок, знаменовав всеобщий скандал. Смех буржуа раздавался повсюду. Академик-пейзажист Жозеф Винсент ходил багровый. «Объясните мне, что означают эти бесчисленные черные мозаики, будто кто-то языком лизал!» — почти кричал он. Перед «Вспаханном полем» Писсарро у него с носа упало пенсне: «Это вы называете бородами? Это вы называете иемер? Да ведь это поскребки с палитры, брошенные на грязный холст. Тут ничего не разобрать. Где хвост, где голова, где верх, где низ, где перед, где зад».

Писсарро считал, что все идет хорошо, что это успех, несмотря на выводы критики («Импрессионисты объявили войну красоте») и ужасающую нужду. Картины не продавались, Дюран-Рюэль был сам на грани разорения, кондитер и меценат Мюрер если что и брал, то расплачивался бакалеей, другой же торговец, папаша Танги, — красками и холстами.

Он сделался крестьянином, овощи с огорода стали для жены и детей единственной пищей, деревянные башмаки — единственной обувью, на билет до Парижа следовало копить. И были дали, низкое небо и росистая влажность травы, и работа над «Холмом де Бёф» и «Красными крышами» — лучшими его произведениями тех годов: зеленые склоны, движение пятен солнца и заросли кустарника, деревья, сквозь которые мерещатся дома под черепичными островерхими шапками, и яркие оттенки, и зыбкие формы, и радость, радость во всем без конца.

К пятидесятилетию Писсарро подходил мужественно и твердо, мастером, со своей повадкой, выучкой и стилем, неброским, но уверенным, спокойно убежденным, что никакой другой его судьба просто не могла быть. И он писал: «Главное, не надо лавировать... То, что я терпел, невообразимо, то, что мне приходится терпеть сейчас, — ужасно и переносить это труднее, чем когда я был молод и полон сил и энтузиазма, а теперь я уверен, что у меня нет будущего. Однако, если можно было бы начать сначала, я думаю, я не стал бы колебаться и пошел бы по тому же пути».

Казалось: он потерял дал будущего, уже стар, топчется на одном месте в своих идеях, сюжетах и в своей технике. Он был убежден, что у него попросту отсутствует талант. «Вам осталось сделать только один шаг, — призывали его. — Ваше имя знакомо художникам, критикам и интересующейся искусством публике. Но вам надо сделать еще один рывок и приобрести широкую известность».

Писсарро не собирался делать никаких рывков, хотя с ним вправду случилась худшая из возможностей: его заметили, но не оценили. С одной стороны, его творчество отмечали, с другой — это сочувствие никогда не выходило за пределы некой усредненности, что являло ярлык, может, и приятный, но малозначительного мастера.

Но мастер шел своей дорогой, к своему маяку, к той самой цели, что предназначалась судьбой, и главной вехой на этом пути стала поездка в Руан. Его потянуло туда посмотреть чудесный готический собор, тот самый, который бесконечно писал Моне: ясным синим утром, в тумане, при заходящем солнце. Именно там, вблизи океана, можно

было увидеть смену неповторимых цветовых эффектов, какую-то клубящуюся атмосферу. Именно там он и стал художником города.

В ветреную погоду Писсарро выходил к тяжелой, маслянистой реке, смотрел на серую рябь воды, на далекие и близкие облака, на птиц. Была зябко, он возвращался сначала по тропинке через камыши, потом через темный и сумрачный парк, сквозь старинные каменные ворота, выводящие на вытанутую к закату узкую, как стрела, улицу с белым шпильом церкви, на острие которого, высоко в небе, сидел железный петух.

В церкви был запах расплавленного воска, низко висели красные, чищенной меди шары-многогосвечники, громоздился дубовый островерхий алтарь с сюжетом Вознесения, и Писсарро вставал у деревянной колонны, чтобы можно было незаметно уйти, и смотрел на желтый огонь свечей, гипсовые фигуры, букетики цветов на кружевной скатерке, пока не начинали звучать музыка и голоса на антресолях. Первые звуки органа еще смешивались со стуком медяков о металлический таз, покашливанием, говором, но потом все стихало, и оставалось лишь мощное пение, устремленное вверх, под стремительные белокаменные своды.

В комнате дешевого отеля, которую Писсарро нанимал, впечатление от собора возвращалось мотивом, настроением от всего города, и он брался за кисть и палитру, начинал писать то, что видел прямо из окна, но так, что включалось не только наблюдение (он отмечал это сам), но и память.

Руан — зрелость Писсарро, преддверие его лебединой песни — серии парижских видов, начало осмысления своего искусства. Не разрушение, не самостоятельность оказывались во главе угла, но традиции: «Мы ведь ближе к художникам готики... Нашими учителями были Клуз, Никола Пуссен, Клод Лоррен, XVIII век с Шарденом и художники 1830-х годов с Коро». Все становилось на свои места — импрессионизм органически входил в духовную историю Франции.

С возрастом художник изменился мало: как и в начале пути, без всякой рисовки и бахвальства, со своей терпимостью и добротой занимал положение старейшего в движении импрессионизма, но девятые годы были для него неледыми. Он разочаровался в поисках новой манеры «научного импрессионизма», а дома нужда достигла той унылой хронической стадии, когда терпение жены переродилось в ее постоянные попреки. И мучила еще не прекращающаяся боль в глазу, окончательно запретившая работу на пленэре.

Теперь он переехал на время в отель ду Лувр, писать прямо из номера карнавальное шествие, но праздник лопнул и отменился из-за дождя и снега, и тогда Писсарро решил изображать дождь, и снег, и Париж вообще — ночью, утром и днем, со всей его толпой, щеголяями, нищими, сотнями огней и уличных ритмов, грохочущими возкалами и железными дворцами метро, новенькой Эйфелевой башней, экипажами и диковинными автомобилями, прыгающими на гуттаперчевых колесах.

Картин, запечатлевших Оперный проезд, получилось одиннадцать, и одну из первых в этой серии, а именно «Оперный проезд. Эффект снега», купил в 1903 году в Париже московский коллекционер Иван Абрамович Морозов. Полотно попало в Россию, как попали туда и «Вспаханная земля», и «Бульвар Монмартр», и «Осеннее утро в Эрмнши», и «Площадь Французского театра». Родина же Писсарро не приобрела при его жизни ни одного произведения, и даже дар — сто отписок лучших гравюр, посланных художником в Люксембургский музей, — остался попросту без ответа.

Тот «Оперный проезд», который висит теперь в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина прямо против (что весьма символично) «Соборов» Моне, своей идеальной композицией почти классичен: тяжесть домов слева уравновешена чуть сдвинутой вниз и вправо чашей фонтана, а разворот в глубину сознательно усилен и перспективно напряжен, как это делали еще старинные мастера ведут — городской пейзажей. Но классичность и устойчивость не мешает здесь жить мгновению Парижа, и потому фантастически ждешь и надеешься, что вот-вот в этой пелене снега и дождя, в этой вибрирующей и расплывающейся голубой, желтой, розовой атмосфере с далью сплошного туманного пятна, на дрожжащем полусвете мокрой мостовой двинутся вдруг мутные тени человеческих фигур, зонтов, фиакров и лошадей, все запустеет, зашевелится и вернется вновь — тот день, тот час, та минута.

1903 год — год смерти Писсарро — стал началом его мировой известности. Потом уже многие оценят влияние, которое он постоянно оказывал как мастер, и отдадут ему дань. Сезанн, перешагнувший через шестидесятилетие и объявленный вождем нового поколения, станет подписываться: «Ученик Писсарро». А Фоген скажет: «Если рассмотреть творчество Писсарро в целом, то, несмотря на его колебания, находясь в нем не только непомерную артистическую силу, которая никогда ему не изменяет, но также глубоко интуитивное искусство высокого эстетизма. Он был одним из моих учителей, и я от него не отхожу».

Сам же Камилл Жаккоб никогда не думал о похвалах и каких-либо заслугах. «Я хотел бы, чтобы уже было завтра», — сказал он незадолго до смерти, заканчивая дневную работу. — Утром так красиво, там на рейде...»

Так и запомнили его те, кто видел в последний раз, и друзья и просто прохожие, случайно поднимавшие голову ко второму этажу над галерейной лавкой: в очках со специальными стеклами, позволявшими смотреть и вдаль и на полотно, с палитрой и кистью, в грубой фуфайке и нескладном берете, — в окне дома на бульваре Морланд, куда он только что перебрался, чтобы писать широкий вид Сены около моста Аустерлиц, ее берега и движение лодок на реке.

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. С. ГРИНА

ТВОРЕЦ

Одного из самых удивительных русских писателей — Александра Грина часто называли странным сказочником, загадочным волшебником. И это было справедливо, ибо никто в отечественной литературе не создавал таких удивительных, рожденных неисчерпаемой фантазией страниц, как этот проживавший трудную, неспокойную жизнь писатель. Как всякий большой художник, Грин, который, казалось бы, не писал о современности, оказывается теснейшим образом связанным со своим временем, и в его фантастической «Гриллиандии» происходят события, перекликающиеся непосредственно с жизнью реальной.

Гете говорил: «Кто хочет понять поэта, тот должен отправиться в страну поэта». Конечно, не принимая эти слова буквально, мы приглашаем читателей побывать в местах, где бережно хранят память о Грине, в городах, где писатель жил и работал.

В этом номере публикуется также малонизвестный рассказ Александра Грина.

АЛЫЕ ПАРУСА НАД ВЯТКОЙ

«Талантливый элигон Гофмана», «русский Эдгар По», «Айвазовский прозы», «нестовый мечтатель»... Какие только эпитеты не применялись по отношению к Александру Грину! Еще до революции критики пытались определить его место в литературе, разгадать загадку творческого метода писателя. Ему инкриминировалось следование западным авторам, прежде всего английским авантюрино-фантастическим беллетристам, на чей счет относилось все — и неожиданный, стремительно развивающийся сюжет гриновских новелл, и ирреальность изображаемой им действительности, и неведомость имен действующих лиц... Даже в самом псевдониме писателя усматривалось нечто загадочное, противное русскому слуху и духу.

А разгадку-то, как показало время, следовало искать не где-то вдали, а тут вот, рядом — в традициях народного творчества и отечественной литературы. В сказках и легендах. В творчестве Пушкина, Гоголя, Достоевского. В самой почве родной земли, из которой берут начало истоки жизненной и творческой биографии писателя. Да, не за синими морями, а здесь, в суровом северном краю, на берегах быстрой Вятки, были сотканы и скроены паруса гриновских кораблей, покоривших потом весь читающий мир.

Крайне скудны свидетельства начальных лет жизни писателя. Известно лишь, что отец его, Степан Есеевич Гриневский, поляк, за участие в восстании 1863 года был сослан в Сибирь. Отбыв ссылку, Гриневский переводится «на вечное поселение» в Вятскую губернию. Здесь, в старинном городке кожевников и меховщиков Слободском, он вступает в брак с девицей из мясн Анной Стефановной Ляковой. 11 (23) августа 1880 года у них рождается первенец, окрещенный Александром.

«Я научился читать с помощью отца шести лет», — сообщает Грин в автобиографии. — Мать

тогда же научила меня писать...» Знаменательно, что первой книжкой, прочитанной ребенком самостоятельно, стало детское издание «Путешествий Гулливера». А за ним последовали Жюль Верн и Майн Рид, Фенимор Купер и Брет Гарт, Стивенсон и Конрад... «Слова «Ориноко», «Миссисипи», «Суматра» звучали для меня как музыка», — скажет писатель много лет спустя.

Особое место, по словам самого Грина, занимал в его жизни Пушкин: «Лет восьми-семи, в гостях, я уединялся с книгой Пушкина «Руслан и Людмила»...» Под влиянием творчества великого поэта Грин начал сочинять стихи, и продолжал писать он их в течение всей дальнейшей жизни. Стихи его рассеяны по различным дореволюционным периодическим изданиям и еще ждут своего собирателя и толкователя. Доброе дело делает Кировская областная газета «Комсомольское племя», систематически публикующая наряду с материалами, посвященными жизни и творчеству Грина, и его стихи.

Именно из-за стихов случилась первая (и, увы, не последняя) крупная неприятность в жизни Грина. Начитавшись Пушкина, Александр однажды решил «модернизировать» известное его стихотворение и под видом насекомых вывел своих преподавателей. Стихотворение вызвало взрыв восторга одноклассников, а автора немедленно исключили из реального училища. Так будущий писатель на практике познал оборотную сторону успеха.

Тогда же, в городском четырехклассном училище, куда его с трудом устроил отец после скандальной истории со стихами, Саня Гриневский пробует свои силы и в прозе. Преподаватель Петров, которого с особой теплотой вспоминает Грин в «Автобиографической повести», поддерживает увлечение подростка, читает вслух его сочинения, хотя они сплошь и рядом были написаны не на заданную тему.

Уже в это время будущего автора «Алых парусов», «Бегущей по волнам» и «Блестящего мира» тянуло в мир фантазий, противостоящих обыденности. Да и сам он резко выделялся из одноклассников. Впечатлительный, неуравновешенный, он, помимо уличной клички «Грин-Блин» (откуда и идет его псевдоним), получил еще и прозвище «колдуна»: как заправская цыганка, предсказывал судьбу по линиям руки, всерьез пытался открыть «фило-софский камень», занимался таинственными алхимическими опытами... Кроме того, он увлекается рыбной ловлей, охотой и местным театром, на занавесе которого, по воспоминаниям старожилов, были нарисованы пальмы, пирамиды, сфинксы... Отсюда берут начало те многочисленные легенды и анекдоты, которые сопутствовали Грину всю жизнь.

И в то же время этот странный подросток очень много читал, читал запоем, все, что под руку подвернется. И поэтому, хотя по окончании училища в его аттестате стояло сплошь «удовлетворительно», он к своим шестнадцати годам знал практически всю отечественную литературу, «до Решетникова включительно». Требовалось лишь сплавить

Дом в городе Кирове, где жил писатель.

БЛИСТАЮЩЕГО МИРА

полученные знания с жизненным опытом, чтобы в русской литературе возникло новое, своеобразное явление — А. С. Грин.

«Летом 1896 года с 20 рублями в кармане и советами «не пропасть» я отправился в Одессу, мечтая сделать моряком», — напишет Грин впоследствии. Вятский период его жизни заканчивается, начинаются годы странствий, мучительных поисков места в жизни и литературе. Интересно отметить, что уже первые его произведения привлекли внимание А. М. Горького, который в дальнейшем постоянно следил за творчеством Грина, помогал ему в самые трудные периоды его жизни. «Из самого глубокого отчаяния и ожидания смерти Грин был возвращен к жизни рукою Горького», — вспоминала его жена.

Севастополь и Баку, золотые прииски Урала и сибирская ссылка, тюрьмы и полоса подпольной жизни... Где бы ни странствовал Грин, пути-дороги в конце концов приводили его назад, на берега Вятки, к отчему порогу. Последний раз он навестил Вятку в 1916 году, чтобы попрощаться с умирающим отцом.

Вятчи с любовью хранят память о своем земляке. Его имя носят улица в Слободском и набережная в Кирове, детская библиотека. В связи со столетием со дня рождения писателя областной театр юного зрителя подготовил спектакль «Сказочник странный...» по пьесе молодого московского драматурга Юрия Головина. На улице Володарского, в том самом доме, где прошли детские и отроческие годы писателя, открывается литературный музей его имени. Существует и интересный проект памятника. Но, конечно, самый главный памятник писателю — его книги. Тиражи их год от года растут, и все равно книг не хватает.

Так подтверждается правда слов, сказанных А. С. Грином о себе: «Знаю, что мое настоящее будет всегда звучать в сердцах людей».

Иван ИСАЕВ

ЗЕМНОЙ ГРИН

Обычно, когда речь заходит о Грине, воздают должное его тревожной фантазии, мужественной романтике, его грусти и доброте. Но за ними проступает еще одна грань писательского дарования, нередко остающаяся в тени, — земное притяжение Грина.

Нигде и никогда не существовавшие города Александра Грина пестрят точными приматами шумных черноморских портов, которые ему довелось повидать. И, пробираясь вслед за автором удлинными лабиринтами Зурбагана или Гель-Гью, вдруг попадаешь на знакомую Феодосийскую набережную, видишь севастьяпольскую площадь, одесский бульвар.

Этот Грин солнца и моря хорошо памятен нам. Но есть и другой, непривычный — Грин севера, Грин петроградский. И, наверное, ни в одном произведении писателя его редко отмечаемая земная привязанность не выступает столь явно, как в таинственном «Крысолове», будто сотканном из призрачных туманов неведомых островов. Здесь мы напрямую сталкиваемся с личностной основой гриневского творчества.

«Весной 1920 года... я вышел на рынок... Это был Сенной рынок. Но я не могу указать, на каком углу я стоял... Я не стоял на углу потому, что ходил взад-вперед по мостовой возле разрушенного корпуса рынка. Я продавал несколько книг — последнее, что у меня было».

Сам Грин мог продавать на этом горестном перекрестке последние книги, как в конце октября двадцатого второго снял с себя на питерской толкучке единственное пальто, чтобы подарить жене ко дню рождения розы и пижонные. Романтиком он был не только в литературе.

Так рассказ зашифровывает факт биографии, реальные перипетии судьбы. Трагически напряженное действие «Крысолова» с просветленным по-гриновски финалом развивается на холодных, зыбких мостовых рокового Петербурга Андрея Белого, в настоящих прохладных дворах и обезлюдевших домах, застывших на ветру революционной эпохи — громадой блоковского Петрограда. И затуманенное мучительными видениями лицо рассказчика напоминает нам о том, как в марте 1920 года санитарный поезд из-под Острова привез сюда на побывку истощенного и полубольного санэпидемиолога Александра Гриневского.

...На углу Невского и набережной Мойки, в огромном доме безмалых за границу купцов Елисеевых помещался Дом искусств, куда по ходатайству Горького откомандировали на работу больного литератора. Здесь Грин работал над знаменитой феерией «Алые паруса» — поэмой, устремленной в будущее. Пробраз Дома искусств мы находим в «пустующих палатах Центрального Банка, где двести шестьдесят комнат стоят как вода в пруде, тихи и пусты». Как бы сквозит плену проступает в рассказе гранитный ландшафт великого Города с разведенными в ночной мгле пролетами мостов. Вот автор подходит к окнам «в двойных рамах», и «их вечерние стекла» отражают «то деревья канала, то крыши двора или фасада Невского». Под утро же «свежесть открытого пространства

А. С. ГРИН

АЛЫЕ ПАРУСА

ИЗ ПО А. Д. ФРЕНКЕЛА

1923

Обложка книги «Алые паруса».

дышала глубоким сном», и «за далекой крышей стояла розовая, смутная тень»...

Нет, Грин знал и любил не только придуманные им города и лазурные берега, но и ту грешную землю, на которой довелось ему жить.

С той же полновесной конкретностью, с тем же пристальным вниманием к окружающему миру написана и «Автобиографическая повесть», до сих пор заслоненная от нас «Золотой цепью», «Бегущей по волнам», «Дорогой никуда». Повесть эта обозначила новый важный этап творческого пути художника, представляющего здесь вне своих привычных романтических атрибутов, однако по-прежнему нам близких и дорогим — чутким и людским заботам и чаяниям, умеющим разглядеть ростки великодушия и красоты в неприглядных сторонах действительности, тонко ощущающим неброскую прелесть русского пейзажа.

Изображая неведомые края, населяя их гордыми, благородными героями, Грин сам стал целой страной на карте нашей отечественной литературы, один представлял в ней целое направление. И многие черпали из его источника то, что отвечало их устремлениям. Это неудивительно, ибо повсюдная река по имени Грин несет в своем русле разные воды, хоть и выгладит на первый — невнимательный — взгляд однородной. Причем если раньше в ней улавливались лишь более теплые верхние течения, то ныне мы все глубже проникаем в нижние прохладные слои, задумываемся над философией гриновской мечты, над его болью и сомнениями, над тем, что он хотел поведать людям.

Ю. ОСИПОВ

Ленинград.

ЖИВАЯ СКАЗКА

На берегу «самого праздничного в мире» Черного моря расположился солнечный город Феодосия. Он похож на диковинную птицу, которая, устав от жары, разбросала по отрогам шал широкое крыло, а шею вытянула к морю, чтобы напиться...

В 1924 году сюда приезжает А. С. Грин. «В этом поступке Грина», — писал К. Паустовский, — жила в тишине, ближе к любимому морю, отразился верный инстинкт писателя — приморская жизнь была той реальной средой, которая давала ему возможность выдумывать свои рассказы». А. Грин смог почувствовать своеобразие этого древнего городка. Его зной-

ные извилистые улочки, замшелые развалины старинных поселений генуэзцев, нагретая солнцем пыль на белых дорогах, «газаны, полная необнаруженного значения», — все здесь дышало морем, подчинилось его властному ритму, все пленяло Грина и грело до конца дней. Писатель словно вернулся в край, излеленный в грезах, край героического моря...

Никогда так легко и вдохновенно не работало ему. Крымский период — пора творческой зрелости А. С. Грина. В Феодосии были созданы романы «Золотая цепь», «Бегущая по волнам», «Джесси и Моргиана», «Дорога никуда», ряд блестящих новелл: «Море», «Фанданго», «Воз-

«вращенные», «Бархатная портьера», «Командант порта», «Пари» и другие.

В доме по улице Галерейной, где Грин жил с 1924 по 1929 год, сейчас литературно-мемориальный музей. Впрочем, слово «музей» не подходит к этому маленькому, в восемь комнат домику, уютно пристроившемуся на одной из улиц, ведущих к морю. Вход в него оформлен своеобразно: вверх до карниза крыши поднимается фойе-мачта, перпендикулярно к ней прикреплена рея. С правой стороны к рее подвешен канат, сплетенный из смоленого пенькового каната. От реи вниз спускаются ванты. У основания мачты крепко зацепился старинный якорь.

Открывая тяжелую, обитую медью дверь, мы попадаем в мир, созданный воображением писателя, — страну Гринландию. Перед нами, занимая стены и потолок первой комнаты, — географическая карта романтично-фантастической страны Грина. На ней изображены коралловые острова, заливы, тихие лагуны, прозрачные бухты, целое созвездие феерических городов: Лисс, Зурбаган, Гель-Гью, Суан, Ахуан-Снап — весь этот яркий, красочный фон, на котором разворачиваются удивительные события произведений творца блистающего мира.

А. Грин — писатель необычный. Это вдохновенный мечтатель, певец моря, дальних странствий, пленительных с детства старинных парусных кораблей. Но гриновские моря — особые моря. Моря, океаны, корабли А. Грина — это еще и символы. Перед оформителем музея заслуженным деятелем искусств РСФСР и Наркомпроса СССР московским художником С. Г. Бродским стояла сложная задача. Каким должен быть музей удивительного фантаста, как показать необычность творчества Грина, морской романтизм духа его произведений? Как в интерьере выразить чувство, поэзию, без чего немислим музей такого тонкого, проникновенного писателя, как А. С. Грин? Художнику удалось найти идею, динтующую оформление. Парусный корабль — вот один из символов, выражающий романтический характер произведений А. С. Грина. Музей было решено оформить как парусный корабль, ввести в интерьер морские атрибуты, морскую символику: дерево под мореным дуб, сизальский канат, морские приборы, карты, лопцы, мялочные фанари, морские бочонки, модели парусников. Комнаты-каюты получили необычные названия: «Гринландия», «Капитанская», «Ростральная», «Кюта капитана Геза», «Корабельная библиотечка». Такое театрализованное оформление музея оказалось единственно верным, самым удачным для того, чтобы заиграла, оживила, приобрели большую достоверность рукописные страницы, фотографии, книги и другие экспонаты, рассказывающие о жизни и творчестве писателя.

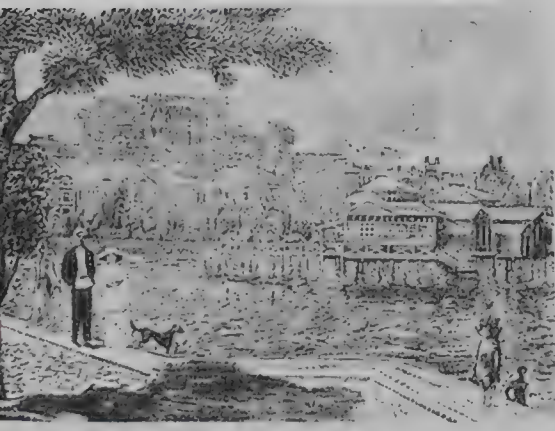
...Поднимался по скрипящим ступенькам, мы попадаем в «отсек трюма» бригантин или фрегата. Потолок из морских досок, у входной двери мягко излучают свет два фонаря «лотучей мыши», на убегающих вверх вантах — резные модели парусных кораблей: бригантин, брига, фрегата. Над дверью — портрет А. С. Грина, выполненный С. Г. Бродским. Загадочно, как бы из небытия, выступает лицо писателя. Взгляд его устремлен навстречу кораблям, Гриновские капитаны ведут эти корабли в Лисс, Зурбаган, Покет, Гель-Гью...

Гордостью музея является мемориальный рабочий кабинет писателя — единственная комната в музее, обстановка которой сохранилась такой, какой она была при жизни А. С. Грина. «Музей романтики», «Дом-сказка», «Гринковский музей-корабль» — пишут посетители о Феодосийском музее А. С. Грина. «...Он вдохновляет, чарует, из него выходишь окрыленным, как после чтения гриновских книг. Да и сам он великодушнее, интеллигентнее, редкое произведение искусства, достойное Грина — это одна из многочисленных надписей, оставленных посетителями в книге отзывов.

С. ПАСЕВИЧ

Феодосия.

С. Малишев. ФЕОДОСИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.

За четверть века писательской работы А. С. Грин создал свыше 400 произведений: рассказов, повестей, стихотворений, романов. Но творческое наследие его не собрано полностью до сих пор. Немало произведений, затерянных на страницах дореволюционных журналов, еженедельников, газет, незаслуженно забыто. А между тем они представляют большой интерес, имеют важное значение для изучения эволюции творчества писателя. Мы печатаем опубликованный в 1908 году в журнале «Огонек» рассказ А. Грина «Капитан», не входивший позже ни в собрания сочинений, ни в отдельные сборники писателя.

Публикация кандидата исторических наук О. Сайкина.

КАПИТАН

I

— Отвратительная погода. Проклятый туман!

— Утром его не будет.

— Как так?

— Я не доверяю барометру. Но вчера был зной-вест. За этим ветром туман держится слабо.

— Дай бог.

— Вот в Ла-Манше...

— Что вы сказали, капитан?

— Я говорю: в Ла-Манше, восемь лет назад, был туман гораздо плотнее. Это было 14 марта.

— А!

— У вас дурное расположение духа.

— Да, пожалуй. Скверно дышать этой мозглятиной; у меня к тому же слабая грудь.

— Да? Так вот... был случай. Мы потопили рыбацье судно. Как они кричали. Боже мой! Двоих успели вытащить.

Капитан помолчал и добавил:

— Я тогда же дал клятву остаться холостяком. Неприятно подвергать семейство постоянному риску.

— Истает, как ваша супруга?

— Мерси. Уже поправилась, начинает ходить.

В резком и хриплом голосе моряка дрогнула веселая нотка. Так приятно иногда не сдерживать клятву. Он чиркнул спичкой, закурил папирусную трубку от сырости папируса, и несколько секунд круг желтого света обнажил козырек фуражки, суровое немолодое лицо, высокий лоб и равнодушные прищуренные глаза.

Спичка потухла. Красный уголек папируса, изредка разгораясь в темноте, скупо озарял кончик загорелого носа, усы, твердый рот и маленький подбородок. С минуту оба молчали, тисцено, до боли в голове напрягая зрение. Глухой мрак давил их, унылый и скучный, как недуг. Волнистая седина тумана, колыхаясь, таила в черноте, и казалось, что это беззвучные стада таинственных, белых птиц или облака, плывущие над водой.

С кормы летела неустанная воркотня винута. Тяжелый, стальной вал, скрытый в глубине судна, при каждом ударе лоршней, плавно бегавших в огромных цилиндрах, передавал свое сотрясение корпусу парохода, дрожавшему тяжело и напряженно от кила до клотиков. Впереди, за желтыми слепыми кругами мачтовых фонарей, шумела рассекаемая вода, и ее струящийся плеск полз вдоль бортов, однообразный и слабый. Тонко звенел баковый колокол редкими заморающими ударами, предупреждая и спрашивая. Пароход шел тихо, но во мраке казалось, что он быстро летит вперед по огромной пустыне моря, к ее жуткому и таинственному окончанию, в какой-то печальной и страшной бездне.

Внизу на палубе разговаривали тихими гортанными голосами, дребезжала зурна. То были пассажиры, преимущественно мингирельцы и осетины, худые, как уличные собаки, в ободранных чересках и серебряных поясах. Вверху, на грот-мачте, жалобно скрипел гафель. В легкие проникал туман, удушливый от парового дыма, растворявшегося в сырости. Капитан сказал:

— Я хочу немного уснуть. Вам осталось еще, кажется, три часа.

— Да.

— Спокойной вахты!

Старший помощник-предпочел бы услышать «спокойной ночи». Он глубже зарылся в воротник пальто и сказал:

— И вам того же.

— На лаге восемьдесят. Придем через час.

— Да. Ну как, вы взяли кормилицу?

— Нет. А что?

— Говорят, это лучше. У наших городских женщин жидкое молоко.

Капитан подумал немного, что бы сказать своему коллеге, страстному семьянину и знатоку детского воспитания, и махнул рукой, говоря:

— Я в этом ничего не понимаю. Можно кормилицу, можно и соску.

Возражения не последовало. Капитан подошел к рубке, ярко освещенной электричеством, и заглянул в компас. Рулевой, не отрываясь, напряженно следил за нервными колебаниями большой синей стрелки.

— Четверть румба направо! — сказал капитан.

— Есты! — крикнул матрос, поворачивая штурвал.

Слабая человеческая рука небольшим усилием мускулов двинула влево и вправо огромную железную махину, набитую десятками тысяч пудов груза. Капитан прошел к трапу, спустился на палубу и сонно вздохнул, направляясь к себе.

II

Кофе слегка остыл, но капитан выпил его с наслаждением, согрелся, зажмурил глаза и замурлыкал скверный романс, засевший в голову лет пятнадцать назад вместе с глазами десятифранковой наяды из Сингапура. Там были пальмы, ром невероятной крепости, чужинные кулаки приятелей и независимость красноречивого двадцатилетнего парня, поклявшегося чертам и ангелам, что он будет капитаном. Насчет жены клятвы никаких не было, но являлся и она, о чем немало жалела добрая дюжина охрипших глоток, великая несчастная «разбитым краем» и «погибшим пробочником». Он не сердился, но чувствовал за своей суровой улыбой другую, рожденную для одной в мире и навсегда.

Электрическая розетка продолжала наб-

людовать сквозь голубой дым сигары, закуренной в промежутке между воспоминанием и умилением. Волосатая рука шмыгнула через стол к маленькому портрету, загремев блюдечком. Капитан рассматривал фотографию. Фотографы бессильны передать цвет глаз, и это им сильно вредит, хотя помещенные на любви к женщине щедрой, как закутанные принцы. Наедине с собой можно быть смешным, никто не расскажет. Поэтому капитан не ограничился долгим и нежным взглядом по адресу портрета, он поцеловал его прямо в затрепанное стекло и долго не мог прогнать улыбку с обветренных губ. Дюжина охрипших глоток, рассеянная по земному шару, никогда не видела ничего подобного даже во сне. Они, впрочем, еще молоды и бешены, время придет.

За кормой глухо ворчал винт, отталкивая вперед судно и каюту с капитаном, понурившим голову при мысли о четырнадцати вечностях — четырнадцати днях разлуки. Это не в первый и не в последний; но там, в городе, в большой роскошной квартире пришел еще один, маленький, сердитый и красивый, не дающий, вероятно, спать по ночам женщине с голубыми глазами. С тех пор, как она вывихнула палец в июле прошлого года, большого беспокойства не было.

Цейлонский жемчуг, шанхайские и сингапурские раковины, марокканские вещицы из слоновой кости, аденские кораллы и греческие бусы, зонтики и зубочистки, пуговицы и чай, платки и ковры, яхты из ореховой скорлупы и медные негритянские браслеты, словом, все, что продается в бухтах, заливах и проливах, на мысах и перешейках, — все это куплено и привезено. Настоящий магазин редкостей, но жене его не легче от этого. Маленькое, дорогое чудовище, ревущее день и ночь, — это она хотела тебя! Крикливый негодяй, чего доброго, вздумает захворать. Прежде чем вернуться туда, нужно насчитать в десятке портов миллион всякой дряни в мешках и ящиках, ругаться до хрипоты, шлепать в тумане и четырнадцать раз, день в день, нырять в вечности.

Сознать это было донельзя горько, и стекло у портрета хрустнуло еще раз, прежде чем успокоилось на столе между бронзовой собакой и яшмовой чернильницей. Капитан направился в кают-компанию и, отворив дверь пароходного клуба, машинально улыбнулся бесшабашной физиономии штурмана, возлежащего за столом с локтями у чайного подноса, с папиросой в зубах. Юноша вместе с младшим помощником лениво смеялся над Новой Судовой Компанией, пускающей третий пароход с экипажем из дуэриков и маркеров.

— А ваши койки, господа, еще не соскучились? — спросил капитан. — Я думаю, что клеветать носом на вахте будет скучно и неудобно, а?

Штурман посмотрел на помощника, помощник — на потолок, потом на пол, и оба принялись усиленно хохотать, краснея и ежась. Капитан сел и зевнул.

— Ну-с? — сказал он. — Я ничего не понимаю. Вы делаете друг другу какие-то мажорские знаки... Кто остался в дураках и почему?

— Да вот видите ли... — начал штурман, — тут...

— Тут... — перебил младший помощник. — Поразительная женщина...

— Подозрительная женщина...

— Ага! — сказал капитан. — Так.

— Вот... Так мы и того... капитан. А он говорит мне, что она — того... понимаете?

— Нет.

Штурман крикнул и сказал с равнодушием опытного развратника:

— Проститутка. Но позвольте! У меня человеческие глаза, и я вижу...

— Разумеется.

— Что она совсем не то, а даже напротив...

— Горничная! — хихикнул помощник. Штурман побавровел и выпрямился.

— Если вас, Кирпичев, приводит в потешное расположение духа женщина, с которой вы говорили иначе, и... и... которой коробку конфет, то...

— Ну, что же, — сказал капитан, откры-

тая слипающиеся глаза, — что же новал компания?

Штурман перевел дух и обменялся с помощником многообещающим взглядом.

— Они устроили настоящий митинг, — жалобно начал он, недовольный прекращением спора. — Какая-то личность влезла на бочку и кричала условия и сколько вакансий... Ну, понимаете, дело было окончено быстро: взяли двух солеваров, трех наборщиков и одного кока, остальные, может быть, и матросы, только их никто не видал.

— По десять рублей, — вставил помощник. — На днях отправляются в Англию на пароходом и, если их по дороге не съедят виш, вернутся через месяц.

— Но, говорят, хороший пароход и делает восемнадцать узлов, — заметил капитан. — Дорогая моя... то есть, я хочу сказать, что теперь делают хорошие пароходы.

— Вы, кажется, утомились, — почтительно вздохнул штурман. — У вас глаза как будто немного... Ах, туман, туман! Скоро порт — и спать!

— Через час, — сказал капитан. Помощник вынул часы и прибавил:

— Сейчас два. Почему это от чаю болит живот? Я замечал, что от кофе, если сладкий, — то же самое.

— Потому что вы льете его в себя, как из шланга, — подхватил штурман. — Вы не-

— Ну?

— Эй-богу! Жаловаться побегла. Я, грит, капитану на вас, чертей, пожалуюсь, что проходу не даете...

— Вот леший! — сказал первый матрос. — Я к ей и так и этак — тпру!

— Вот тебе и «тпру», — ответил второй. — Влетит тебе! И что злости в этом капитане, что жесточества. Боже ты мой! Прямо ест. Чтоб его dedu на том свете черти...

— Идет!

— Идет? Ах, ты...

Капитан медленно спускался в кубрик по ступенькам крутого скользкого трапа. Наконец его нога коснулась пола, страшный поток ругани, сопровождаемый сверканьем глаз и топаньем ног, грянул в воздухе.

— Бир-р-кин! — заревел капитан. — Мерзавец! Олух! Ска-атина! Шашни на пароходе устраивать?! Да я тебе голову разобью! Бездельник, морское чучело, сто тысяч леших тебе в глотку, паршивец! Мне жалуются на тебя, негодяй! Так-то ты держишь вахту, чертов бабник! За юбками бегаешь, скотина! Мо-о-оряк!.. Весстыжая харя!.. Кто в море крестился, тот от юбок на край света беги!.. И расцету в Одессе, собачьего сына! У-у! Разрежу на мест!.. В воду спущу!

С. Малышев. ПАРУСНИКИ В ЧЕРНОМОРСКОМ ПОРТУ.

умеренный человек. Дайте мне книжку, что читали вчера.

— Это Лермонтов. Не дам, вы опять оборвете углы. У меня всего десять книг, и половина их украдена.

— Читайте на здоровье вашего Лермонтова. Удивительно, как вы отстали. Тургенева, например, вы не читали.

— К чему эти ваши выпады? — прищурился помощник. — Идеализатор горничных! А знаете, — обратился он к капитану, — ведь в Китае лучший чай двенадцать копеек фунт. Все пошлина.

Задумались три папиросы. Краснощекий штурман и птицеподобный помощник медленно боролись во славу горничной с одолевшим их сном. Капитан качался на соломенном стуле и вздыхал. Четвертое лицо проснулось в двери, увлекая за собой тонкое червеобразное тело в матросской форме.

— Ну-с? — сказал капитан, удивленно рассматривая Брылова, пароходного ученика. — Что случилось?

— Господин капитан, — сказал Брылов, — тут вас женщина спрашивает, пассажирка.

Мгновенное любопытство подбодрило штурмана и помощника. Но капитан вышел, плотно притворив за собой дверь.

Матрос, бледный, как бумага, растерянно плыл назад, держа руки перед лицом и жалобно хныкая.

— Господин капитан! Господин капитан!.. Эй-богу!..

Капитан перевел дух, подумал немного, побавровел, и новый лексикон, приправленный самыми свирепыми обещаниями и угрозами, повис в воздухе. Он ругался, отводя душу, и вдохновенная брань его сыпалась, как палочные удары, на голову Брыкина. Наконец усталость взяла свое, капитан бросил последний уничтожающий взгляд и вышел на палубу.

Через полчаса, чувствуя потребность разговаривать, он писал жене длинное, подробное письмо, улыбаясь самому себе тихими, рассеянными глазами: «...лю тебя, ненаглядная кошечка, и твои маленькие ручки целую. Когда приеду, привезу тебе ящик рахат-лукума, а ты дашь мне свои белые вожжи, и я каждый пальчик на них поцелую. Ты спи, а я тебя перекуршу. Обнимаю тебя, милая, скоро увидимся.

Твой Вовочка». Окончив письмо, «Вовочка» тяжело вздохнул и раскрыл судовой журнал.

Джуббан МУЛДАГАЛИЕВ, первый секретарь правления Союза писателей Казахстана, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Государственной премии СССР

«Хоть трудно было начинать сначала,
Но просят — согласиться наконец! —
Так откровенно говорил певец
О песне, что пока не прозвучала.

Да, первую строку создать в тревоге —
Как первый след впечатать в целину.
Тому, кто знал дороги и дороги,
Не позabyть заветную одну...

Строки из моей поэмы «Орлиная степь» вспомнились во время работы над этой статьей о Советском Казахстане, который, как и его коммунистическая партия, отмечает ныне свое 60-летие и во всем олицетворяет величие октябрьского восхождения нашей многонациональной страны, нашей единой матери.

Так с чего же начать? Может быть, с цифр? Ну, скажем, таких: представители более ста национальностей и народностей живут в моей республике. Или — в год своего шестидесятилетия она выпускает промышленной продукции в 252 раза больше, чем производила ее в 1913 году. Разве это не разительный факт? Еще... Нет, слишком много окажется подобных цифр, одна красноречивее другой! Умному читателю достаточно и тех, что я назвал. Лучшие рассказы просто о себе, о времени, о моих дорогих земляках, ибо наша жизнь неотделима от путей-дорог родной республики. Я даже ее ровесник. Мы родились с ней в один и тот же год: в 1920-м.

Только если мое появление на свет в нашем маленьком роду, затаившемся в степях Западного Казахстана, было вполне заурядным явлением, то рождение республики стало началом самой светлой эры в истории всего казахского народа.

Мой род носил мрачное, но запоминающееся имя: нул, что по-русски означает «раб». Никто не знает, кто и когда так нарек род. Но это были действительно бедные, обездоленные люди. До Великого Октября в нашем роду не удавалось бы найти грамотного человека, а сам аул назывался Жиланды, что звучит тоже совсем не весело, ни в первом, ни во втором значении этого слова: «зменный» и «слезливый». Почему «зменный», понятно сразу — в окрестностях аула водилось много змей. Что же касается второго смысла, его необходимо объяснить. Представьте себе небольшую речушку, где весной вода тенью напала по капле, а знойным летом иссушила совсем. Испокоин веков в засушливых степях знали цену воде: эта цена была для народа ценою жизни, которая целиком зависела от байского произвола.

Отец, Мулдагалия, я не помню. Он умер слишком рано, не успев увидеть первые шаги своего сына в совсем иную жизнь, за далекий горизонт, куда вела новая эпоха. Говорят, что отец был тихим, безропотным и бедным человеком, скотоводом, чьи устремления не шли дальше забот о нескольких овцах, от которых зависело шаткое благополучие семьи: голодных ртов в ней было куда больше, чем работников.

Спустя четыре десятилетия я написал поэму «Судьба вдовы». Ее герои могли родиться, жить и умереть и в моем родном Жиланды и в любом другом казахском ауле. А вдова Айша была надолго отмечена многими чертами моей матери Зерип: она осталась с четырьмя малолетними детьми на руках и хлебушка более, чем ей было под силу, горю и нужды. Только Великий Октябрь и Советская власть дали ей,

О ВРЕМЕНИ, О СЕБЕ И О МОИХ ЗЕМЛЯКАХ

простой казахке, человеческие права, приобрели к строительству новой жизни. Уже в молодые годы она вступила в ряды ВКП(б), стала необходимой людям. Ну, а я?

Помню, стиснув листок, как частичку рассвета, И в пылу нетерпенья волнуясь сильнее: «Год рожденья — двадцатый», — Занес я в анкету, Не считая ни месяцев целых, ни дней.

Я ровесник республики! И не в анкетах, А в открытых стихах — биографии суть.

Наверное, и поэтический дар мною унаследован с молоком матери. В молодости она знала многие жемчужины казахского эпоса и охотно участвовала в песенных состязаниях — айтысах. И как она гордилась тем, что книги ее сына издавались на казахском, русском и многих других языках народов СССР!

Мой отец, как и многие его соотечественники, умер совершенно неграмотным, так и не повидавая того, что кроется за плоским горизонтом Жиланды. Сегодня перед его внуками и правнуками открывается весь мир. И потомки Мулдагалия принадлежат всей стране, а не какому-либо отдельному роду, который всю жизнь враждовал со своими соседями из-за воды, пастбищ, скота... В романе Мухтара Ауэзова «Путь Абая», вошедшем в золотой фонд советской многонациональной литературы, великий казахский поэт-просветитель Абай говорит, обращаясь к своим соотечественникам: «...время, которое идет вас вперед, изменится необычно. У людей будет другая жизнь, новые законы. Народ достигнет большого счастья. И это прекрасное время придет. Если ты сможешь сказать, что хоть чем-нибудь помог своему народу приблизиться к счастью, можешь считать себя бесмертным».

Время, о котором мечтал и за которое боролся Абай, пришло для моего народа вместе с Советской властью. Выстрелы «Авроры» пробудили дремотную степь. Имя Ленина возвысило вчерашнего байского батрака-кедея, преобразовав его в человека свободного труда, равного среди равных. Под знаменем ленинской партии он пошел по самой солнечной из дорог от высоты к высоте. И уже не родовые, а классовые отношения определили его сознание. Некогда отсталый, разобщенный народ царской России сегодня с гордостью говорит о себе как о единой социалистической нации: «...на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей — советский народ».

Так записано в Конституции (Основном Законе) Союза Советских Социалистических Республик. Так и есть в жизни.

Мы — советский народ! Как это прекрасно и величественно!

Мы — советский народ! Так говорят о себе мои дорогие земляки, живущие одной дружной семьей в Казахской ССР, строящие руку об руку коммунистическое общество. Эта высшая цель Советского государства стала и главной целью жизни каждого из нас.

В связи с этим мне хочется рассказать здесь о трех встречах с людьми различных профессий и национальностей. О встречах в своем роде знаменательных, случившихся в канун 60-летия Советского Казахстана и компартии республики. Их было много, очень много, подобных встреч, и пришлось поднять писательские блокноты и подумать, отбирая из кладовой памяти наиболее драгоценные зерна.

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ. Ее можно было бы условно назвать «Три сестры». Причем поймите меня правильно: я совершенно исключаю рискованные аналогии с чеховскими героинями, жившими благородными, но иллюзорными порывами к лучшему будущему. Нет, это просто рассказ о встрече с тремя обычными советскими женщинами, каких у нас в Казахстане немало.

Вот уже почти сорок лет они связаны кровными узами: Герой Социалистического Труда Майшай Абеннова — казашка, кавалер трех орденов Саня Нурбаева — узбечка, и награжденная двумя орденами Трудового Красного Знамени Лидия Ласковская — русская. Сестры! — недоуменно спросите вы. Да, сестры, а породнились они на всю жизнь в годы Великой Отечественной войны.

Гитлеровцы бешено рвались к Волге, по ночам зарево пожаров над Сталинградом было видно даже в степях Западного Казахстана. Когда в колхозе «Коммунизм», Туркестанского района, Чимкентской области, не осталось ни одного здорового мужчины, три девушки-подростка сели на латанные-перелатанные тракторы... Они плакали, кусая до крови губы, если машины внезапно останавливались в борозде, а это частенько случалось; и уже под утро, бросив замасленные телогрейки на свежеспаханное поле, забывались беспокойным сном на час-другой...

Трудно сейчас представить, какую непомерную тяжесть вынесли тогда на своих хрупких плечах три подруги — три сестры, не только помогавшие друг другу в поле, но и делившиеся последней черствой лепешкой из кукурузы или крепкой, как камень, плиткой хлопкового жмыха.

За все долгие послевоенные годы сестры расставались только однажды, когда Майшай Абеннову, как лучшего механизатора, коммуниста, райком партии направил на север Казахстана помочь в уборке целинного урожая. Возвратилась она в родной колхоз с первой правительственной наградой — орденом Ленина...

Большую часть Чимкентской области, самой южной в нашей республике, занимают полупустыни и пустыни. В середине прошлого столетия русский инженер-исследователь А. Ульянов писал об этих безрадостных местах: «Если вам случится увидеть караван, то вы заметите, что он торопится скрыться от вас из-за опасения, чтобы вы не стали просить воды,

которой здесь дорожат больше всего на свете...»

Мы ехали в колхоз «Коммунизм» из областного центра по абсолютно прямому, накатанному до маслянистого блеска шоссе вдоль нескончаемой шеренги пирамидальных тополей. За ними по обе стороны открывались зеленые поля и луга, где до самого горизонта пылали маки. В светлых водах каналов отражались солнце и легкие облака.

Еще в 1918 году В. И. Ленин подписал декрет об организации оросительных работ в Туркестане, которым предусматривалось обводнить 500 тысяч десятин земли. На эту цель были ассигнованы значительные по тем временам средства. В 1924 году в Голодной степи, примыкающей к суровому Кызылкуму, возникло одно из первых в стране социалистических хозяйств — совхоз «Пахта арал» — «Хлопковый остров».

В то время совхоз был действительно единственным островом на выжженной бесплодной солнцем земле. Сегодня девятюно процентов всех орошаемых земель республики находится в Южном Казахстане. На 200 километров протянулся Артыс-Туркестанский канал с Бугуньским водохранилищем. Все дальше и дальше в Кызылкум уходят воды сверзвальной Сырдарьи. Они поят и поля колхоза «Коммунизм» — передового, многоотраслевого хозяйства области. Хлопок здесь далеко не единственное богатство. Высокие урожаи дают такие кукуруза, овощи, садовые и бахчевые культуры. Ну, а виноград в этом колхозе может поспорить с иными знаменитыми сортами Крыма.

Главное же богатство хозяйства — работающие люди, люди высокого душевного настроения. Каждый дом в этом небольшом благоустроенном городке, где деревья смыкаются кронами, а аромат цветов стоит на улицах до поздней осени, — полная чаша. Можно, конечно, дотошно подсчитать, сколько у колхозников легковых автомашин и мотоциклов, сколько телевизоров и т. д. Важнее, однако, другое: в каждой семье здесь, как правило, много детей. Только у Майшай Абеновой шесть внуков, а ее сын уже ходит в бригадах, зарекомендовал себя хорошим руководителем, награжден орденом Ленина.

У Сании Нурбаевой и Лидии Ласковской тоже большие и дружные семьи. Все три подруги, три сестры и сегодня, несмотря на заботы по дому, трудятся в колхозе. Беседуя с ними, я подумал еще об одной женщине счастливой судьбы, типичной для нашего времени, — Камшат Доненбаевой. Мать четырех детей, студентка-заочница, она одной из первых доказала на практике, что женщины под силу такая машина, как трактор «К-700». По примеру Камшат лишь в Борсовском районе, Кустанайской области, 750 женщин стали механизаторами. А сама Камшат Доненбаева, знатная трактористка, уже дважды избиралась депутатом Верховного Совета СССР, она Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР. Ее жизнь во многом схожа с жизнью трех сестер из колхоза «Коммунизм».

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ. История ее восходит к концу пятидесятых годов. Осенью 1959 года в Туркестанском районе побывал Мухтар Ауэзов. Завершив свой многолетний труд — роман-эпопею «Путь Абая», он теперь собирал в Южном Казахстане материал для будущей книги о своих современниках «Племя младое». Это произведение писатель замыслил как большое художественное полотно о социалистическом периоде истории Казахстана.

Как-то, задумчиво улыбаясь, Мухтар Омарханович заметил:

— Человек, не знающий меня, никогда не скажет, что я жил во времена феодализма, владевшего жизнью степей...

Во время поездки по Южному Казахстану, где писатель встречался и подолгу беседовал с чабанами-аксакалами, рабочими и инженерами Чимкентского свинцового завода, хлопкоробами и горняками — героями своих будущих книг, Ауэзов еще раз прикоснулся к прежнему Туркестану, к далекому прошлому родного края. Это было неподделку от развала древнего Отрара, известного тем, что в

1405 году в нем умер Тимур. Здесь поднимаются лазурные купола мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави — удивительного произведения средневекового зодчества, сооруженного безвестными мастерами. Сегодня именно тут — рядом с древним Туркестаном, с его архитектурными памятниками, реставрированными и как бы рожденными заново, — поднялся один из молодых городов республики, Кентау. Он пораил Ауэзова своей свежестью и новизной, продуманной планировкой и обилием цветов. Позднее в газете «Известия» был опубликован очерк писателя, где есть такие строки: «...Будущее Кентау, как и будущее других районов, его соседей: Сузак, Чаяно, Туркестана — прекрасно, и мы думаем, что жители этих районов не обидятся, если мы назовем Кентау прекрасным венцом Черных гор. И если мне доведется написать задуманный мною роман о Южном Казахстане, то пусть самые дорогие моему сердцу молодые герои встретятся и полюбаются мне».

Неожиданная для всех смерть оборвала творческие свершения нашего Мухтара-ага. Но вот передо мною лежит книга, которая является приятным сюрпризом для нас, группы писателей, совершивших нынешним летом поездку по Южному Казахстану. Называется она «Рабочая доблесть Ачисая», и авторы ее не профессиональные литераторы, а директор полиметаллического комбината С. М. Мауленкулов и секретарь партийного комитета комбината, инженер-технолог по специальности Г. С. Попов.

Не скрою, их книга стала для меня открытием, еще одной знаменательной вехой на пути писательских поисков и встреч, которые просыпаются в строки новых поэм. Послушайте только: «В музеях нашего комбината можно увидеть экспонаты, которые говорят сами за себя: лом, кайло, лопаты, первая лебедка, первые примитивные машины. Последний экспонат — модель бульдозера с дистанционным управлением. Шахтеры прозвали его «луноходом». Удивительная это картина! В безлюдном забое, деловито гудя, двигается приземистая машина. Человек управляет ею с безопасного места. И пусть пока многое в бульдозере несовершенно, но ведь это пробивающийся на наших глазах могучий росток нового!»

Кайло, лопата — и подземный «луноход». День прошлый и день нынешний. А какие социальные перемены произошли за это время!

Чтоб дополнить эту великолепную страничку, приведу хотя бы небольшую, но характерную деталь: в Кентау, где летом этой достигает 30—35 градусов в тени, а зимой дуют холодные ветры, круглый год — цветы. И не только в магазине. Их вручают ветеранам труда и передовикам производства, любящим учителям и первокурсникам, переступающим порог школы. 8 Марта всем женщинам комбината преподносят традиционные весенние букеты.

Герой Социалистического Труда, бригадир рудника «Иргалинский» Нурмахан Намалов говорит: «Действительно, трудно сейчас поверить, что там, где в моем городе широкая центральная площадь, цветники, тенистые аллеи парка горняков, тянувшая когда-то твердая, словно камень, верблюжья тропка».

Кстати, где-то в стороне от этой тропы стояла одинокая юрта ковчегона Мауленкула. Это был отец будущего директора Ачисайского полиметаллического комбината, человека, прошедшего путь от горного мастера до руководителя одного из крупнейших предприятий Казахстана.

И вот, наконец, **ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ** в моем повествовании. Я начал с того, что мой отец, как и подавляющее большинство казахов, видел мир не дальше родного аула и плоской степи, где он круглый год выпасал байские отары, не ведая о большой жизни там, за горизонтом.

12 апреля 1961 года, когда весь мир, затеяв дыхание, слушал сообщение ТАСС о первом космическом полете гражданина Страны Советов Юрия Гагарина, я, конечно же, не думал о том, что через несколько лет побываю на космодроме Байконур, откуда стартовал в небосвод просторы Вселенной первый человек, чье имя станет легендарным, войдет в поэмы и песни. Не знал и о том, что сам по-настоящему заболел «космической» темой, которая приведет меня в звездную гавань, известную теперь в любом уголке нашей планеты.

Понятие о Байконуре у нас, казахов, связывается с преданием о первом музыканте Коркуте. На крылатой вероложке Желая он облетел в поисках обетованной земли своего народа весь мир, но везде видел только горе и

могилы. Не желая примириться с тем, что человек смертен, Коркут выдолбил из ствола дерева кобыз и, наткнув струны, заиграл первую в степи мелодию. Она вошла в сердце народа и осталась в нем навсегда, как символ бессмертия.

И понятие в казахском народе бытует множество поэтических сказаний о поисках своей Жеруюк — земли обетованной. Я не знаю, какую удивительную мелодию сложил бы сегодня Коркут-ата в степи, где он родился и умер. Тяв Байконура величественной и прекраснейшей талантами и смелых легенд, рожденных поколениями степных певцов, музыкантов и сказителей.

Предание о Коркуте я услышал в несколько иной интерпретации от почтенного аксакала Ишанкула Даулетова. Всю свою долгую жизнь он прожил в краях, где странствовал легендарный музыкант и где ныне находится космодром.

— Первой моей ступенью в светлую жизнь, — сказал старый Ишанкул, — был Турксиб. Я пришел туда на строительство темным, неграмотным парнем — недавним байским батраком. На строительстве меня обучили не только грамоте, но также дали специальность железнодорожника — Турксиб стал, как я уже говорил, моей первой ступенью в новую жизнь, я почувствовал себя человеком...

Уже в весьма почтенном возрасте аксакал Ишанкул работал на железнодорожном транспорте. По его пути пошел сын, три дочери Ишанкула получили высшее образование. Меня поразило, с какой гордостью убежденный сединами человек говорил о том, что ему посчастливилось стать живым свидетелем космического подвига Юрия Гагарина, и о том, что он знает нынешний Байконур, как знал раньше родную степь.

— Понимаешь, сынок, — неторопливо рассказывал за даштарханом Ишанкул, — Байконур — высшая ступень не только в моей жизни, но и в жизни всего моего народа. От Турксиба до Байконура идут все выше и выше ступени баша — советского человека...

Вот так у меня родилось название поэмы «Ступени Байконура», в одном из главных героев ее стал старый Искул — по сути, Ишанкул Даулетов, чья жизнь, вместившая в себя Турксиб и Байконур, явилась типичной для всего казахского народа, нашедшего счастье в братской семье советских народов.

Как и все мои земляки, я горжусь тем, что подвиг Юрия Гагарина в космосе продолжил уроженец Казахстана Владимир Александрович Шаталов. После группового полета трех космических кораблей, выступая на пресс-конференции перед журналистами, он сказал:

— Рад, что я в Казахстане. Ведь здесь я родился... С земли Казахстана дважды стартовал в космос, дважды опускался на вашу гостеприимную степь. Комсомольцы Казахстана попросили нас взять с собой в космический полет эти два маленьких мешочка — с пшеницей и рисом. Они проделали вместе с нами весь долгий космический путь. И вот мы привезли их вам. Желаем новых успехов трудящимся республики, желаем хлеборобам и рисоводам Казахстана отличных урожаев.

Слова эти были сказаны от всего сердца, а доброе слово, говорят в народе, душе опора. «Космические» зерна принесли богатые урожаи на поднятой целине и на плантациях молодых последователей знатного рисовода, дважды Героя Социалистического Труда Ибрая Жахаева.

В творческом труде, в устремлении к миру встречаю мой дорогой земляк 60-летие своей республики и Коммунистической партии Казахстана. С высокого перевала истории видится далеко и ясно. А впереди — новая высота, новый знаменательный рубеж в жизни каждого из нас — XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Радостно бьется сердце, когда думаешь о светлом пути, пройденном моим народом за годы, равные столетиям. И мысли при этом облекаются в поэтическую форму, в стихи, которые я хотел бы посвятить моим землякам — трем кровным сестрам из колхоза «Коммунизм», горнякам и строителям молодого города в Черных горах — Кентау, аксакалу Ишанкулу Даулетову и его детям, космонавтам и хлеборобам — всем-всем в канун нашего общего юбилея.

С чем можно было бы сравнить Родную степь в потоках сыплет! И чем можно было бы сравнить И жизнь мою и время это!

**Юрий ЛУШИН,
Геннадий КОПОВ,
специальные
корреспонденты
«Огонька»**

Фото авторов

Страда воскресений не знает. Зазвенел литыми зернами спелый колос, пробудил к жизни на бескрайних просторах казахстанской целины комбайны, и пошла горячая пора уборки. Тут уж не зевай, успевая только поворачиваться, потому что хлеб ждать не может. Теперь дух беспокойства о судьбе урожая не оставит равнодушным никого — ни партийного руководителя, ни государственного деятеля, ни земледельца, ни сталевара, ни рабочего, ни космонавта. С дум о хлебе будет начинаться и кончатся каждый день. И это справедливо, ибо хлеб такой вид энергии, без которого ни песню сложить, ни металл сварить, ни в космос слетать...

только на казахстанских полях, но и в Сибири, Зауралье, Поволжье, во многих районах Украины, селяки покупают страны — участницы СЭВ и другие зарубежные государства.

— Значит, выход один — расширять производство!

— Разумеется, и уже принято на этот счет решение. В предстоящей, одиннадцатой пятилетке мы должны опять же более чем вдвое увеличить производство.

— То есть вместо двух заводов будет четыре?

— Не совсем так. К этим двум должны добавиться еще двадцать новых заводов и цехов. Да, да, не удивляйтесь. Хлеб в наше время силен в соединении с металлом. Загвоздками говорю? Нет, сейчас поймете. Дело в том, что у нас в Казахстане много мощных тракторов К-700 и К-701, а в недалеком будущем в Павлодаре начнут выпускать специально для целины К-710. Машины могучие, настоящие богатыри, только вот беда — нет к ним в достаточном количестве нужного оборудования, чтобы усилили их богатырскую использовать сполна. Значит, мы обязаны ликвидировать этот пробел. Причем не просто в количественном отношении, но главным образом в качественном. Так, для «Кировца» мы должны выпускать ши-

Может быть, правильнее, «един в двух лицах» — инженер-агроном? Зачем ему решать проблему солонцов, если никто не просит его об этом? Не выдержав, мы выпалили ему всю эту обуюм вопросов. Он улыбнулся и ответил:

— Земля просит, наша родная целинная земля. Представляете, сколько дополнительно зерна может получить страна, если мы сумеем оживить два-три десятка миллионов гектаров солонцов? А их ведь гораздо больше... По правде говоря, жалею, что нет у меня агрономического образования. Мы же для хлебной нивы машины выпускаем, значит, обязаны понимать не только душу металла, но и душу хлеба...

Хлеб и металл. Богата казахская земля и тем и другим. Ее нивы можно окинуть взглядом разве что из космоса, только жаль, что редкая туда командировок пока не выписывает. Ее руды ни на каких весах не взвесить.

Куда только не прячет природа свои сокровища — в леса дремучие, в моря глубокие, в горы высокие. Словно в прятки с человеком играет, но все меньше у нее остается тайн. Мы ехали из Лениногорска по дороге к будущему, как сказали геологи. Дорога нелегка — то бурные реки пересекает, то сквозь

ХЛЕБ И МЕТАЛЛ

Примерно с такого вот монолога начал нас знакомить с Целиноградским объединением по производству противозеронозной техники его генеральный директор Михаил Сергеевич Бутенко. Можно было подумать, что с нами говорит агроном с многолетним стажем, а не инженер-машинист. Мы переходили из цеха в цех, нас сопровождал гул разнокалиберных станков, лязг металла, на сборочном конвейере обростали «плотью» плоскорезы и культиваторы, а мы говорили о хлебе, потому что вокруг Целинограда на все четыре стороны стелились поля и потому, что вся эта техника имела к ним самое непосредственное отношение. На отгрузочной площадке молодая крановщица Кумысай Аймагамбетова с женским изяществом аккуратно ставила на платформы новенькие селялки. Ее предки кочевали в акилинских степях, и горсть муки была для них когда-то на вес золота. Бутенко оживился.

— Это ведь чудо, а не селялка, — говорил он. — Ведь не было еще в истории земледелия такого, чтобы за один проход выполнялись сразу четыре операции. А она умеет и предпосевную обработку почвы вести, и удобрения вносить, причем на нужную глубину и непосредственно к корням растений, и сеять, и почву прикатывать, оставляя ее ребристой, чтобы предохранить пашню от ветровой и водной эрозии. Ну, не чудо ли?

— А какой на это чудо спрос?

— Огромнейший. Как только хлеборобы поняли всю пользу и выгоду, которую несет почвозащитная система земледелия, нам не стало отбоя от заказов. Поэтому пять лет назад на базе заводов «Целиноградсельмаш» и «Казахсельмаш», а также специального конструкторского бюро было создано единственное в стране объединение по производству противозеронозной техники. Перед нами асталась довольно трудная задача — удвоить в течение десятилетий выпуск продукции. Теперь можно сказать, что мы этот план даже перевыполнили. Но и спрос на такую технику за это время вырос. Нашими орудиями обрабатывают нивы не

рокозахватное беспцепочное оборудование. Сейчас, например, испытывается селялка с шириной захвата в четырнадцать метров! Тракторист, не выходя из кабины, может менять все ее параметры — глубину заделки семян, их количество и т. д. Проектируем плоскорезы глубокого рыхления, тяжелые культиваторы, в общем, всего более двадцати разных машин, которые сделают семейство могучих К-700 настоящими универсалами. Все это металл, в душу которого мы вдоем жизнь. Поэтому в комплексе заводов, которые будут строиться в следующей пятилетке, входит, например, сталелитейное и чугунолитейное производство, цех порошковой металлургии, инструментальный завод, сборочные цеха и многое другое...

Еще одна проблема не дает нам покоя, — продолжал директор, — освоение солонцов, которых только в республике многие десятки миллионов гектаров. Такие почвы всегда считались бросовыми, на них никогда ничего не росло. И не способно расти — так считают до сих пор многие. Плодородный слой, хотя и тонкий, в них есть, но лежит он на солонце, который сквозь себя ничего не пропускает — ни влагу, ни питательные вещества. Тут и плоскорезы не помогут. Значит, туника? Пошли советоваться к агрономам, к ученым. Те исследовали состав почвы и говорят: «Выход есть. Под солонцами лежат карбонаты, которые способны их нейтрализовать. Для этого плодородный слой необходимо приподнять, солонцы и карбонаты разрушить, смешать между собой и опять накрыть слоем почвы. Вот и все». Ничего себе — все... И все же мы создали опытные образцы орудий, способных на такую работу. В прошлом году обработали ими несколько десятков гектаров солонцов и получили урожай от четырех до шести центнеров с гектара. Вы скажете: немного, но все познается в сравнении. Не будем забывать, что раньше на солонцах вообще ничего не росло...

Мы смотрели на директора с некоторым изумлением. Кто же он! Агроном? Инженер?

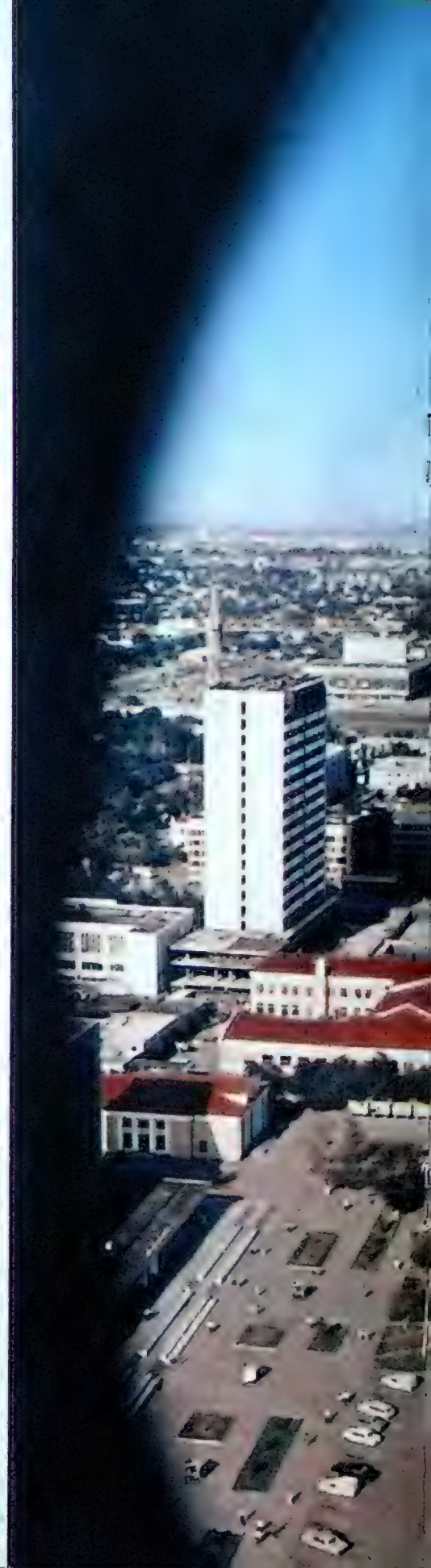
тайгу проламывается, то по краю ущелий пробирается, то на крутизну карабкается (только кусок неба из кабины и виден). Где-то там, в конце пути — гора Чекмарь, нафаршированная свинцово-цинковыми рудами, обещающими долгую, долгую жизнь Лениногорскому полиметаллическому комбинату. Хвойным лесом поросла она и дикими травами, а вот поди ж ты, не сумела укрыть свои сокровища. Теперь гору прощупывают штольнями, бурят со всех сторон геологи, прослушивают, словно внимательные врачи больного. Нужно определить точное количество руды, ее состав, глубину залегания и многое другое, без чего не может начаться промышленная разработка. Не будем называть пока цифр, тем более, что они еще приблизительны. Скажем только, что руды здесь очень много — не на один десяток лет хватит, причем примерно треть ее можно разрабатывать открытым способом. А геологи идут дальше...

Едем к Чекмарю и пытаемся представить, как шагал по здешним, совершенно тогда, в конце XVIII века, диким местам русский горный офицер Филипп Риддер со своим неболь-

Горит звезда над копром Тишинской шахты. * Буровой мастер Иван Пантелеевич Казарин из Лениногорской геологической экспедиции.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Принимай, Родина, хлеб Казахстана!
Талча Сайлибаева работает в колхозе имени Ленина Алма-Атинской области.
* Целиноград — птичьего полета.
* Асет Тулебаева — учительница из Ерментау.

шим поисковым отрядом. Шли они по следам легенд о рудниках из племени чуди, шли, отыскивая древние горные выработки, сохранившиеся со времен бронзового века. На быстрой реке Громотухе нашли они наконец блестящие тяжелые камни, изменившие судьбу этого края. И все же вряд ли думал Филипп Риддер, что его открытие наделает столько шума в мире, что век спустя за дешёвые рудники будут рвать друг друга на части капиталисты разных мастей, от австрийских золотопромышленников до английского миллионера Лесли Уркварта; что город, который тут возникнет, нарекут его, Риддера, именем, а потом по просьбе рабочих переименуют в Лениногорск. И это было в высшей степени справедливо, потому что именно личное участие Владимира Ильича Ленина предопределило бурное развитие этого края. В годы тяжелейшей войны с фашизмом каждая девятая пухля, выпущенная по врагу, была отлита из техкладов, которые Риддер некогда искал...

Надо ли говорить, что настоящая жизнь на берега Громотухи пришла лишь в советское время. Возникли новые рудники, обогатительные фабрики, гидростанции, заводы, шахты. Шахты такие, что внутри них по штольням ездят огромные самосвалы «Татры», всякие хитрые машины, наученные бурить, дробить, возить и поднимать наверх руду.

Мы видели это на Тишинском руднике, где были гостями в бригаде Павла Иванова. Причем нежданно-негаданно попали на праздник, потому что как раз в этот день Иванов и его товарищи заканчивали десятую пятилетку. Настроение было приподнятое, и каждый хотел собственной рукой бросить в рудоспуск последний кусок руды, поставить, так сказать, точку. А через несколько минут они уже грузили руду в счет следующие пятилетки, посвятив свой успех предстоящему XXVI съезду КПСС... Потом она отправится на цинковый завод, чтобы превратиться там в самый чистый металл, какой только выпускают в Советском Союзе, а оттуда по всему по белу свету, разнося славу о Лениногорске.

Но вот и Чекарья. Быстрая Уба делает здесь плавный поворот и уходит за горизонт. Под горой поселок геологов, электростанция, целые ряды ящиков с образцами керна — визитными карточками всего, что хранит природа под землей. Бурение идет по окрестным сопкам и даже совсем рядом с Лениногорском. Геологи не живут нынешним днем, они всегда одной ногой в будущем. Буровой мастер Иван Пантелеевич Казарин в разведке тридцатый год, все сопки, кажется, исходил в округе, участвовал в открытии знаменитых Тишинских Руд.

— Бурили там долго, целое лето, — рассказывал он, — а все никак на руду выйти не могли, хотя точно знали — где-то она тут, под ногами. Ну, то есть все признаки налицо, а ухватить не могли. Уже ноябрь наступил, морозы начались, и решили бурение до весны отложить. Приказ такой вышел, и было это в аккурат шестого ноября, перед самым праздником. Последний буровой станок на площадке оставался и двое бурильщиков. Ну, они и решили: чем без дела ночь сидеть, давай-ка станок запустим. И бурили до утра, а когда керн подняли, то ахнули — почти чистый цинк. Так с этим керном и на демонстрацию пришли... Тут всё забурило, и зима помехой не стала. Строительство развернулось грандиозное, и в подарок XXIII съезду партии наши делегаты повезли первый лениногорский цинк.

— Чем же встретил XXVI съезд?
— Вот это месторождение сдадим, немного осталось доразведать.

Мы еще некоторое время сидели молча на Чекарье. Было тихо, где-то куковала кукушка, суля всему окружающему долгую жизнь. По Убе шли плоты с туристами, а мы думали каждый о своем, но, может быть, об одном и том же. Что скоро этой тишины не станет, что Чекарья срывает до основания, сделав из него не-

исчислимое количество разных нужных людям для жизни вещей. И тут Казарин вдруг сказал: — Я вот все думаю о нашей профессии. С одной стороны — мы что-то рудим в природе, с другой — приносим людям пользу, даем металлургии ее хлеб — руду...

И снова, в который раз за поездку, возникла параллель — хлеб и металл. Хлеб металлургии и хлеб насущный. Какой парадокс: немного, пожалуй, на земле материй, которые природа наделила столь противоположными свойствами. Хлебный колос хрупок и нежен. Металл прочен. Колос растет, чтобы погибнуть от железного серпа или жатки комбайна. Но и жить друг без друга они не могут. Орудиями из металла вновь распаивается каждая весну пашня, чтобы дать жизнь новому колосу. А хлеб, что же он такое? Он просто Хлеб, без которого невозможно существование ни металлурга, ни самого пахаря...

Как жатва не знает восрескений, так и плавка металла не знает выходов. В Темиртау мы видели, как вел плавку сталевар Арген Жунусов, награжденный за свой труд орденом Ленина. Ноторопливый в словах и движениях, он словно походя подчинял себе машину мартена, в котором клочкотало неистовое пламя. Казалось, что для него сварить сталь так же просто, как вскипятить чайник. Лишь особая напряженность взгляда и плотно сжатые губы говорили о том, что эта легкость только кажущаяся. Как ему удавалось в одиноковых условиях опережать других? И какой силой обладал знаменитый комбайнер, Герой Социалистического Труда Кенжибек Алпыспаев, оставаясь многие годы непревзойденным? Что помогает бригаде катодчиков Анатолия Кузнецова на Лениногорском полиметаллическом комбинате быть лучшей из лучших? Ответ и прост и сложен одновременно — сила таланта. И богата же земля казахская талантами...

Кенжибек стоял на краю поля и смотрел в небо. Ничего хорошего оно не обещало. Так же шли с запада тучи, где-то погромыживало, словно везли железную тачку по железным, разбросанным как по полю, лисгам. Некоторые комбайны уже остановились.

— Нет, останавливаться рано, — сказал сам себе Кенжибек, поднимаясь к штурвалу, — еще есть несколько минут, а хлеб ждать не может...

Комбайн его плавно шел по полю, и было оно знакомо ему до последней коочки. Бывало, что поле удивляло его своими капризами: то вдруг щедрым колосом одарит, а то заставит комбайн почти впустую кружить. Кенжибек понимал, что капризы эти не вдруг случались, а в ответ на какие-то просчеты людей. Может, и его, Кенжибека, была в этом вина. Но он всегда старался быть честным с землей, знал, ее не проведешь. Плохо авашешь, плохо посеешь — не жди урожая...

Дождь ударил в комбайн косыми струями, дрогнули колосья, словно прося пощады. Ни к чему он сейчас, но природе не прикажешь. Кенжибек остановил комбайн, спустился на землю и, не обращая внимания на потоки воды, полез с масляной в мотор.

— Чем помочь, Кенжибе! — услышал он за спиной голос Саши Короткова.

— Все в порядке, сынок. А ты что же домой не едешь?

— Так ведь дождь не вечен, а я не сахарный, не растаю. Он скоро кончится, а хлеб ждать не может...

Словно мысли мои подслушал, восхитился про себя Кенжибек. И подумал: славный из него хлебороб получится! Он давно звал Короткова сыном, с тех, пожалуй, пор, когда их семьи поселились в Воздвиженке в одном доме. Семья Алпыспаевых по казахской традиции была большой, но из тринадцати детей в живых осталось только четверо. Этих четверых принимала русская акушерка Дарья Бубликова, и лишь по этой причине, Кенжибек был убежден в этом, они остались жить. Поэтому Кенжибек почитал Дарью за родственницу и приглашал на все семейные праздники...

Родовали дети сердце старого Кенжибека, радовал и названный сын Саша Коротков. Если все, что приехал осваивать целинные земли, похожи на Короткова, считал Кенжибек, значит, быть новой ниве щедрой. Так оно и случилось. Научились целинники укрощать эрозию, и земля отвечала щедрыми урожаями.

...По проселочной дороге ехали мы в гости к Кенжибеку Алпыспаеву в Шалкар — выйдя на пенсию, он поселился тут вместе с младшим сыном. По сторонам тянулись пшеничные поля, и, хотя до уборки было еще далеко, Александр Савельевич Коротков напряженно всматривался в них, оценивая будущий урожай взглядом знатока. Лица его то хмурилось, то прояснялось, и обычно немолчаливый, он все же не выдержал молчания, сказал:

— Дождичка просит хлебушко, ох как просит...

— Но хлеба вроде бы неплохие?

— Средние хлеба, в прошлом году были лучше. Мы на отдельных участках по тридцать центнеров намолачивали с гектара.

— А что сказали бы вы о таких хлебах лет пятнадцать назад?

— Отличные — сказал бы, но то время ушло, теперь мерки другие...

Мерки, теперь, конечно, иные. Это верно. Кенжибек Алпыспаев рассказывал, как они еще до войны пытались распаивать сначала с помощью волов, а потом слабосильными тракторами здешние степи. Бывало, что получали по пять центнеров с гектара и радовались этому.

— Один год сильная засуха была, — вспоминал он, — почти все на корню сгорело. У нас уже комбайны в Семеновской МТС были. Целый день, помню, гоняешь по полям комбайн, а зерна чуть на донышке бункера наберется. Вот свалишь к вечеру это зерно на козу, а к утру от него ничего не остается — козы съели. И смех и грех...

Да, такие вот мерки. А теперь сын Алпыспаева Хайрулла, начинавший когда-то помощником комбайнера у Александра Короткова и ставший затем, после окончания института, главным агрономом хозяйства, как о совершенно реальном говорил, что на этих же землях будут получать в среднем по двадцать центнеров. Задача, достойная нашего времени. Хлеба требуется стране с каждым годом все больше, а земля ведь в размерах не увеличивается. Искусство земледельцев поэтому будет с течением времени приобретать все большее значение, ибо от него в конечном счете зависит жизнь планеты...

С такими мыслями мы возвращались в Целиноград. На центральной площади шумели фонтаны, в такт струям выплескивались волны цветомузыки. Город праздновал свое 150-летие. Мы бродили по его улицам и ничего не узнавали, хотя не были здесь всего лишь полтора десятка лет. Все изменилось. Возникли новые проспекты, площади, высотные дома, бережная Ишима оделась в бетон. Теперь разве только как курьез воспринимается свидетельство историка о том, что в конце XIX века Ахмолинск, нынешний Целиноград, был официально объявлен царским правительством местом ссылки. Но не будем забывать и о таких курьезах, потому что они лишь резко подчеркивают достижения настоящего.

Сразу от Дворца целинников начинался проспект Мира, с которого, собственно, и пошел новый Целиноград. Горожане называют его про себя еще проспектом Братства, потому что каждый большой город, пославший своих представителей на освоение целины, построил здесь по дому. Тут есть алма-атинские, ленинградские, московские, киевские дома... Также, как есть на целине совхозы «Ленинградский», «Ижевский», «Минский», «Севастопольский», «Симферопольский»... О многом говорящие, символические названия. Вся страна поднимала целину, вся страна помогает ей и теперь, посылая сюда технику, удобрения, лучших своих людей.

Опять пришла на ее поля жатва. Она венчает не только хлеборобский год, она подводит итог пятилетке, посвящается 60-летию республики. Поэтому каждый, от кого зависит судьба урожая, испытывает сегодня чувство особой ответственности за дела на хлебной ниве целины. Каждый. И рабочий, выпускающий сеялки или тракторы, и сталевар, и комбайнер, и шофер, отвозящий зерно на элеватор, потому что все они соратники, союзники по хлебу.

Хлеб и металл!.. Они тоже союзники. Крепость этого союза — золот силы и процветания республики.

Усть-Каменогорск. В детском городке — крепость. * Праздник урожая. * Быстрые реки Рудного Алтая. * Байга.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Всю ночь шел теплый дождь. Он начался как-то очень тихо, без ветра, без грозы, без тяжело наползающих черных туч, когда людей невольно охватывает томительное предчувствие длительного ненастья. Просто небо слегка потускнело, а после захода солнца звездочки не зажигались. Потянуло сыростью, запахом еловой смолки, и по ветвям деревьев впотяхах застучали крупные редкие капли, так, как всегда начинается ничем не приметный, обыкновенный дождь.

Однако тихий, убаюкивающий стук падающих на землю капель, мягкий шелест высокой травы, окружавшей маленькую одноместную палатку, на этот раз Андрею Арсентьевичу казались небобрими. Он встревоженно приподнимался и до звона в ушах слушивался в кочные шорохи. Не ее ли это шаги?

Выходил из палатки, не замечая, как враз на плечах легкая брезентовая куртка туго стягивается от сырости, как звучно пощелкивают у него под ногами набухшие еловые шишки, и наугад возмущался в черную глухомань. Медленно возвращался. Отмахивал со лба мокрые волосы. И, тяжело переводя дыхание, опускался на подстилку из душистых пихтовых лапок. Болело сердце.

Где же Даша? Что с ней? Ночь непроглядная. А Даша так боится в тайге темноты...

1

Всю ночь шел теплый дождь. Андрей не раз просыпался. Ему казалось, это тихонечко постукивает в сеничное оконце старший брат Мирон. Он подбегал к двери, сбрасывал крючок. В узкую щель врывалась мелкая водяная пыль. Андрей окликивал:

— Это ты?

Ответа не было. Только монотонно барабанили дождевые капли по железной крыше, по стеклу оконца, по доскам недавно выкрашенного крыльца. Андрей, позевывая, ложился, взбивал подушку свою, и подушку, на которой рядом с ним должен был спать Мирон, и мгновенно погружался в сладкое забытие, хотя долгое отсутствие брата, да еще в такую непогожую ночь, его очень тревожило. Тем более, что отец с матерью и не знали об этом — тайну двух братьев не следовало им открывать преждевременно.

Собственно, коснись это только его, Андрей давно бы уже проболтался. Как можно в таком деле не посоветоваться с родителями? Но у Мирона характер особенный, он любит во всем твердую определенность. А вдруг отец недовольно и недоверчиво сморщится? Мать начнет дотошно расспрашивать, никак не высказывая своего отношения. Это же тяжелее всего. Для родителей оба они еще мальчики. А ведь Мирону уже двадцать, и Андрею исполняется восемнадцать. Оба работают. На окраине их маленького подтаежного городка Чаусинска, стоящего в стороне от железной дороги, строится лесной техникум с клубом, столовой, спортивным залом и общежитиями. Крупная фабрика стройки. Мирон на ней плотником, Андрей — маляром. Вся семья живет, по существу, только на их заработок. Мать хозяйничает по дому, копается в огороде, сажает картошку-морковку, а отец постоянно болеет, на штатную должность — прежде служил он в сапожной мастерской кладовщиком — его уже не берут. Пенсии не получал. Вот и получается, когда денежки зара-

батывать — Мирон с Андреем взрослые, их за самых старших, за кормильцев, почитают, а когда... Словом, во всем остальном, что касается жизни, даже шаг не шагни без спросу. То есть шагать-то шагав совершенно свободно, только иной раз и самому потом горько, как посмотреть в глаза матери, — такие они становятся печальными. А отец на неделю уходит в молчание. Их, конечно, тоже можно понять.

И снова Андрею почудился стук в оконце. Страхивая сонную одурь, он подосадовал на себя: и зачем он закрывает сеничное окно на крючок? Какой тут жулик в такую дождливую ночь полезет, хотя их домик, так же, как и стройка техникума, находится на самой окраине города. Да и знают наверняка эти мелкие ворюжки, что у них и поживиться-то нечем. В сенах, кроме постели, на которой в летнюю пору под одним одеялом Андрей спит с Мироном, и еще там старых ведер, лопат, инструмента плотничьего и малярного, больше нет ничего. И в самом-то доме кухня и одна комната, что там взятый Правда, Мирон завел себе новый костюм, шевитовый, — пиджак и брюки навыпуск. Коричневые, с дырками, полюбил купил. Это, между прочим, отец настоял: «Как-нибудь перебежусь, а без хорошей выходной одежды тебе, сынок, уже никак нельзя. Возраст такой». Мать вздохнула: «И Андрею справить бы не мешало». Отец усмехнулся: «Ну Андрей еще подождет. Пусть пока Миронова донашивает». Куда денешься, у всех младших братьев судьба такая.

СВИНЦОВ МОНОУМ

Нет, и этот стук оказался обманным, должно быть, просто над крышей погулела прошла дождевая коса. Андрей распахнул дверь настежь. Сквозь низко нависшие тучи слабо пробивался рассвет, двор отблескивал широкими лужами, в которых ворчливо журчали падающие с неба тугие струи теплой воды. Андрей с удовольствием провел ступней босой ноги по скользким доскам крыльца.

«Тепло-то тепло, — подумалось ему, — да ночь кончается, а Мирона все нет. По всем расчетам давно бы он должен вернуться. Вот-вот поднимется отец с матерью, пойдут через сени во двор, сразу заметят. Спросят. А что я скажу!»

Он притворил дверь, теперь не закрывая на крючок, снял с гвоздя, вбитого в стену, висевшую там свою и Миронову рабочую одеж-

ду, стеганки, которые здесь остались еще с зимних холодов, скрутил чучело и засунул под одеяло. Улегся рядышком. Мелькнула ленивая мысль: сегодня воскресенье, на работу не надо идти. И вторая мысль, неопределенная: Мирону в открытом поле и в лесочке возле озера укрыться от дождя негде, а отсиживаться где-нибудь под крышей в городе какой же смысл?

Немного сердясь на брата, так непонятно запаздывающего, он ткнул кулаком в чучело, потом примирительно — проворчал: «Ладно уж, — и сразу крепко заснул.

— Андрей! Андрей!

Он открыл глаза. Было совершенно светло. И тихо. Дождь, видимо, только что перестал, капли уже не барабанили по крыше. Из чуть приоткрытой внутренней двери пробивался какой-то вкусный запах. Это на кухне мать готовила праздничный завтрак.

Мирон торопливо сдергивал через голову мокрую рубашку.

— Андрей, меня не хватились, что дома нет!

— И-не знаю... Кажется, нет. — Андрей, еще оглушенный крепким сном, выталкивал из-под одеяла чучело. — Тут я вместо тебя... Давай ложись. Ты чего так задержался? Дождище всю ночь лил как из ведра.

— «Чего, чего?» — поглядывая на приоткрытую дверь, Мирон сбрасывал с себя брюки, стягивал прилипшую к телу майку, говорил свистящим шепотом: — Утонул было я. Насмерть. Вот черт!

— Где? Как это? — У Андрея от страха даже щелкнули зубы. И стало как-то нехорошо, что о такой вполне возможной беде ночью ему и не подумалось. Ну, просто тревожился, беспокоился, а брат в это время захлебывался, тонул. Надо было пойти на озеро вместе с ним. Он повторил: — Как это? Ты ведь хорошо плаваешь.

Мирон в одних трусах на крыльце выжимал, выкручивал сброшенную одежду. Раскинул ее на веревке, всегда натянута поперек двора. Влез под одеяло.

— Только ты молчок. Никому. Мама спросит, с чего это сушишь, ответим: баловались, друг друга из колодца обливали. Годится?

— Годится, — сказал Андрей. — Хочешь, я и свое что-нибудь намочу, развешу?

— Да ладно. — Мирон блаженно потягивался. — Мама поверит. Ух, а есть до чего хочется! И спать — еще больше. Ташила обратно — глаза спалились.

— Так ты расскажи все же.

— А чего рассказывать? Дождь-то еще на полдворе туда меня захватил. Темные, вытяну руку — пальцев не видно! Озеро, веришь — где оно? — по звуку лишь угадал, дождь по воде иначе, чем по земле, хлещет. Разделся, забрал выше колена, осочка мне ноги щечокчет, а куда плыть, не знаю. Помню, надо не на самую середину озера, а к бочку одному. Так это если бы днем, при свете. А тут вправо или влево этот бочок, никак сообразить не могу. Понимаешь, даже в каком именно месте я на берег озера вышел, не разбираю в темноте.

— Ну и вернулся бы сразу! Обязательно тебе эти кувшинки!

Мирон оскорбленно умолк. Андрей понял, что нечаянно попал в самое больное место. Знал ведь, что кувшинки — белые лилии водя-

ные — Мирону нужны обязательно. И надо было помочь ему. Да ведь кто же думал, что ночью так неожиданно наплывает тяжелая тихая туча с большим дождем?

— Прости, по глупости с языка сорвалось, — сказал Андрей виновато.

— То-то же. — Мирон смягчился. — Я поплыл. Думаю, озеро не так уж большое, все равно как-нибудь да найду. Вода теплая. В самом озере. И сверху такая же теплая лют. Только, понимаешь, махаю, махаю саженками, уставляю уже начал, а все плыву по открытой воде. Чувствую, большая глубина подо мною, а кувшинки — они же все-таки, вроде бы островков на озере образуют.

— Недалеко от берега тоже их полно, — вставил Андрей. И опять нехотят. Но Мирон на этот раз не очень обиделся.

— Да какие же у берега цветы! — бросил он снисходительно. — Ты посмотри мои, вон в ведре полотенцем прикрыты. — И продолжил: — Плыть, плыву и вдруг ну прямо в жуткую ледяную струю попадаю, со дня, что ли, бьет родничок; и ноги мгновенно мне судорогой стягивает. Так больно становится, что и руками уже махать не могу. Дыхание зажимает. Скорее к берегу. А где он, берег? Вот тут и штука. Где берег — мне неизвестно. Уже пухиры пускать начинаю...

— Ух ты! — только и выговорил Андрей.

— Выбрался я из холода, а судорога все-таки продолжается. Что было дальше, не очень помню, знаю, и с головой под воду ухнул, и какие-то ослизные корни или ветки меня обвивали, тоже таяли на дно, раски противной, козявки разных досыта наглотался, да выплыл, понимаешь, совсем наугад, выплыл на берег...

— И как же... — запинаясь, спросил Андрей, — как же... Где ты кувшинок тогда таких крупных набрал?

— На озере, — неохотно разяснил Мирон. И зябко передернул плечами, должно быть, припоминая, как он рвал эти кувшинки. — На том самом островке и набрал, который сперва найти я не мог. Отлежался под теплым дождем. Ноги помаленечку отошли. Давай гимнастику делать. Потом опять поплыл. Долго кружил по воде, а наткнулся на островок все же. Понимаешь, стебли, словно веревки, переплелись, не проредешь. Листья, как блины, на воде лежат. На ошупь под ними цветы искал. Темно же. И на ночь вообще они в кулачок свернулись. Потянешь за стебель — как

ухватился за стропильную обрешетку под крышей, несколько раз лихо подтянулся. — Нет! Спать я не буду! Не могу.

— А знаешь, Мирон, — любясь бугристыми мускулами брата, сказал Андрей, — знаешь, если со стороны, это, пожалуй, все-таки глупо. — Глупо! — сердито переспросил Мирон. — Ну, с твоей стороны смотреть, может быть, и глупо.

— Во всяком случае, через меру. — Андрей не сдвинулся.

— У каждого своя мера. Да ты понимаешь, один-то раз в жизни — и никакой мерой мерить не надо. Сколько выйдет. Сколько душа твоя позволяет. И сколько обязывает. На народе я и вообще за цветами в воду бы не пошел. Перед кем рисоваться мне? Это я сам себя проверяю.

— Но кувшинки принести она попросила!

— Не попросила. Просто я угадал ее желание. Понимаешь, желание, мысли ее угадал. Вот ты улыбаешься, а мы не раз проверяли. И оба точно угадываем. Вот зажмурю глаза, один в тишине постою, и все мне откроется, что в эту минуту Олечка делает, о чем думает.

Он говорил очень серьезно, торжественно, весь как бы приподнимаясь над землей. Андрей улыбался, но уже не с оттенком лукавства, а искренне, с легкой завистью. Старшему брату он всегда немного завидовал. Его решительности, смелости, его сильным рукам и смольно-черным густым волосам, как-то небрежно, но удивительно красиво спадающим на левое ухо.

— Да я чего, я ничего, — сказал Андрей. А сам подумал: вот она, выходит, какая бывает любовь. И ему захотелось тут же окатиться на месте Мирона.

Распахнулась дверь. Мать весело прокричала:

— Мальчишки, ну где вы там! Пирожки тепленькие. Зову, зову. Или не слышите?

2

Пирожки с зеленым луком со своего огорода на этот раз особенно удались. И мука оказалась хорошей, и дрожжи подъемные, и рубленых, вкрутую сваренных яиц положено в самую меру. Мать сняла от удовольствия. Вкусно и сытно, да к тому же и дешево накормить семью — радость великая. А отцу радостно было видеть счастливые лица матери, жили они в полном согласии, сама порой и ворчали друг на друга либо играли в молчанку. Но все это серьезного значения не имело и даже, по жизни, представлялось им совершенно необходимым — иногда, «отвести душушку».

Мирон уплетал пирожки с такой поспешностью, словно боялся, что неведомо почему они вдруг исчезнут со стола. Подбородок у него густо замаслился. Он этого не замечал. Андрея душил смех. Он-то ведь знал, почему старший брат так торопится. Ему надо успеть и в баню сходить и подстричься. И не опоздать...

А отец между тем начал длинный рассказ о том, как в ранней молодости хаживал по тайге с геологической партией. Мирон искал поглядывал на ходики с гирькой, висевшие в прорезке. Круглый желтый маятник деловито отстукивал свои доли минут, а усатый кот, изображенный на жестяной обложке часов над циферблатом, сквозь прорезы в железе следил лукавыми глазами за маятником, точно повторяя его движения.

— ...так вот, — рассказывал отец, — и наткнулись мы в тот раз на выходы свинцовой руды совсем небывалые. Как называется минерал, в котором вкраплена руда, теперь я и забыл. Попадись мне он снова, может, мимо прошел, пнул бы ногой — камень и камень. А начальник наш обмер, за сердце схватился. «Э-э, — говорит, — такого содержания руды в породе не только за жизнь мою, за всю историю горного дела на всей земле не встречалось. Вообще, по теории, такого даже быть не может, все равно, как не может, скажем, корова не молоком, а чистым сливочным маслом дотяся. Надо бить шурфы глубокими. Если это самое рудное тело далеко простирется, ну...» И не сказал он, что значит «ну». Сами, мол, вы догадаетесь. А зима катит, как на тройке, по ночам вода — в котелке забу-

дешь — насквозь промерзает, снег валит, пурга метет, и, главное, кушать, а лучше сказать — жрать, вовсе нечего. Кругом густой бурелом, обрывы скалистые, кустарник цепкий — не проредешься. Одно слово: дебри дикие, глухомань. Какие тут шурфы! Потом и одождонка у всех... Начальник воспаление легких схватил.

Он замолчал, потер небритую щеку рукой, словно бы прислушиваясь к чему-то далекому, доносящемуся до него тихим звоном.

Андрей кашлянул.

— Папа, — сказал, поглядывая на Мирона, уже устало жующего очередной пирожок, — мы вот с ним...

— Чего «с ним»? — сурово спросил отец. — Ты сперва дослушай, что я говорю. — Покряхтел недовольно. — Сбил ты меня. Так вот. Время: в тот год как раз ты родился. А в общем, совсем недавно с Колчаком покончили. Разруха. Позвольте голодает. Республика во всем нуждается. И в свинце тоже. А тут н-а тебе — такой клад. На костре из камня чистый металл выплавляли. Много. Два пуда. Забавляемся — чего с ним делать? Пули лить! В кого стрелять? И тащить на горбу ни к чему. Сам камень, руда — это надо. Для доказательства. Ну, шутки ради выдобили в буреломной колотине углубление по форме чело-вечка, вылили туда свинец. Остыл, вынули — истуканчиком на камень его посадили. Охраняй, дескать, подземное хозяйство свое. Начальник торопит, говорит, пометы сделаем и выходить будем. В бреду уже говорил. Сделали мы затесы на деревьях. И понесли начальника. На руках, на волокушах, как придется. До табора, до шалаша из еловых коры, где у нас кони были оставлены. Ну и не донесли. Похоронили. В мерзлую землю. Без гроба.

— А потом! — Андрей уже не мог оторваться, зачарованно глядел на отца, хотя этот рассказ он слышал и не впервые.

— Потом... Тогда время было другое, не как сейчас. Вот мать подтвердит. Ни телеграфа там, а тайге, ни радио. На помощь никого не позовешь. Всяк сам о себе да о товарище своим думай. Пока выбирался до настоящего жилья, кони пали. Последних верст шесть по снегу с обмороженными ногами на четвереньках ползли. В голове дума только одна: не заснуть, не сунуться носом в наметы снеговые. Тогда уже все. Но доползли. Мать помнит, каким я домой завялся.

— Слава те, господи! — перекрестилась мать.

— Ему-то слава, — рассеянно проговорил отец и опять принялся тереть небритую щеку ладонью, — а нам далеко не слава. Камни-то, образцы, мы ведь тогда не донесли. Потеряли дорогой, а лучше сказать, с отчаяния, с малодушия ли, побросали. Не верилось, что выберемся к жилью. Так чего, дескать, себя лишним грузом на плечах до последней минуты мучить. Притом не геологи же мы заправские, по первому разу в тайгу ходили. Рабочими просто. Опять же повторяю, никак то давнее время с нашим нельзя сравнить, теперь поисковые партии разве так снаряжаются.

Он замолчал, не закончив рассказа, не хватало обязательного вывода с должными нравовыми напутствиями. Это было его системой — воспитывать своих детей такими неторопливыми раздумьями за воскресным обеденным столом, историями необыкновенными, однако построенными всегда на действительных событиях из собственной жизни. Он не любил, когда его повествования перебивали, да еще совсем наивными вопросами, но здесь ему почему-то очень был нужен толчок. Без такого толчка трудным казалось поставить последнюю точку.

— А чего жалеть эту руду, камни потерянные! — спросил Андрей протестующе. — По весне было пойти туда и набрать новых.

— Э-эх, сынок, и как это легко ты умным раскидываешь! — вскрикнул отец, обрадовавшись, что точно, в «самую жилу», попал со своим вопросом Андрей. К тому и подводил он конец рассказа, чтобы понять все, что не каждая задача в жизни решается, как «дважды два» в школьной тетради. — Первое. Арестовали нас, ну не так, чтобы в тюрьму посадить, а под следствие, под распросы соучастников: куда и как человек, наш начальник, делался. Могилу хотя бы его показать. А тайгу

ЫЙ ЕНТ

струны лопаются. А улиток, ракушек всяких сколько на меня налипало! Домой уже шел, из волос все вытаскивал. Ну, ничего... Зато сам о себе думаю теперь: не трус ведь я оказался. А как, по-твоему, Андрей, не трус твой старший брат? Сказал — делай! А ты бы сделал так!

— Сделал бы, — ответил Андрей.

Но Мирон отнесся к его словам с недоверием. Лежа на постели, этак легко ответить. Широкой ладонью слегка хлопнул Андрея по спине.

— Врешь ты. Не сделал бы. Вот этой ночью, сегодня. Этой ночью только я один мог такое сделать, никто больше. Не по глупости. И не из гордости. А почему — мне не объяснить. Сегодня, ну, сегодня... Эх, Андрей, сегодня я необыкновенный! — Он вскочил с постели,

по брюхо снегом уже занесло, и где ходили мы — троп никаких. Подозрение на всех троих до весны. Второе. Увлеч разговором одним о рудах богатых, когда подтверждения самой рудой этой нет, кого же увлечешь. Весна наступила, пошли с нами люди в тайгу, так не столько руду искать, сколько могилу. Потому что точно — человек потерялся, а руда была или нет — это еще неизвестно. И третье. Ничего не нашли мы. Ни могилы, ни руды, ни даже отдельных камешков тех, что дорогой добрасали. Пути того не нашли, по которому добрались из дебрей проклятых до табора, где лошадей оставляли. Все как заколдовано! Целый месяц кружили без толку по тайге. Конечно, таежники мы были совсем никакие. Все городские ребята. В приметах лесных не разбираемся. И тогда уже следствие строже. Про руду и разговоры нет, дескать, басни все это одни, разговоры идут только о человеке. Так вот, а человека не стало. Ну, хотя бы вещь какую, пуста какой-нибудь его семье в память о нем из тайги мы вынесли бы! По глупости и этого не сумели. Не сообразили. В землю зарыли, постояли над могилкой, если мерзлую яму могилкой можно назвать, и потянулись к табору. Так почему же мы тогда к табору выбрались, а после, весной, с этого самого места, от табора, ни человека в земле, ни рудного выхода из земли найти не могли! — Он подождал ответа, но все молчали, потому что ответить на свой вопрос он должен был только сам. — Судить нас не стали, прокурор дело закрыл. Те ребята, что были со мной, по разным местам разъехались, куда, не знаю, а я весь при себе, от совести своей мне уехать некуда. Прокурор вины не нашел. От семьи погибшего начальника нашего было письмо: благодарили, что до последнего все же несли мы его на руках и потом земле тело предали, не допустили костям белеть на ветру. А совесть до сих пор не согласна. И чем дальше на свете живу, тем она не согласнее.

— В чем? — Мирон смотрел на отца испытующе, точно бы примеряя к себе его слова. — В том и дело, Мирон, и ты, Андрей, что у каждого совесть своя, — медленно проговорил отец. — То же самое нести одному — как пушнику, другому — как ливневичному бревну. А иной раз наоборот. Так надо, чтобы всегда, если она хотя бы только чуточку самую задета, бревном бы на плечи давила. Тогда будешь ты человеком. А в чем она меня давит, если не понимаю, то мне уж обстоятельнее и не растолковать. — Встрепенулся, двинул по столу к самовару чашку свою. — Ну, а чего, гляжу я, носы-то повесили! Мать, налей мне горяченького!

— Папа, а где она, эта тайга? — спросил Андрей.

— А черт ее знает! И думать о ней не хочу. Далеко она где-то. Единственное, что запомнил, вроде бы Ермавчинской она называлась. А конца и края ей нет, это точно. — Он безнадежно махнул рукой.

И разговор пошел уже самый обычный, житейский, как это и бывает во всех дружных семьях за утранным столом. Отец еще, по-смейваясь, успел рассказать, что в согласии с матерью дали они имена сыновьям, какие в дни их рождения значились по церковному календарю, хотя в церкви ребят и не крестили. Сделали так, чтобы не спорить, не мучиться с выбором. А мать призналась, что очень боялась она, заранее давая свое согласие, вдруг придется на такой день какой-нибудь Павликакий, Пафнутий или Иуда. Мирон хохотал и говорил, что когда женится он и родится у него сын, никаким календарем доверяться не станет, а назовет только Сергеем, чтобы звучало так, как у Кирова. — Сергей Миронич. В память о нем. Мать сошуривалась, руками всплескивала: «Да ты женись сперва! Невесты себе еще не выбрал, а сыну имячко определил». Андрей хитро подмигивал брату, он-то знал кое-что побольше, чем знала мать.

— Невесту, мама? — вдруг с какой-то отчаянностью сказал Мирон. — Хочешь, я сегодня вечером приведу?

Мать посерьезнела, поправила косынку на голове.

— Сказала бы я тебе, Роня: приведи! Да слова твои что-то очень не нравятся. Ува-

жения в них нет. И любви нету. А невеста, жена — это же любовь! О ком ты это? Не замечала я возле тебя таких девушек.

Мирон густо покраснел, отмахнул со лба волосы.

— Ну, считайте — сболтнул.

— А ты прямо на вопрос отвечай, — вступил в разговор отец. — Этакое ни с того ни с сего не сбалтывают. О ком?

— Не отвечу я, — тихо, но как-то вызывающе сказал Мирон. — Потому не отвечу, что и люблю и уважаю.

— Н-де, — неопределенно проговорил отец. — В общем, чего же, в наше время родители детей своих о таком и не спрашивают. Единственно кто — это совесть твоя имеет право спросить.

— О совести мой не тревожьтесь, — теперь уже с открытым вызовом сказал Мирон. — А в баню и подстричься сходить мне можно?

— Вот так, Роня, тоже не стала бы я говорить, — ответила мать. — Тут и к матери с отцом нет уважения и к самому себе.

У Мирона дрогнули губы, но он сдержался, встал, аккуратно отодвинул стул, поправил ложечку, лежащую на чайном блюде, и вышел из-за стола.

— Мама, я пойду в баню и подстригусь, — сказал он от двери. И голос у него был очень ровен. — А потом надену новый костюм. До ужина погуляю.

В сенях Мирона нагнал Андрей. Спросил заботливо:

— Успеешь?

— Должен успеть. А ты мне вот в чем помоги. Как вернуться я из бани, пообедаем — выйди раньше меня на улицу, вынеси эти кувшинки. Чтобы дома никто не заметил.

— Помнутись, передавать из рук в руки, — сказал Андрей с сожалением. — Они же такие нежные.

— Ну... я не хочу... не могу, чтобы видели.

— Ладно. Сделай.

— И еще, — замялся Мирон, — дай мне какую-нибудь из своих картинок. Стрекозу или бабочку. Понимаешь, я обещаю.

— А бери хоть все, — великодушно отозвался Андрей, — мне не жалко, я сколько хочешь еще нарисую.

— Все не надо, дай штуки две. Самые лучшие.

Мирон ушел. Андрей принялся перебирать свои рисунки. У него тонким пером, тушью на ватмане, удивительно хорошо получались цветы, птицы, зверушки разные, насекомые. Он перерисовывал их из книг, одинаково удачно рисовал и с натуры. Откуда и как пришло к нему это увлечение, он и сам не знал. Сколько помнил себя, столько помнил с карандашом в руке, рисующим на чем попало. На чистом листе бумаги, на старой газете, на скатерти, на только что побеленной стене. Мать рассказывала: никаких других игрушек в самом раннем детстве ему не покупали, держали только карандаши. Плакал, когда карандаш весь исписывался, а в запасе нового не было.

И в школе, на уроках рисования он недюжинным своим умением ставил учителя в неловкое положение. Получалось: ученик подражает преподавателю, как нужно держать карандаш, как правильно создавать перспективу, глубину, как распределять свет и тени.

Дома стали поговаривать, не отдавать ли Андрея в художественное училище. Но в их маленьком городке такого училища не было, а в областной город Светлогорск везти как-то пугало. Вдруг провалится на экзаменах, только и останется один на поездку, а денег и так в обрез. Вдруг примут, значит, от дому он тогда совсем оторвется. Как там один он, мальчишка, устроится, и как они, родители, останутся без него. Приблизится старость... Да и верное ли это дело? Спрос на учителей рисования небольшой, и зарплата они получают маленькую. А картины писать и продавать, как это делают настоящие художники... Неизвестно еще, выйдет ли из Андрея настоящий художник, а если и выйдет, так ходят слухи — голодают они. Навишут картину, а она потом никому не нужна. Все чердаки, кладовки у себя завалят измазанными полотнами, а квартиру от запаха краски не продочишь, и, главное, все душой и душой, что тебе завтра нарисовать, чтобы купили твою работу.

Так и завершился домашний совет на этом. Решили: закончит Андрей неполную среднюю школу, как и Мирон, надо и ему поступать на работу. Надежную. Парни оба они здоровые, сильные, в городе всегда что-нибудь строится. Мирону как-то сразу ловко топор в руки лег. Андрей пусть пойдет в маляры, там не только стены белить или окна, двери и крыши красить; приходится и разные бордюры, цветники расписывать — это будет ему как раз в удовольствие. Андрей вступать в спор с родителями не стал, тоже страшно его — оторваться от дома. Сдал экзамены и неялся на стройку. Малярная работа нравилась, давала заработок хороший, и рисовать «для души» времени оставалось вволю.

Он достал с полки, прилаженной под крышей, добрый десяток толстых связок своих лучших рисунков и теперь критически отбирал «самые-самые». В цвете, акварелью, гуашью у него получалось очень красиво, но как-то нежизненно. Сразу выдать: нарисовано. А тушью на ватмане — так вот и кажется, что слетит, сбежит сейчас с листа бумаги пятачок там, букашка или зверушка. Это было тайной для него самого, словно бы его рукой водила какая-то волшебная сила. И он постепенно пристрастился только к рисунку пером, а краски забросил.

Порой, любясь собственной работой, вспоминал рассказ школьного учителя рисования о том, как в молодости, кажется, Суриков, будучи мелким чиновником, именно тушью нарисовал муху, подбросил на стол губернатору и тот муху, приняв за живую, прихлопнул ладонью. А Сурикова послал учиться в Академию художеств. Таких «мух» у Андрея было множество, но не было губернатора, напугав же однажды чуть не до смерти мать прыгающим мышонком, нарисованным на внутренней стороне крышки картонной коробки из-под шоколадного набора, в которой хранились принадлежности для шитья, он зарекался показывать в доме свое искусство такого рода кому-либо еще, кроме старшего брата.

Конечно, стрекоза и бабочка-махаон отличные рисунки, но брат наверняка захочет отдать их Ольге, а не намерк ли это будет — «попрыгунья-стрекоза»? Девушки очень в таких символах разбираются. Да и Мирон знает, что, например, желтых цветов дарить нельзя, потому и отправился ночью на лесное озеро за белыми кувшинками. Вместе с бабочкой надо Ольге подарить пчелу, собирающую нектар на шалочке белого клевера. Вот это будет правильно.

И он заулыбался, повторив в памяти недавний разговор Мирона с отцом и матерью за столом. Как этот разговор ни начался и чем он ни кончился, а все же действительно приведет сегодня вечером свою невесту Мирон. Ну, как же иначе? Не ему ведь уходить в чужой дом! И потом Ольга такая невеста, что хоть кому понравится. Сразу мать от радости заплачет и бросится обнимать, целовать. И разве плохо, что до этого она Мирона с девушками не видела? Сама же ведь боялась, чтобы сын не завел какого попало знакомства. А вот почему Мирон так долго таился, не показывая Ольгу, не говорил о ней — дело другое. Но его тоже можно понять, он, Андрей, хорошо понимает.

С Ольгой Мирон почти ровесник, всего на один год она моложе его. Школу окончили вместе, а потом Ольга сразу уехала куда-то на юг. Неизвестно еще, где-то учиться или просто погостить у деда, доктора, даже профессора. А этой весной вернулась обратно в свой город. И поступила библиотекаршей. В читальном зале книги, журналы выдает. Читателей, ребят молодых, сразу втрое прибавилось. Вечером места свободного не найдешь. Идут за столы садятся, не журналы читают, а издают на Ольгу смотрят — такая она красивая, интересная. Мирон тоже сперва просто ходил, глядел на нее из угла, а заговорить стеснялся. Все-таки почти пять лет прошло, и притом он сейчас плотник, руки обветренные, а Ольга с книгами дело имеет. Спросит у нее совета, чего бы почитать, она тут же вкратце содержание любой книги расскажет. И куда лучше объяснит, чем, бывало, учительница русского языка. Говорит — заслушаешься. Про школу она сама Мирону напомнила. И начались у них с тех пор прогулки в город-

ском саду. Тихие, шепотком разговоры. Совсем без слов стали друг друга понимать, Мирон говорит, даже и на расстоянии. Конечно, когда так, зачем же раньше времени объявлять о своем решении родителям? Вчера Ольга без слов сказала Мирону: согласна. Сегодня он с ней придет, как с невестой, и все успокоится. И станет Ольга жить в их доме — Миронова жена. Ему, Андрею, очень нравится, когда у старших братьев — в семьях других — бывают умные, красивые, приветливые жены. Они непременно и младших братьев потом знакомят с хорошими своими подругами.

Правда, квартира для пятерых окажется тесновата, особенно зимой, когда в сенях спать уже нельзя, так ведь Мирон — хороший же плотник, он, Андрей, маляр, отец окна застеклить сумеет и печь сложить, мать остальную красоту в новой пристройке наведет. Страшно глазам, а руки все сделают. Дед ведь этот домок своими руками поставил. Наследственный дом! Только вот где теперь и на какие деньги строительных материалов достать?

Андрей было ненадолго задумался, но потом беспечно махнул рукой. Ему вспомнилась шутившая поговорка отца: «Хочешь разбогатеть — покупай пустые чемоданы. Они обязательно чем-нибудь наполнятся». Женится Мирон, женится он, и место, где им всем вместе жить, найдется.

3

Мирон вернулся из бани какой-то особенно красивый, аккуратно подстриженный. Кинул в угол сверток с грязным бельем, присел на крыльцо, заметил, что мать возле сарая собирает щепки, наверно; для того, чтобы растопить плиту, готовить обед.

— Мам, а дровишек наколоть не надо?

— Обойдусь пока, — отозвалась она.

— А? Я все-таки наколю! — В запас: Пригодится.

Выволок из сарая несколько чурбанов, березовых, самых толстых и суковатых, и с наслаждением, придыхая, начал крушить их топором, раздирать со скрипом, когда отвалились поленья не давали сучки. Расправив-

шись с дровами, он принялся копать дернину, не тронутый еще лопатой угол огорода, где мать предполагала осенью посадить малину. Андрей прикрикнул на брата:

— После этого снова в баню пойдешь!

Мирон всадил лопату в землю, помахал руками, как летящая птица крыльями, рассмеялся:

— Да мне же хочется разогреть себя. Сколько пару на каменке не поддавал, все казалось, по озеру над ледяным родничком плыву.

— Может, простудился ты?

— Ничего ты, Андрей, не понимаешь, — сказал Мирон и пошел к дому, поглядывая на солнце. А картинки свои, что я просил, приготовил?

Андрею захотелось ответить подковыркой, высокомерный упрек брата в том, что он ничего не понимает, задел его самолюбие. Это Мирон не понимает, что с ним происходит, а со стороны всегда виднее. Да ладно уж, он как-нибудь потом изобразит в лицах «день Милона накануне признания в любви». Пусть и Ольга тогда посмеется. Ей-то ведь сам Мирон не расскажет, как ночью под проливным дождем рвал на озеро белье кувшинки и чуть не утонул. Не расскажет, как раздирал руками суковатые поленья и быстро перекопал столько проросшей корнями, твердой земли, сколько в другой раз ему и за три часа бы не одолеть.

Теперь они, сидя вместе на крыльце, очень дружно разглядывали рисунки, которые Мирон почему-то упорно называл картинками. Пчела на клевере Мирону тоже понравилась, но когда Андрей стал ему объяснять символику, он присвистнул:

— Тогда и пчела не годится. Олечка — и пчела. Она же вся... Ну, я не знаю, почему утром сказал стрекоза. Может, потому, что она всегда словно бы... в вышине, в небе, и крылышки у нее тонкие и прозрачные. Сквозь них — солнышко — светится. И... картинка — эти, пойми ты, не в подарок хотел принести; ей подарок — кувшинки, а картинка твои, чтобы знала она; глазами — своими увидела, какой умелый брат у меня. Про тебя, про всю нашу семью чтобы полнее знала она. Жить-то ей в нашем доме.

— А почему ты раньше ни разу с ней не пришел? Знакомилась бы со всеми она помаленьку. И мы с ней тоже.

— Да, понимаешь... — И Мирон запнулся, не зная, как ему ответить на вопрос Андрея. — Ну, в общем, какая разница — раньше или теперь. Придем сегодня.

— Ты говорил: насовсем.

— И сейчас говорю. Не то что сразу ей насовсем и остаться сегодня, а придем, чтобы родителям объявить... Вот ты не можешь понять, — вдруг обрадовался Мирон, что нашел нужные слова, — а она и я, оба мы понимаем. Хотя между собой и не говорили об этом. Друг у друга мысли вполне мы угадываем. Скажем, приходишь ей, себя показывать. Что она — товар? Или на работу идет наниматься? Понравится она кому или не понравится — все равно она моя жена. Будет женой, — добавил он, заметив, как дернулся Андрей. — Сегодня придем, об этом дома объявим, а завтра подадим заявление в загс. Ты не думай... я руку Олечкину, когда с ней прощаюсь, и то крепко пожать боюсь. Из всех девчат, каких знаю, Оля особенная. — Он закрыл глаза, постоял молча. — Может, все придумал я!.. Нет, не придумал! Вот она гладит сейчас свое синее платье с белым горошком...

Мирон и еще что-то говорил такое же, что видится ему сейчас, говорил радостно, вдохновенно, обращаясь, пожалуй, больше в пустое пространство, нежели к Андрею. А тот сидел, захваченный его волнением, и силился все это перевести на себя. Вот ведь как с человеком бывает, когда приходит любовь и когда он вот так, всей душой открывается! Он, Андрей, сейчас и видит и слышит брата, а сам такого почувствовать не может. Неужели это когда-нибудь случится и с ним? И было это у отца с матерью? И у каждого? Послушаешь разговоры мужиков на стройке: так любовь — это... Ну, природа только человеческая. И вообще одна природа. Душа тут совсем ни при чем. Тем более, что и сама душа — поповские выдумки. А вот Мирон пока не может найти. Ночью в озере едва не утонул. Не любовь его туда повела — природа? Но зачем тогда, если природа только,

ему и ей эти кувшинки? И зачем картинки показывать?

Он уже совсем не слушал Мирона. Припоминал всех девочек, с которыми вместе учился в школе, тех девушек, с которыми теперь работает на стройке и с которыми рядом сидел на комсомольских собраниях или занимался в политекружке. Никогда ему, будучи с ними, ни о любви, ни о «природе» не думалось. Просто с одной приятно, интересно поговорить, а другая, глядишь, заноза, зазнайка, не то круглая дура. Все люди — люди, парни или девушки, мужчины или женщины. И жизнь, как жизнь. Семья, конечно, должна образоваться, чтобы заботы в доме складывались общие. Для этого, конечно, надо заранее получить узнать друг друга.

Вот он, Андрей, тоже ходит в библиотеку, в читальный зал. Но ему, между прочим, никаких прозрачных крылышек, сквозь которые светит солнце, у Ольги не видится. Очень красивая, голос мягкий, негромкий, всегда улыбается, одета чистенько. Чем не жена для Мирона? И ему, младшему брату, перед кем хочешь похвастать будет не грех. Но таких слов, как у Мирона, ему не подобрать. Откуда у него они берутся? Прямо будто бы вслух Шекспира читает. Может, и начитался? Ольга — библиотекарша. Подбирает ему о любви самые лучшие книги.

— Знаешь, а я, пожалуй, возьму штук десять твоих картинок. Самые разных, — сказал Мирон. — А то и вправду можно дело так повернуть, что в них какие-то намеки. В пчеле, стрекозе или бабочке. Главное, показать, как ты умеешь рисовать пером. Не маляр со щеткой.

— Тебе что — за маляра стыдно? — Андрей не понял, всерьез или в шутку сказал Мирон. — А как тогда с топором плотник?

— Не то, не то, Андрейка. Не обижайся, я сейчас совсем о другом думал. О тонкости дела, которую каждому нужно достичь. Олечка как раз не с плотником, а с человеком гулять ходит. Кем я работаю, она с первого дня знает. — И заторопился: — Пойду, попрошу маму, чтобы рубашку погладила. Эх, обед бы поскорее! Солнце будто гвоздем к небу прибито, совсем не движется.

Но солнце все же подвинулось. Наступило обеденное время. И в конце его усадый кот над циферблатом часов, лукаво постерлевая из стороны в сторону желтыми глазами, определил для Мирона тот момент, когда непременно следовало подняться из-за стола. Даже не допив стакан киселя.

— Роня, куда же ты? — воскликнула мать. Она не любила, когда вот так, не дожидаясь старших, кто-нибудь из сыновей аскакивал, и еще с набитым ртом. — Андрей! А ты?

— Мама, я опаздываю, — сказал Мирон, — я скоро вернусь.

— И я тоже, — сказал Андрей, памятуя, что он должен потихоньку вынести цветы.

— Спасибо даже забыли сказать! — вдогонку им сердито крикнула мать.

— Спасибо! — из сеней отозвался Андрей.

Мирон быстро переодевался. Руки у него вздрагивали, застегивая воротник, он не мог попасть пуговицами в петли, косоправил рубашку в брюки, и Андрей помог ему исправить изъян. Спросил в недоумении:

— Да что с тобой?

— Ничего, брат Андрей, ничего... Нельзя же, чтобы Олечка раньше меня пришла.

— Когда вас ждать?

— Не знаю... Не знаю... Ну, что ты спрашиваешь? К ужину! Иди! Иди скорей за ворота.

Андрей понял: Мирон боится, что выйдет в сени отец или мать, увидят кувшинки, поразятся их необыкновенной красоте и начнут расспросы, а всякое лишнее слово Мирону сейчас тяжело выговаривать — волнение горло сдавливает.

«И чего он так? — подумал Андрей, послушно выбегая за ворота с букетом и пытаясь проникнуться настроением брата. — Гулял он в саду и вчера со своей Ольгой, и завтра опять же встретится, и потом будут вместе вообще каждый день. А тут прямо побелел весь. Неужели так страшно ему сказать Ольге эти слова? Обыкновенные все же слова. Один ведь раз только их выговорить».

Продолжение следует.

ЖИЗНЬ В ТЕАТРЕ

С. В. Гиацинтова.

Вл. ПИМЕНОВ

Это уже история. Начало 30-х годов. Театральная площадь — Большой театр, Малый театр, МХТ второй... Пожалуй, сегодня не каждый знает, что был еще МХТ-2. А такой был! И пользовался большой популярностью у зрителей не только Москвы, но и далекой периферии. Во всяком случае, я, часто наезжая в Москву из Воронежа, стремился обязательно попасть на спектакли МХТ-2.

Постановки Камерного театра, Театра сатиры, Театра Революции, Вахтанговского театра и, конечно, МХТ-2, пожалуй, по оперативности выпуска своих премьер опережали академические театры. В этих труппах работали очень интересные актеры, что и привлекало зрителей. Штраух и Астангов, Щукин и Мансурова, Коонен и Жаров, Хенкин и Поль — именно «на них» шли зрители.

Во МХТ-2 было особенно много любителей публики, прекрасный ансамбль, букет талантов: Диккий, Берсенева, Гиацинтова, Готовцев, Болдуман, Чебан, Сушкевич, Бирман, Дурасова... В свое время работал здесь и гениальный актер М. А. Чехов. Театром руководил некоторое время удивительно интересный человек — Сулержицкий. Кто же не стремился побывать во МХТ-2 на спектакле «Блоха» и восхититься образом Платова, созданным Алексеем Дикким... Зрители хотели увидеть Берсенева в образе Масубра в спектакле «Мольба о жизни» или его же Годунова в «Смерти Иоанна Грозного»...

Одной из замечательных актрис

театра — с самого первого дня его возникновения — была Софья Владимировна Гиацинтова. Ее мы все сразу заметили: она обладала каким-то особенным обаянием молодости, изяществом... С. В. Гиацинтова стала центральной фигурой коллектива; в амплуа молодой героини она являлась подлинным украшением сцены в спектакле любого жанра — в драме, комедии и даже трагедии.

Впервые она появилась во МХТ-е в 1910 году, в Первой студии. Она училась у Станиславского; ей посчастливилось быть ученицей также Вахтангова и Сулержицкого. До 1924 года Гиацинтова уже сыграла много ролей как в студии, так и на основной сцене МХТ-а.

В «Нахлебниках» она играла Машу, а в «Синей птице» — Митиль. Одним из особенно запомнившихся в истории МХТ-а был спектакль «Сверчок на печи» Диккенса. В нем Гиацинтова исполняла роль Феи.

Работа во МХТ-е-2 принесла молодой актрисе известность. «Двенадцатая ночь» Шекспира получила всеобщее признание как одна из выдающихся постановок своего времени. Блестящее исполнение Дурасовой двух ролей, великолепный Мальволио — Азарин и яркий образ Марии, созданный Гиацинтовой, — это был спектакль-концерт!.. «Униженные и оскорбленные» Достоевского. Здесь Гиацинтова создает драматический образ Нелли. В спектакле «Чудак» Афиногенова она играет Симу. И одним из самых ярких я считаю образ Женевиевы в «Мольбе о жизни» Дювала.

После закрытия МХТ-а-2 артисты были направлены в другие московские театры, многие стали работать на основной сцене театра. Актрисы Гиацинтова, Берсенева, Бирман вошли в труппу театра МОСПС. Конечно, для этих акте-

ров наступили годы непростые, сложные: в театре МОСПС были люди разных школ и поколений, но и здесь Гиацintова нашла для себя много хорошего. В это время Горький дал театру новую редакцию «Вассы Железновой», где одним из центральных стал образ Рашели. Роль эта была сыграна при жизни Горького, который, как известно, сделал вторую редакцию пьесы прежде всего для того, чтобы ввести Рашель. И, кстати, мне кажется напрасной недавняя попытка Театра имени Станиславского возродить на сцене первую редакцию «Вассы». Это значит снизить социально-политический смысл пьесы — ведь основную тему будущей революции, политическую направленность нес образ Рашели, революционерки-подпольщицы.

Точно и верно, душевно наполненно играла тогда Рашель Гиацintова, а роль Вассы исполняла С. Бирман.

Когда Берсеневу предложили возглавить Театр имени Ленинского комсомола, он ушел туда вместе со своими товарищами. И это было начало нового творческого подъема Гиацintовой. Здесь она играла много. Ее дарование становилось все более разносторонним и интересным. Театр ставит «Нору» Ибсена. Нора — Гиацintова. Это был один из самых популярных спектаклей в Москве. Гиацintова создавала глубокий, чрезвычайно драматический характер, раскрывая самые тонкие душевные переживания женщины, показывая трагическую судьбу человека в условиях жестокой буржуазной морали.

С именем Гиацintовой связано и возрождение драматургии Тургенева на советской сцене. Постановка пьесы «Месяц в деревне» на сцене Театра Ленинского комсомола явилась будто бы неожиданной, так не верилось в то, что в молодежном театре зазвучит Тургенев. Но он зазвучал! Роль Натальи Петровны филигранно, психологически убедительно сыграла Софья Гиацintова. А затем уже пришла ей пора сыграть и Раневскую, хотя и трудно было играть эту роль после спектакля МХАТа.

Актрисе надо было найти новое, свое решение. И она нашла его. Это была не просто помещица, когда-то богатая, а сейчас обедневшая, но современная интеллигентка, неспособная и не умеющая быть помещицей, уступившая свое место новому хозяину — кулаку Лопухину. Она была горожанка. Деревня для нее уже в прошлом, в мечтах.

В 1952 году С. В. Гиацintова становится главным режиссером театра вместо безвременно скончавшегося И. Н. Берсенева. В свое время актриса уже участвовала как режиссер в постановке спектакля «Двенадцатая ночь» вместе с В. Готовцевым. «Нору» с И. Н. Берсеневым она готовила как основной режиссер. Самостоятельно ставила «Вишневый сад» и «Семью». Как режиссер она отличается умением с удивительной тщательностью разрабатывать роль, строить очень интересные мизансцены, и главное — помогать актеру глубоко постигать мир души человеческой.

Творческая жизнь Гиацintовой многие годы была связана с И. Н. Берсеневым. Она была его другом, женой, помощницей во всех делах. Это был удивительно

совпадающий и по характерам и по направлению в искусстве дуэт. Они понимали друг друга, вместе искали новое...

Мое знакомство с Берсеневым привело к многолетним дружеским отношениям и с Гиацintовой. Начиная с первых послевоенных лет мы часто встречались, особенно в доме гостеприимного Льва Романовича Шейкина. Чаще всего у него на даче, в Серебряном бору. Берсенева и Гиацintова всегда дружили с писателями. Именно в Театре Ленинского комсомола начинали свою драматургическую судьбу Борис Горбатов, Аркадий Первенцев и Константин Симонов, Шейкин и братья Тур... Душою наших бесед во время лесных прогулок в Серебряном бору стала чета Берсенева. У них был большой запас всевозможных историй из жизни актеров, рассказов о встречах со Станиславским, Немировичем-Данченко, Горьким.

Мы узнали от Берсенева о замечательном человеке И. Ф. Попове, авторе пьесы «Семья». Он знал Ленина и Крупскую, жил у них за границей, работал под руководством Ленина в Международном социалистическом бюро. Автор очень интересного романа «Озаренные», он написал и пьесу «Семья», посвященную близким В. И. Ленина. Мы познакомились с пьесой, и Берсенева заинтересовался ею. Начались репетиции. Режиссером-постановщиком была С. В. Гиацintова. Главную роль в спектакле, роль М. А. Ульяновой, исполняла она же. И это была подлинная победа актрисы и победа театра.

Гиацintова создала великолепный образ матери Ленина, человека негнбимой воли, исключительной целеустремленности, и вместе с тем глубоко любящего и нежного.

Творческая деятельность С. В. Гиацintовой продолжается и поныне. Но главным для нее сейчас стала общественная театральная деятельность. Она уже несколько лет председатель Государственной экзаменационной комиссии в ГИТИСе. По-прежнему принимает она участие в мероприятиях ЦДРИ; пишет статьи в журналы и газеты. И всегда приятно встретиться с ней, такой деятельной и озабоченной. У меня сохранилась фотография, сделанная на даче у Шейкина. Под развесистым дубом на траве сидят Шейкин, Берсенева, Гиацintова, Белыева и я... Сняв рубашку, подставив солнцу могучую грудь, Берсенева читал роль Сирако де Бержерака, где были слова: «И с солнцем в крови». Так оно и было: солнечно, молодо, радостно...

Это было давно. Но для меня это не история, а длящийся сегодняшний день, чудесный оттого, что есть такие прекрасные, благородные люди на свете, как Софья Владимировна Гиацintова. И горько мне было читать ее недавнее интервью, в котором с грустью актриса сказала, что она в театре как бы не в театре и что сегодняшний Театр Ленинского комсомола оказался ей чужим!.. А мы скажем, что само только присутствие Гиацintовой в труппе его украшает, ведь Гиацintова — это еще и живое напоминание о высоком искусстве театра в период работы Берсенева.

Не рационализм, не расчет на легкий успех, а святая безграничная любовь и преданность Театру — вот что такое Гиацintова.

«Семья».

«Беспокойная старость».

«В доме госпожи Драгомилеску»

«КУПЛЮ КАРТИНУ...»

Максим ИВАНОВ

В рекламном приложении к газете «Вечерняя Москва», которое разбирается в киосках «Союзпечати» невероятно быстро, можно найти множество любопытных объявлений. «Куплю старинную картину», — привлекала внимание набранная жирным шрифтом строчка. В нескольких номерах — двенадцать однотипных объявлений, сделанных разными людьми.

«Почему одну? И именно старинную? — удивился я. — Не какого-то времени или определенного мастера — русского, советского, зарубежного. Кто же эти люди, жаждущие сделать такую покупку?»

— Слушаю вас, — раздался в трубке мужской немолодой голос. — По объявлению? Что вы можете мне предложить? Поленов, Серов? Нет у вас ничего? Маковский... Хороший пейзаж?

Редущие, доброжелательность звучали в голосе. Я не удивился, когда узнал, что человек и сам «когда-то в молодости баловался кистью, ну а теперь...». Он называл имена выдающихся советских художников, с которыми, по-видимому, дружил, которые, как оказалось, дарили ему свои произведения. Живое вставало перед глазами: его комната — старинные, с высокими спинками стулья, потемневшие от времени шкафы, книги. Но самое главное — множество развешенных по стенам картин. Стало ясно — свою жизнь он посвятил благородному делу собирательства.

В тот же день, не откладывая дела в долгий ящик, позвонил и по другим телефонным номерам. — Какую именно старую картину вы хотели бы приобрести? — спросил я.

— А мне безразлично, — ответил резкий женский голос. — Люблю вот в роскошных рамах. Мне интересна вещь нужна.

— Никский есть, — робко вставил я, — два пейзажа.

— Не знаю такого. А размер какой? — недовольно скрипело в трубке. — Мне полтора на два, метр на полтора в крайнем случае нужно. Все! Ну и нечего тогда пожалуйста звонить!

— Слушаю вас, — Голос мужской, густой, сильный. «Молодой парень», лет около двадцати пяти, — решил я про себя.

— Вы хотели бы купить старую живопись? Какую именно?

— Ну, знаете, живопись меня интересует в принципе на любом материале. За исключением бумаги. На холсте, на фарфоре, на доске. М-м, еще на чем она может быть... Он так и сказал «на дос-

ке», с ударением на первом слоге. — Иконы взял бы, картины, если в неплохом состоянии.

Перед тем как звонить по объявлению, пришлось разработать свою «легенду». Это теперь пригласило. Выглядела она примерно так: переезжаю в другой город (скажем, в Ленинград). Требуется презренный металл. Продаю принадлежащую мне коллекцию — дедовское наследство.

— Так, хорошо. Тогда давайте я вам задам пару вопросов, — оживился он. — Вот некоторых коллекционеров интересует, понимаете, чтоб какой-то знаменитый художник был. Меня это не интересует. Какой там автор стоит, мне глубоко безразлично. Я покупаю вещь только для интереса.

— А сюжет? — вставил я. — Мне предпочтительней портреты вельможных людей прошлых столетий, то есть графов, князей, полководцев и так далее. Если же у вас этого нет, то меня, разумеется, интересовать композиции. Но предпочтительней портреты вельможных людей. Пускай даже они будут не сильно вельможные, но такие... Дворяне, одним словом.

А досочки у вас какие? — продолжал собеседник, решив уже выяснить все до конца. Пренебрежительное «досочки» относилось к иконам. — Есть интересней? Меня вот что в иконах интересует — у вас сразу снижу: в первую очередь серебряные оклады. Толстые. Затем без окладов. Старина, допустим там, шестнадцатый, семнадцатый век, практически не интересует. Потому что живопись — достаточно тонкая и обычно в плохом состоянии. Нужен девятнадцатый, восемнадцатый век, сюжетные вещи. Пускай даже не особо сильные. Мамочка. Спас. Никола там. Георгий, в общем, разные. «Мамочкой» он называл богоматер с младенцем. — Да, а бронзы у вас нет никакой? А фарфоровых лиц? — Парень попался настырный и не хотел отпустить «выгодного» клиента. К тому же оставалось выяснить один вопрос. Веселья, впрочем, существенный.

— Хотелось бы знать, сколько ваши вещи будут стоить.

Я назвал скромную сумму. — Цена достаточно высокая, — возразил он. — Но в принципе, я думаю, можно потолковать. — И уже увереннее: — Можно. Идти посмотрите. Звоните мне, желательно в одиннадцать часов дня, потому что в этот момент я только просыпаюсь и вы меня всегда заста-нете дома.

Добраться до места встречи было долго и неудобно — через весь город, до одной из многочисленных Парковых улиц. Борис — мой телефонный собеседник — искал теперь моего звонка из телефона-автомата. Точно адреса он не назвал, к себе не пригласил. Хотя ориентиры определил точно. Так что я не плутал.

— Ждите у киоска «Союзпечати». Через десять минут буду, — раздался в трубке знакомый голос. Минут через семь между домами, полукругом возвышавшимися над киосками, показался одетый в синюю курточку парень лет шестнадцати. Краем глаза я увидел, что он несколько раз прошелся за киоском туда-сюда, будто высматривая кого-то. Почувствовав на себе его взгляд, я обернулся. Паренек отвел глаза, немного постоял на месте, сделав вид, что я его абсолютно не интересую, а затем не спеша отправился восвояси — тою же дорогой, изкой и пришел. Будто ожидая этого момента, из-за угла противоположного дома вышел молодой мужчина. Порывавшись со мной, протянул руку.

— Борис.

Широкое бледное лицо, крупные губы, толстый, мясистый нос.

— Хочешь продать все сразу?

Я так и понял, — перешел он на «ты». — А сколько за все?

— Не знаю, — мялся я. — Сколько дашь.

— Я тебе что, оценочная комиссия? — Впрямех, — смеялся Борис. — Тысячи на полторы потянет. Когда приедешь? Давай сегодня. Бери два чемодана, лови «мотор» — и сюда. Устроишь? На этом же месте. Только осторожнее. Знаешь ведь — запрещено... Такси отпустишь и сразу звони из этого же автомата. Только чтоб никто ничего не знал. Таксисту не вдумай болтать. Я приду, поймем другой «мотор» и поведем ко мне. Тысячу сразу. Пятсот, пойдем, сниму с нимки.

— Ну, бывай, — сказал он, когда мы подошли к остановке. — Мне дальше. В пятнадцать ноль-ноль жду звонка.

Отойдя несколько шагов, он обернулся и, ухмыльнувшись, сказал: — Делай дело, мужик! Подошел троллейбус. Я уехал.

Живет у Киевского вокзала в Москве Владимир Николаевич Москвинов — старейший советский искусствовед, страстный собиратель живописи. Свою жизнь он посвятил изучению творчества И. Е. Репина. Составил превосходную картотеку работ Ильи Ефимовича, подготовил к печати биографическую хронику замечательного художника — по годам, месяцам, дням... А сколько находок им сделано! Всех не перечислю.

— Знаете, — сказал он, улыбуясь, — это сейчас очень модно — иметь нечто подобное в квартире. А уж если на портрете человек в мундире да при всех репликах... Что современному меценату нужно? Пришли, скажем, к нему гости, вот он и куражится, набивает себе цену «историческим прошлым». «Кто это?» — спросят его, указывая на развешанные портреты «пусть даже не сильно вельможных», как вы рассказывали, людей. «Да так, знаете, предки, — ответит небрежно. — Висят тут, пылятся...» А кто изображен на картине, собственно, и не важно. Главное, чтобы в мундирах или, на худой конец, в роскошной раме.

Еще десять лет назад такой тип и слыхом не слыхивал, что можно собирать картины. А теперь «собиратель» из кожи вон лезет, чтобы казаться в глазах окружающих культурным. Но культуру, как картины, за деньги не купишь.

Сколько сатирических копий метали не так давно о выскателе фидука или слоником, выставлявшем на трюмо! Бедный фиду! Что было в этом экзотическом растении дурного? А кому принесли беду мраморные слоник! Кстати, подобную флору и фауну можно было купить сравнительно легко. Никому в голову не приходило спекулировать подобными вещами.

Прошло двадцать лет. Безобидные слоник больше не котировались на рынке обывательских ценностей. Там нынче иное в почете.

Конечно, если «культурный» меценат хочет выложить крупную сумму за очень слабую вещь, за

подделку, за плохую копию, то как этим не воспользоваться нечестному на руку! Спрос, известно, рождает предложение. Поэтому среди спекулянтов даже особая группа выделилась — тех, кто занимается «только историей». Тек обыватель рождает зло куда более страшное — спекуляцию произведениями искусства.

Года полтора тому назад мне довелось побывать в одной московской квартире на Арбате. Я собирался написать о творчестве русского художника Юрия Анненкова. Шел наугад, предвзято не не созванившись, — был только адрес. Жена Анненкова, Елена Борисовна, теперь глубокая старушка, узнав о цели моего визита, пригласила в комнату. Предложила сесть, она стала рассказывать о людях, с которыми ей приходилось встречаться в первые годы революции, о своем муже.

Я обратил внимание, что на одной из стен зияла пустотой огромная, тяжелая рама.

— Это что? — спросил я, указав на раму.

— Вы знаете, — оживилась старушка, — у меня тут побывал такой красивый молодой человек в бархатном костюме. — Бархатный костюм особенно поразил Елену Борисовну. — Представился сыном известного человека, — она назвала громкое имя, — попросил картину «Адам и Ева» на персепеку — для своей книги. Он тоже интересуется творчеством Юрия Павловича. Адам — в национальном русском костюме, с гармошкой в руках. Ева — в сарафане, коса до пояса. Так почему-то представил себе эту пару мой муж.

— А давно приходил тот человек?

— Года два уже... Нет, он же сказал, что хочет переснять. Разве можно не доверять людям!

Все это вспомнилось вдруг, когда я возвращался со встречи с Борисом. Молодой красавец в бархатном костюме вдруг приобрел черты моего телефонного знакомого...

Конечно, проблема коллекционирования, собирательства была и будет. Хотелось бы видеть больше порядка в этом полезном и благородном занятии. Опыты по организации выставок частных собраний, коллекций раритетов были. За примерами недалеко ходить. Так, Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина предоставлял свои стены для экспозиции частных собраний. Советские музеи неоднократно принимали в дар подобные коллекции и затем показывали их широкому зрителю.

Настало время со всей серьезностью рассмотреть предложение уже не одного собирателя об организации музея, составленного из частных коллекций.

Камиль Писсарро. ВСПАХАННАЯ ЗЕМЛЯ. 1874.

камиль Писсарро. ОПЕРНЫЙ ПРОЕЗД В ПАРИЖЕ. 1898.

Как известно из биографии Мишки-олимпийца, завоевавшего такую популярность в нашей стране и за рубежом, он сын Большой Медведицы. У олимпийского Мишки масса веселых родичей. Некоторые из них являются артистами цирка.

Аттракцион заслуженного артиста РСФСР Рустама Касеева и заслуженной артистки Башкирской АССР Нелли Касеевой именно так и называется: «Созвездие Большой Медведицы». Это веселый, динамичный спектакль, в котором носатые артисты являются главными исполнителями. Медведи играют в футбол, показывают моды Дома моделей — «Таежный силуэт», пляшут цыганочку, лезгинку и даже исполняют танец маленьких лебедей из балета «Лебединое озеро», — впрочем, в шутку его называют еще и танцем маленьких медведей из балета «Медвежье озеро»...

Рустам и Нелли Касеевы вместе с двумя своими четвероногими воспитанниками побывали в гостях в редакции «Огонька».

— Рустам Раскинович, как известно, вы начали свою работу на манеже силовым акробатом. И вдруг совершенно неожиданно вы бросили этот номер, принесящий вам признание публики, и занялись дрессурой. Почему?

— Любю поступок, — ответил Рустам Касеев, — может порою показаться людям неожиданным, если они не знают обстоятельств жизни. В свое время мои родители и родственники были уверены, что, получив педагогическое образование в Москве, я буду преподавателем школы. И вдруг они узнали, что я еду работать не в школу, а в цирк. Лучше не вспоминать, какой скандал разразился.

А между тем к цирку я готовился давно. Учился на факультете физического воспитания Московского областного педагогического института и всецело увлекся цирковой акробатикой, много и упорно тренировался. Но и переход к дрессуре был для меня совершенно закономерен: силовая акробатика все-таки ограничена в своих возможностях, а мне хотелось с большей полнотой раскрыть себя как артиста. Когда я поступил на театроведческий факультет ГИТИСа, темой своей дипломной работы избрал творческий путь одного из старейших советских дрессировщиков, народного артиста РСФСР Бориса Афанасьевича Эдера.

Кстати, одна деталь в биографии Эдера показалась мне весьма значительной. Когда немецкий укротитель Карл Зембах привез к нам в 1932 году группу львов и узнал, что работать с ними будет гимнаст, он сказал Эдеру: «Не будьте легкомысленны, молодой человек. Укротять львов — это не то, что стоять на голове или на руках, это — серьезное дело, заниматься которым может далеко не всякий. Я вас уверяю, это кончится для вас скверно». Мне тоже довелось услышать подобные предостережения. Более того, в «Союзгосцирке» уже было добрых два десятка «медвежьих» номеров, и там отнюдь не горело желанием создавать еще один. Но я сказал своей жене Нелли: «Сядь на самолет, лети в Сибирь и, где хочешь, доставай медвежат».

— Но ведь Нелли Александровна по профессии инженер-строитель! Не доказывает ли это, что дрессировщиком может стать каждый?

— Мне кажется, — говорит Нелли Касеева, — если от жены требуется помочь мужу в работе, она обязательно должна это сделать. Я так и поступила. Нашла в Сибири охотников, которые продавали медвежат, привозла ма-

РОДНЯ ОЛИМПИЙСКОГО МИШКИ

леньких в Москву. Теперь о дрессуре. Мало не бояться животных, мало любить их; это само собой разумеется. Нужно еще расположить животное к себе, чтобы медведь и дружил с человеком и слушался его. Так что, по-моему, дрессировщиком стать очень просто.

— Откровенно говоря, — продолжает Рустам, — я немного сомневался, выдержит ли Нелли первое испытание. Рано или поздно медведь должен был ее цапнуть: этой участи не избегает никто из дрессировщиков! И вот беда случилась: одна из медведиц так «приласкала» ее, что рука у Нелли была на перевязь много дней. Тем не менее уже на следующую репетицию Нелли пришла как ни в чем не бывало. Кураж, как говорят у нас в цирке, не пропал!

— А ведь во всех сказках нет зверя добродушнее медведя. Мы как-то с детства привыкаем к тому, что он добрый друг человека. Не то что злой серый волк...

— На то и сказки, чтобы в них водились добрые медведи и шуки с человеческим голосом, — говорит Рустам. — Любю хищник всегда остается хищником. Вы, наверное, заметили, что на манеже медведи никогда не выходят без намордника. Если уж медведь бросится на человека, отбить его очень трудно. Главное, не знаешь, когда это может произойти. Тигра и льва выдает хвост — дрессировщик уже по хвосту догадывается, когда зверь прыгнет. У медведя же хвоста нет, длинная шерсть скрывает глаза и «мимику», так что если у животного по чему-либо изменилось настроение, этого не предугадаешь! И в то же время медведя по интеллекту ставят в «первую пятерку»: он среди дельфинов, слонов и обезьян. У него очень цепкая память. Такая же цепкая, как когти. Так что у тех, кто работает с хищниками, «глаза должны быть на затылке». Но ни в коем случае нельзя трусить, а тем более убежать: тут сразу срабатывает инстинкт — убегающего преследовать!

— Нелли Александровна, вернемся к хронологии. Как вы начали работать с медведями, которых привезли из Сибири?

— Прежде чем начать работу, нужно было где-то их разместить, а у нас была только квартира в многоэтажном доме у Водного стадиона. Теперь в ней появилось три «берлоги»: в ванной, на кухне и в туалете. Те, кто держит собак, представляют, что это значит! А ведь тут медвежата... Но, признать, мы быстрее с ними нашли общий язык, чем с соседями. Это теперь при встречах соседи любезно интересуются: «А как работает мишка, который сгрыз

подоконник? А как дела у парочки, перевернувшей холодильник...» В четыре часа утра голодный рев поднимал нас с постели: шесть медвежат требовали полюбившуюся им сладкую манную кашу. Потом мы арендовали сарай в парке Дружбы, там и проводили первые репетиции; ни в пургу, ни в мороз они не отменялись.

— А как вы находили контакт с медведями? Как они понимали, что от них требуется?

— В звере нужно видеть не бессловесное существо, а своего доброго партнера по спектаклю; нужно любить животных, как братьев наших меньших. Полезными оказались занятия в пединституте, в частности умение идти от простого к сложному. Пригодились слова И. Бугримовой — она была моим оппонентом на защите дипломной работы — о том, что нужно разгадывать способности артистов и соответственно раздавать роли; этот совет стал теперя непосредственным руководством к действию...

Помните, как-то нам позвонили из Загорска: «Срочно приезжайте!» Едем. Нас везут в опустевший пионерский лагерь. Сейчас в пионерских лагерях часто организуют живые уголки. Здесь для живого уголка ухитрились где-то раздобыть медвежонка, да еще для него клетку. Пока в лагере были ребята, медвежонок блаженствовал. Никогда в жизни он не получал столько лакомств! Но вот в конце августа уехала последняя смена, укатили и начальство, забыв о косматом воспитаннике. Остался сторож; он жил в деревне, километрах в пяти от лагеря; навещался редко. Совал в клетку ведро воды, кидал буханку хлеба и снова исчезал надолго. Мишка обиделся на все: и на свою судьбу и на людей, так жестоко его предавших. За лето он подрос. Когда мы приехали, это был неприступный, оголодавший, злой медведище; целый час я возился, пока с трудом надел ему намордник и ошейник. Но и потом, когда мы привезли его в Москву и поселили в сарай, он целый месяц не подпускал близко к себе, ни Нелли. Лишь постепенно привык. Когда мы приступили к репетициям, у него оказались поразительные способности.

Как мы разучиваем с ними тот или иной трюк! Это — дело долгое и утомительное. Возьмем тот же танец с присядкой и подпрыгиванием. Поможешь медведю присесть и тут же его подкормишь: «Бравушки! Молодец!» Пусть в его памяти зафиксирована именно эта ситуация. Поднялся на ноги — снова ему гостинец: сахар, печенье, ванильные сухари или самое любимое медвежье

блюдо — бородинский хлеб. И так в течение многих месяцев.

— Рустам, вы говорили, что на манеже уже было добрых два десятка номеров с медведями, когда вы готовили свой номер. Вы не боялись потеряться в этом медвежьем kaleidoscope?

— Сегодняшнего зрителя ничем не удивишь. Посади медведя не в автомобиль, а в ракету, и все воспримут это как нечто само собой разумеющееся. В номере должны быть оригинальные трюки, действующие на мысль. Должны быть юмор, темп. К этому я стремился, стараясь заранее представить себе, как будут люди реагировать на ту или иную актерскую находку. И когда к нам пришли режиссеры Н. Барзилович и Б. Мельников, они увидели, что выступление обещает действительно стать необычным. Нам выделили деньги на питание для медведей. Уфимский цирк дал нам манеж для репетиций. Башкирию мы вспоминаем с глубокой благодарностью.

— Последний вопрос уже к Касеевым-родителям. Нынче в Московском цирке на Цветном бульваре дебютировала в детском спектакле «Тайна медвежьего ущелья» Дана Касеева в роли девочки Машеньки... Нем бы вы хотели видеть своих детей?

— Для артистов цирка — праздник, если на манеже появляется кто-нибудь из юных представителей цирковых фамилий. Для родителей же это особенно радостно. Нам приятно, что Дану выпустил на манеж Марк Соломонович Местечкин, который когда-то дал дорогу в Москве и нам... Наши дети уже сейчас репетируют ежедневно. Сын Ренат готовится стать акробатом. Пусть их труд будет таким же нелегким, но благодарным, каким стал для нас.

Встречу вел Е. ГОРТИНСКИЙ.

Нелли и Рустам Касеевы в редакции «Огонька».

Игулес

Леонид РЕШЕТНИКОВ

Всю жизнь я догоняю сам себя,
Бегу сквозь жизнь, как будто жизни мимо,
За днями, что, ликуя и скорбя,
Проходят сквозь меня невозвратно.

Ускорен пульс, и лоб от пота взмок,
Но все бегу, нагнать еще пытаюсь
Сегодня, что вчера догнать не смог,
Не сделал, хоть и клялся в этом, каюсь.

Бегу, бегу, с летящим часом шаг
Равняя и отстать боюсь от часа.
И ветра отстающего в ушах
Рокочет гул, как струны контрабаса.

Или как грохот «ТУ». И что ни год —
Бегу быстрее, усилий не жалею.
А между тем бежать все тяжелее.
Бегу, бегу — а интервал растет.

Пора понять — всему пора
Приходит по порядку:
Когда косить, возить с утра,
Когда плясать вприсядку.

Лишь мне урок тот впрямь нейдет,
Хоть нет и мне потачки:
Аллюр не тот, галоп не тот —
А все играю в скачки.

Как будто следом мчится тень
С косою неминуемой,—
Бегу.
Но все короче день,
А горки — круче, круче.

Раскладка сил и игры в прятки,
Занятие это не для нас.
Идем к финалу без оглядки:
Все верим — есть в нас сил запас.

А между тем давно в помине
Запаса нет — пуста сума.
В ногах, как сноп тот на овине,
Сидит безногая сама...

Так, выключая день вчерашний,
Ночь входит, ко всему слепа.
Так перепаханною пашней
Вдруг обрубается тропа.

А ведь еще совсем недавно
Казалось — нету ей конца...
А дни горят еще так славно,
Так пахи тенькают с крыльца!

ДЯТЕЛ И НТР

Я на рассвете песней был разбужен,
Что барабанил дятел. Но мотив,
Каким-то звоном странным перегружен,
Был пустотел, бездушен и тосклив.

Пронзительно-звонящ и неестествен,
На песню дятла был он не похож.
Он здесь, в лесу, не больше был уместен,
Чем звук, когда скребет по жести нож.

Дымили дачи, выстроясь в кильватер.
И я увидел, выглянув в окно,
Того певца. Он, позабыв давно
Древесный сук, как истинный новатор,
Бил по антенне...
Грустно и смешно!

ПРОГРЕСС НАУЧНЫЙ НЕИЗБЕЖЕН...

Прогресс научный неизбежен,
И не бесменен наш пейзаж.
Но как вокруг нас лес прорежен,
Как воздух загазован наш!

Как будто вправду правы эти
Слова подлейшие — хоть в лоб,
Хоть по лбу — дескать, раз на свете
Живем. А после — хоть потоп...

И впрямь, усилия человечья
По улучшению земли
Такие ей несли увечья
Порой — и не в такой дали!

Что, причастившись тем обидам,
Тряся со лба кровавый пот,
Сама природа-мать всем видом
О тех обидах вопит.

И чтобы жизнь свою улучшить
Хоть чуть, она, в чаду, в дыму:
— Не улучшай, чтоб не ухудшить! —
Взывает к сыну своему.

Новосибирск.

Юлиан СЕМЕНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Писем и фото не было.

И Костенко, наконец, понял: Кротов не просто будет бежать на Запад, он будет просить политическое убежище, поэтому-то он так тщательно у него что жает Кротова Николая Ивановича, бандита, фашиста, волка.

— Зачем вы лгали, что «капитан второго ранга» не был у вас дома? — спросил Костенко. И тут женщина сломалась...

Она не плакала, просто покатились слезы, оставляя бурные следы на тщательно положенном «смуглом» тоне; Кротова сделалась в какое-то мгновение очень старой женщиной — потерянной и жалкой.

— Помочь вам? — предложил Костенко. — Или вы все расскажете сами?

Она отрицательно покачала головой, шепнула:

— Я ничего не буду... рассказывать... вам...

— Тогда я вам скажу. Он привел вас домой. В кафе он купил шампанское и коньяк. Или водку, хотя вряд ли, в кафе водку продают только верным клиентам, но для вас он мог взять водку, чтобы сделать «огни Москвы» и спонсировать вас. Я обещаю вам выяснить все — и это будет не в вашу пользу, — в каком вы были кафе, какие он покупал там бутылки, куда вы отправили дочь, в кино ли, к друзьям, я выясню это, я вызову на допрос и предупрежу свидетелей об ответственности за ложные показания, и они мне расскажут правду. Я не могу иначе, потому что речь идет о злодее... Ну?

ПРОТИВ

Женщина кивнула, прошептала:

— Да...
— Все было так?
— Да...
— Когда вы... проснулись, его уже не было?
— Нет.
— Он оставил записку?
— Да.
— Где она?

— Он в конце написал: «После того, как прочтешь — сожги, чтобы не попала на глаза девочке»...

— Это он про дочь?

Женщина кивнула.

— А смотреть альбомы и читать письма вы начали сразу, как пришли?

Она снова кивнула.

— Он к вам после этого звонил?

— Да.

— Когда?

— Сегодня...

— Что?

— Днем.

— И вы сказали, что вас вызывают в угрозыск?

— В милицию...

— Он звонил из города?

— Нет, междугородная...

— Из какого города?

— Не знаю.

— В какое время дня это было?

— В одиннадцать.
 — Вы ждали его звонка?
 — Нет. Сегодня не ждала, а вообще...
 — Все время ждали?
 Она кинула.
 ...Костенко вышел из кабинета, попросил дежурного:
 — Позвоните Тадаве, он сидит в моем кабинете, пусть едет в Минск и попробует установить, из какого города был сегодня сделан заказ на Оболенск, телефон 33-64-21, фамилия абонента Кротова. Если ему ответят, что могли звонить из автомата, теперь много автоматических линий, пусть обратится к начальству, пусть настаит, чтобы проверили все, абсолютно все города и поселки. Может случиться чудо, и ему повезет.

Сначала, конечно же, Тадаве ответили, что при теперешней линии автоматической междугородной связи поиск такого рода бесполезен. Он, однако, поманил к себе девушку, которая разговаривала с ним — ответственная дежурная по управлению, — и шепнул, явно подражая Костенко:

— Красивая, от того, в какой мере вы нам поможете, зависит судьба, вернее говоря, жизнь людей, ибо мы ищем волка, злодея, фашиста, который не просто убивает женщин, а зверски, понимаете? Я говорю вам правду, красивая...

«Справка. На запрос Главного управления уголовного розыска МВД СССР сообщаем, что разговор с Оболенском, с номером 33-64-21, был заказан из Адлера в 8.30, на почтовом отделении при вокзале. Отв. дежурная Власова Л. И.»

Костенко приказал срочно послать оперативные группы на вокзал, аэродром, на все поезда, вышедшие из Адлера, снабдив оперативных работников точным описанием Кротова. Фотографии он рекомендовал не раздавать, потому что Кротов мог изменить внеш-

Впрочем, ладно, это ваше право в конце концов. Только помните постоянно: один неверный шаг, и дочь ваша останется сиротой!

— Я буду делать все, что вы скажете...
 — Он ведь знает ваш рабочий телефон? — спросил Костенко.

— Конечно.
 — Когда он позвонит, вы будете держать его разговором сколько можете. Ясно?

— Да.
 — Расскажите, что вас вызвали, допрашивали по поводу тех колледж, которые вы не пустили в продажу, а придержали для выполнения плана. Он может перепроверять это, поэтому сегодня вечером мы проведем собрание в торге и коллектив возьмет вас на поруки, попросит прекратить возбужденное против вас уголовное дело.

— Вы действительно возбудили дело?
 — Возбудим. А завтра об этом будет написано в здешней газете. На общем собрании вы тоже будете говорить правду, ибо я не исключаю возможности, что Кротов познакомился, помимо вас, с кем-нибудь из продавцов. Кто из ваших продавцов одинока, обойдена, так сказать, мужской лаской? Называйте, чтобы мне не ходить лишний раз в кадры, вы своих женщин лучше знаете...

— Неужели вы думаете...
 — Думаю, думаю, говорите.
 — Ира Есеева одинока...
 — Не все одинокие постоянно думают о... — не сдержавшись, сказал Костенко.

Кротова подняла на него глаза — запавшие, потухшие; ответила жестоко, даже гримаса перекосила лицо:

— Все.
 — Позвольте не согласиться...
 — Все, — повторила упрямо Кротова. — Ясно вам, все! Вы, кстати, велели мне... на собрании говорить... правду... И про него тоже?

— Вы зачем так! Вы понимаете, какую правду я имел в виду! Признете, что держал в сейфе кольца и броши стоимостью в двадцать семь тысяч; да, хотели помочь торгу

— Слушайте, вы намерены нам помочь? Или нет? Скажите правду, я стану искать другой выход, и я его найду, но вы потом не сможете смотреть людям в глаза.

— Я вынуждена вам помочь, — устало ответила женщина, — потому что вы действительно очень жестоко сказали о судьбе Лены...

— Дочь?
 — Кто ж еще, конечно, дочь...

36

...Костенко передал руководство группой Тадаве и выехал в Москву. Он связался с Сандумяном, попросил поднять в аэропорту данные на пассажиров — всех без исключения, — вылетающих сегодня из Адлера, по возможности установив этих пассажиров по номерам паспортов. Особо внимание уделил тем, кому паспорт выдан недавно, с изменением фамилии — взял женину. От Кротова можно ждать неожиданностей, необходимо быть во всеоружии, увидет два дня — так на так, а в берлинских архивах, говорит Пауль Велер, есть что-то такое, что поможет рассчитать возможные ходы гада...

...Позвонив в Берлин, Костенко сказал Паулю, что вылетает вечерним рейсом, попросил забронировать билет на послезавтра, на утренний рейс и поехал домой.

— Где Арина? — спросил Машу, снимая плащ; Костенко ушел точно угадывать — дочь дома или нет ее; все чаще и чаще, возвращаясь, не заставлял — то у подруги, то в кино, то где-то у приятелей собирались.

— Скачала, что у Любы. Но мне кажется, она в гостях у Нади, там часто бывает Арсен...
 — Я ему голову отверну, этому Арсену.
 — Нельзя, — ответила Маша. — Сделать кофе!
 — Сделай. Чемодан собрала!

— Да.
 Костенко увидел большой красный чемодан в столовой, сказал раздраженно:

— Эту громадину я не потащу.
 — Он пустой, Слава.
 — Тем более.
 — Может, купишь чего-нибудь... Иришка тебе маленький список составила... обуви хорошей мало...

— Ничего не куплю, Маша. Я послезавтра буду обратно, сердце что-то скребет, не до покупок...

Костенко прошел на кухню, сел на свое обычное место возле телефона. Чтоб не бегать в столовую, он провел параллельный аппарат: звонили часто. Маша опустилась перед ним на колени, стала привычно расшнуровывать туфли. Он лениво пролистал газеты, не очень-то в общем понимая, о чем пишут, мысли были о деле.

— Кто он все-таки такой, этот Арсен? — спросил Костенко, когда Маша, подынявшись, вышла в переднюю, чтобы почистить его туфли: с детства любила это занятие, деду чистила, как истинный вояка.

— По-моему, сукин сын, но чем чаще мы с тобою станем это говорить Арине, тем больше у него шансов на успех.

— Сострадание к оскорбляемому!
 — Конечно. А он работает по Пушкину: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей», — дразнит Арину, и она, дуручка, поддается. Когда у тебя самолет?
 — Через полчаса надо выезжать... Но ты Аришке хоть что-нибудь объяснила?

— Милый, я только этим и занимаюсь, — ответила Маша. Она вернулась на кухню, сняла с плиты закипевшую воду, сделала мужу крепкий кофе, как он любил, с пенкой; села против него, подперла щеку рукой и улыбнулась. — Люблю тебя рассматривать. Ты к старости становишься еще красивее.

— Да.
 — Да.
 — Почаще мне это говори. — Костенко отхлебнул кофе. — Вообще ублажай меня, Марья. Я сейчас в таком материале варюсь, что баб начинаю ненавидеть.

— Вполне тебя понимаю...
 — Когда физиология прет, гадостно делается.

— Не изо всех же она прет...
 — Считают — у всех.
 — Бабы говорят?
 — Оно, проклятые.
 — Не верь.

ВОСТОЯНИЕ

ность — усы, борода, форма, спецовка, ватник, черт его душу знает. Он почувствовал опасность, но он еще не убежден в том, что Кротову вызывали в связи с его делом; он просто-напросто не имеет права в это поверить, он должен выяснить правду. Он позвонит к ней еще раз. Он позвонит.

...Группа, работавшая на аэродроме Адлера, не установила факта продажи билета ни Минлинко, ни Минчакову, ни Милюкову, ни Минчукову, ни Пилинкову, ни Линчакову, ни еще добродушному десятку фамилий, аналогичных этим, поскольку Костенко предложил отработать версию изменения фамилий, отталкиваясь от двух — «Минлинко» и «Минчаков».

На квартире у Кротовой была оставлена записка; все ее телефонные разговоры фиксировались.

— Он должен вас убить, — сказал Костенко женщине. — Понимаете? Вы — единственный реальный свидетель, которого вызывали в милицию. Он не знает, в связи с чем, но он должен убрать вас, потому что вы — единственный человек здесь, на Большой земле, к которому он приходил открыто, упомянув имя Кротова. Это гарантия смертного приговора, неопровержимая улика против него. Я только не могу понять, зачем он пришел к вам и назвал фамилию Кротова? Это против правил, против его правил. А вы мне до сих пор не хотите рассказать всей правды, вы утаиваете что-то, и это — глупо. Вы утаиваете от меня что-то...

с выполнением плана квартала, чтобы сотрудников не лишать премии, — вот какую правду я имел в виду...

— Врача можете пригласить?
 — Какого врача? — не понял Костенко.
 — Психиатра.
 — Что, не владеете собою? Не отвечаете за свои поступки?

— Вы предвзято думаете о людях. Климакс у меня, простите, климакс. И я могу сорваться. Поэтому прошу о помощи. Чтобы мне дали какое-нибудь лекарство или укол сделали, я не знаю, что в этом случае может помочь...

— Хорошо. Я это устрою. И повторю еще раз: психиатр психиатром, а судьба вашей дочери, жизни, говоря точнее, в ваших руках, и здесь никакой психиатр не поможет, и климаксом не отговоритесь. Я, быть может, слишком жесток, но я намеренно жесток, чтобы вы не думали, будто я с вами играю. Я веду с вами дело в открытую, понимаете? Мы связаны сейчас воедино. Или вам жаль капитана второго ранга?

Она снова вскинула голову:
 — Да. Мне жаль. Мне его очень жаль...
 — Несмотря на то, что я вам о нем рассказывал?

— Рассказали... А я привыкла верить глазам...

— Через час меня сменит коллега, он уже выехал из Москвы, он покажет вам несколько фотографий...

— Трупов? Или то, как их разрубал капитан второго ранга?

— Так ведь факты...

— Просто тебе не везет в этом деле, милый. Физиология, конечно, штука сложная, но ведь есть и противоположное ей — дисциплина духа.

— Редко встречается, — вспомнив тетю Марго и мать Лёвона, ответил Костенко.

— Конечно, не часто. Мужики распускают, женщина перестает поклоняться богу, своему богу, тебе персонально...

Костенко поднял на нее глаза:

— Ты что? Правда? Перестала мне поклоняться? — усмехнулся он. — Разведусь.

— Тебе нельзя перестать поклоняться, оттого что ты — как рельс: каким был, таким и остаешься, не даешь поводов для разочарования.

— А что это за повод? Что чаще всего разочаровывает женщину в мужчине? Постель!

— Это тоже. Но в меньшей мере, мне кажется...

— Так тебе кажется...

— Сексологии мы в школах не учим, стыдливость наша хрестоматийная: в конце концов оборачивается это трагедиями... Но постель все-таки, во-вторых, как ты передразниваешь своего Тадаву...

— Это — во-первых...

— Ты что это? Седина в голову — бес в ребро!

Костенко вдруг увидел лицо Киры Королевой, ее волосы, обвивавшиеся на плече, поднял глаза на Машу, на ее седую — настоящую, некрашеную — копну волос, улыбнулся:

— Это точно. В ребро... Ты что сердитая?

— Заметно! Никак не могу себе ответить на вопрос: отчего у нас в магазинах продавщицы так грубы? Сыты, обуты, французскими духами надушены, а рывают, словно жандармы... А как мы в метро садимся? Отчего это? Почему в Японии — я до сих пор эту поездку забыть не могу — при входе в магазин вам кланяются и говорят: «Спасибо, что пришли к нам!» И прощаются: «Благодарим, что посетили!»

Костенко хмыкнул:

— У нас теперь тоже на чеках пишут: «Благодарим за покупку».

— Пишут, — отрезала Маша. — А ведь не говорят — собачатся... И это шлейфом тянется с улицы и из магазина в дом. А разве любовь возможна, если только что собачились? Ну, ладно, не любовь, просто-напросто совместное проживание под одной крышей? А в школе? Первоклассников называют по фамилии. «Иванов», «Петрова». А «Петрова» только что в куклы играло, ласково их называла, «Машеньками» и «Наденьками» их называла, и мама ее зовет «Машенька»...

— Можно ли от учительницы, которая получает сто пятьдесят, требовать, чтобы она запоминала все имена?

— Ты не прав. Нельзя все начинать и кончать рублем. Мне иногда хочется, чтобы по телевидению начали программу, обращенную ко всем: «Товарищи, постыдитесь, как же вы общаетесь друг с другом, посмотрите на себя со стороны, срам!»

— Подействует?

— Еще как!

— Значит, примат воспитательной работы? Маша улыбнулась:

— Но я не против материального поощрения.

— Вот видишь... На рынке-то отношения между продавцом и покупателем другие? И улыбаются, и торгуются, и шуткой перебарщиваются...

— На рынках душегубы, — обижаясь чему-то, ответила Маша. — Так дерут, просто никаких денег не хватает...

— Так это понятно, — допив кофе, ответил Костенко. — Если бы в магазинах постоянно были парниковые помидоры и огурцы, кто к душегубам пойдешь? А если б еще к тому же продавец магазина получал процент с успеха своей работы — что ты! Он бы с тобой, как с Лоллбриджидой, разговаривал...

— Это если он — мужчина, а если продавец — женщина?

— Если женщина — как с Вячеславом Тионовым, — ответил Костенко и посмотрел на часы.

Маша принесла туфли, снова опустившие перед ним, обула его, подняла голову:

— Опять левая нога ужасно опухла Слави... Хочешь, я попрошу Ниночку приехать к нам? Она тебя здесь посмотрит, времени не отнимет...

Костенко положил руку на голову жены, ощутил тепло, увидел стрелки часов — надо ехать.

— Марья, ты не можешь представить себе, как я устал...

— Я сержусь на наших женщин, которые вечно жалуются, что им тяжелее, чем мужчинам... И сумки надо, мол, таскать, и готовить, и стирать... Мужчинам всегда тяжелее...

— Права ли ты, Марья?

— Так точно, товарищ полковник, права. Вы организацию труда проходили? Или темный сыщик! Эти разговоры идут от разгильдяйства. «Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок»? Безобразие это! На Западе и в Японии женщины тоже и продукты покупают и готовят...

— Не работают они, как вы...

— Еще как работают! Посмотри статистику... Только покупают не так, как мы, каждый день — понемножко, это наше скопидомство, а на поверку, больше тратим, чем если б жили на неделю, холодильники в каждом доме, это для нас с тобой было событие в пятьдесят шестом, год жди в очереди, а сейчас в рассрочку — пожалуйста. Карандашик надо взять, посидеть и посчитать, сколько чего купить... Хотя с ассортиментом у нас неважно, но все равно едим мы больше всех в мире. — Маша по-прежнему сидела на полу, не поднимая головы с колен мужа. — А стирка? Время, затраченное на домашнюю стирку, стоит дороже, чем прачечная. Время — мера всех ценностей, Слави, а мы с ним не в ладах... Дис-сип-лина, — засмеялась она, — дис-сип-лина.

— Марья, а если б женщина сказала: «Ты — не мужик, а матрац»... Что тогда?

— Тогда она просто-напросто не женщина; видимо, фригидна или внутренне испорчена, или просто-напросто не совсем здорова психически, глубокая истерика. Кому это она сказала? Может, алкоголику?

— Вполне нормальный семьянин.

— «Нормальный семьянин»? Плохое определение... Какое-то жалкое... Ты, вот, например, никакой не семьянин. Ты просто замечательный отец, и я тебя люблю... Хотя, как всякий нормальный мужик, ты немного сумасшедший, и это — прекрасно... Я всегда мечтала о таком, как ты... Только противоположности уживаются: ты — черный, я — белая, ты — толстый, я — худая, ты умный — я женщина, ты — смелый, я — трусиха...

Костенко снял руку с головы жены, она прижалась к руке щекою, поднялась, поцеловала его и попросила:

— Успеешь написать Аришке записку? Она очень любит твои записки. Напиши, что дело у тебя сейчас кошмарное, ты улетишь в Берлин, она этим очень гордится. И попроси ее не торопиться с решением, пока ты не обсудись с нею пропозиции, — она обожает это твоё омерзительное словечко.

— Салют, Мария. — Костенко поднялся, пошел в прихожую, долго смотрел на себя в зеркало, потом сказал Маше, стоявшей за спиной: — Не морда, а печеное яблоко.

Открыл уже дверь, улыбнулся:

— Митька начал стихи писать — на старости лет...

— Ну?!

— Хочешь, прочту?

— Конечно.

Костенко почесал нос, чуть кашлянул:

— К женщине первой тяга,
Словно на вальдшнепа тяга,
Как Деждемона у Яго,
Словно Форастова сзга...

Было всяко,
Будет всяко,
К ней лишь останется тяга.

Становилось ясно,
Многопланово, то есть огромно.
Профессионально.
Любовно.
Двояко:
Тяга.

Голос услышу — тяжко,
Правдливый ли лгу — натяжка;
У сердца пригрею бродяжку...
Тяжко...

Маша как-то странно улыбнулась, потом сказала:

— Дорогие мужики, по-моему, вы вступайте в критический возраст.

— Он у нас начнется за час до смерти, — ответил Костенко, поцеловал жену в нос, лифт вызывать не стал, пошел пешком — Маша чувствовала, как тяжела его походка; устал, бедный...

— А чемодан? — закричала Маша. — Слави, погоди, я тебе сейчас спущу на лифте! «Вот ведь хитрюга, — добро подумал Костенко. — Заставила все-таки взять красный...»

37

...Прочитав еще раз запись беседы, проведенной Костенко с Кротовой, и остановившись дважды на фамилии «Евсеева», Тадава решил не ждать утра.

Посты наблюдения сообщили по радио, что улица, где живет продавщица, чиста — Костенко предупредил, что Кротов, спекулируя на погонах, на уважении к ордену Миллинка, который носил постоянно, может использовать какого-нибудь мальчишку: «Посмотри-ка, сынок, нет ли там моего племянника — он или в машине сидит, или около дома ходит», — наивно, конечно, но тем не менее иногда срабатывало. «Он может подкатить и к этой», — говорил Костенко, — я чувствую, что он мог... Тоже одинока, тоже страдает по любви и ласке... Он, видимо, работает со страховкой, понимаете, Реваз? Я начинаю его побаиваться, я его тень начинаю за собою видеть, право. Так что постоянная собранность, максимум аккуратности. Надеюсь, удастся привезти из Берлина что-то новое, и это новое, сдастся мне, поможет нам в поиске... Впрочем, я очень боюсь, что ищем мы тень, символ, а не человека...

— Ирина Григорьевна, — сказал Тадава, — я из уголовного розыска, долго вас не задержу. Мне бы не хотелось вас приглашать в милицию, поэтому я пришел к вам. Разрешите!

Женщина стояла на пороге, пройти в комнату Тадава не предлагала.

— Вы в связи с вчерашним собранием в магазине? По поводу Кротовой?

— В связи с этим тоже.

— Тогда вызывайте в милицию, чтоб все было официально, я предавать никого не намерена, а тем более мою заведующую.

— Вы решили, что я пришел склонить вас к предательству?

— К чему ж еще? Торговой этике, что ли, учить?

— Вы мне позвольте все-таки к вам войти...

— Я ж сказала — нет. Ничего я вам здесь говорить не стану.

Тадава погасил вспыхнувший в нем гнев, закрыл на мгновение глаза, поджал губы:

— Хорошо. Речь пойдет не о Кротовой...

Вызывать вас мы не можем, ибо, возможно, за вашей квартирой следят...

— Что? Кто это следит-то? Только вы и можете следить, денег у вас на это хватает, налоги не зря платим...

— Ответьте мне: у вас сейчас есть кто-нибудь дома?

— А кто у меня может быть? Никого нет!

— А капитан, моряк, к вам приходил?

Лицо Евсеевой вспыхнуло, потом побледнело.

— А вот это вас не касается.

— Именно это меня и интересует. Этого моряка мы ищем, он убийца.

Женщина отняла руку с косяка, Тадава прошел в квартиру, оглянувшись предупредительно — на лестнице было пусто: «Что это я себя зазря пугаю, внизу наши люди»...

Но, подчиняясь какому-то внезапному порыву, Тадава вдруг повернулся, взбежал по лестнице на последний этаж — по-кошачьи, на цыпочках. Там никого не было. Вниз спустился быстро, почему-то подражая походке Чарли Чаплина, когда тот в финале своих ранних фильмов, рассказываясь, уходит в солнце. По-настоящему, тросточки в руке майора не было, а Чаплин всегда поигрывал тросточкой, и чем горше ему было, тем он смешнее и беззаботней вертел ею.

...В комнате у Евсеевой было занято: вся ее сущность была в аляпистой наружке, — и финская стенка, и кресла из югославского гарнитура, и арабский стол с тяжелыми стульями, и репродукции из «Работницы» в аккуратных позолоченных рамках, и хрусталь в горке красного дерева, — все было здесь показным, не для себя, не для удобства; сплошная инвестиция. И в книжном шкафу тоже инвестиция, а не книги: Конан Дойль рядом с Булгаковым, Мандельштам вместе с Майн Ридом, «Вкусная и здоровая пища» была втиснута между альбомами импрессионистов и «Третьяковской галереи» — размер почти одинаков.

Тадава снова погасил в себе острое чувство неприязни к женщине, открыл папку, спросил разрешения разложить на столе фотографии. Евсеева постелила большую салфетку, и Тадава начал пускать в них карточки с расчлененными трупами. Последним он вынул с расчлененного портрета Кротова — тот, что удалось достать в профсоюзном бюро таксомоторного парка.

— Он у вас был? — утверждающе, по-костюмски сказал Тадава. — Я это спрашиваю без протокола. Он говорил с вами?

— Говорил, — ответила Евсеева, не отводя глаз от фотографии, разложенных на столе.

— Когда? После того, как побывал дома у Кротовой?

— Он у нее дома тоже был?

— Вы когда его видели? — не ответил на вопрос, но поняв все из того, как он задан, продолжал Тадава. — Вы его какого числа увидели?

— Не помню я чисел.

— В магазин к Кротовой он пришел третьегон вечером.

— На другой день ко мне пришел.

— Сюда?

— Да.

— А как он с вами об этом договорился?

— Никак не договаривался. Постучал в дверь, я и открыла. Я запомнила его, когда он с Кротовой в кабинет пришел.

— А почему, дорогая, вы его запомнили?

— Никакая я вам не «дорогая»!

— Для кавказца всякая красивая женщина — «дорогая», — без улыбки ответил Тадава.

— Ну и оставьте для Кавказа свои обращения. А я вам гражданка Евсеева.

— Хорошо, гражданка Евсеева. Пожалуйста, возьмите ручку и бумагу, напишите подробное объяснение, когда, при каких обстоятельствах и в связи с чем к вам пришел моряк, о чем он с вами говорил, как вы провели время, когда он от вас ушел, когда обещал вернуться, если, конечно, обещал.

— А я вам не обязана писать. Спросили — ответила. Дальше — моя личная жизнь, она вас не касается, она у нас законом охраняема.

— Вы совершенно правильно ответили, гражданка Евсеева. Но, во-первых, речь идет не о вашей личной жизни, а о преступнике, которого ищет уголовный розыск Советского Союза, во-вторых, вы работаете не во «Вторсырье», а в ювелирном магазине, имеете доступ к драгоценностям и, наконец, в-третьих, если вы знаете, когда моряк был намерен вернуться в Оболенск, но не говорите мне об этом, я привлеку вас к суду за пособничество особо опасному преступнику.

— А какие у вас есть для этого основания? Нет у вас никаких оснований меня привлекать.

— Значит, вы не хотите помочь нам захватить врага?

— А я вам так не сказала. Я сказала, что писать ничего не буду. Есть вопросы — задавайте. И карточки свои со стола уберите, тошно смотреть.

Тадава послушно убрал фотографии в папку, аккуратно положил потрепанную канцелярскую папку в крокодиловой кожи портфель, спросил разрешения закурить, достал пачку «Примы», затянулся, ощутив горьковатую синеву табака, и спросил:

— Вас не удивил его приход?

— Чего ж удивляться? Он видел меня, а я его глаза запомнила...

— Он спрашивал вас о Кротовой?

— На этот вопрос я отвечать не буду.

— Почему?

— Не буду — и все.

— О вашей работе спрашивал?

— Чего-то спрашивал... Он о камнях говорил красиво, какой камень какому зодиакальному знаку принадлежит, почему так считают...

— Он вам какие-нибудь камни показывал?

— Да. Изумруд показал.

— В оправе?

— Нет.

— Дорогой камень?

— В магазинах сейчас такие реализуют... Тысячи две, не меньше. Грани хорошие, цвет, глубина, все при нем.

— Не говорите, откуда у него этот камень?

— Что я, милиционер, такие вопросы задавать?

— На море вам съездить не предлагал?

— Не буду я такие вопросы отвечать, сказала же!

— Значит, в Адлер он вас все же позвал. Кротову он, впрочем, приглашал в Батуми.

— Не стесняйтесь нас лбами, не столкнете...

— Бутылка, которую он принес, осталась?

— Я бутылки не сдую, я их выбрасываю в мусоропровод.

— Шампанское и водка?

— Я ж сказала: не лезьте в мою личную жизнь. Ее у меня и так слишком мало, чтоб я с другими делилась.

Тадава поджался.

— Я надеюсь, вам не придется казнить себя за то, что вы не захотели нам помочь обезвредить преступника. Мы постараемся поймать его без вашей помощи. Но если случится горе, оно будет непоправимым. А этого можно избежать, рассказы вы нам все. Я хочу, чтобы вы запомнили эти мои слова. До свидания, гражданка Евсеева.

С этим и ушел. Дверь прикрыв очень аккуратно: так закрывал дверь своего «жигуля»; очень сердился, когда сильно хлопали, хотя сейчас ему хотелось так рвануть на себя медную, в форме львиной морды ручку, чтобы из-под косяка посыпалась штукатурка.

«УВД Магарана, майору Жукову. Прошу срочно опросить знакомых Петровой, не было ли у нее кольца с зеленым изумрудом, хороших граней, — это выражение ювелира, прошу перепроверить у соответствующих специалистов, чтобы доходчивее объяснить вопрос свидетелям. Майор Тадава».

«Тадава по месту нахождения. У Петровой были изумрудные серьги и кольцо. Жуков».

«Майору Тадава, телеграмма из отдела Управления уголовного розыска МВД СССР. На имя полковника Костенко получены списки лиц, сдавших заявление на поступление в рыбфлот. СССР — в период с ноября по настоящий день. Ни Милинко, ни Минчакова в списках нет. Однако есть Пинчуков, 1925 года рождения, из Вьсегонска, имя и отчество совпадают с именем и отчеством погибшего Минчакова. Проживал по адресу: Вьсегонск, Озерная, 3. Но на фотографии, приложенной к делу, лицо человека обезображено шрамом, правый глаз косит. Полковник Кириллов».

«Полковнику Кириллову. Прошу передать фото Пинчукова в НТО для исследования. Установлена ли установка по месту жительства Пинчукова? Где находится Пинчуков в настоящее время? Прошу сообщить, в какой флот он оформлялся. Тадава».

«Майору Тадава. Фото Пинчукова, по заключению экспертов, в определенных параметрах соответствует фотографии Кротова, которой мы располагаем, однако категорический ответ экспертиза отказывается дать в связи с плохим качеством фото. Пинчуков действительно проживал до января с. г. по указанному адресу, косоглаз, имеет шрам на лице. После принудительного лечения в антиалкогольном диспансере № 12 домой не вернулся из-за жены, которая не хочет, чтобы дети видели отца-алкоголика. Где находится в настоящее время, неизвестно. Сосед Антипов говорит, что Пинчуков выражал желание во время их последней встречи, когда жена не пустила его домой, уехать на лесозаготовки. Пинчуков проходил оформление в Калининградском рыбном флоте. Полковник Кириллов».

Продолжение следует.

Не клюет.

Рисунки
О. Ведерникова,
В. Воеводина,
В. Спельникова

Без слов.

— Говорил же тебе: «Сначала купим автомашину».

В ПОДВАЛ... ГРИБЫ СОБИРАТЬ

Грибы многие любят. А как сделать, чтобы за ними не ходить в дальние леса, не трепать подметки, а собирать эти вкусные дары природы... у себя под окошком? Какая благодать-то была бы!

Выходим мы как-то днем с женой из Дворца культуры профсоюз в Новгороде. Смотрели очередной спектакль местного народного театра музыкальной комедии. Проти́в главного подъезда виднелась зеленую полянку, по которой дедушка с внучкой ходят и собирают грибы. Ради любопытства заглянул в корзину старичка. Почти до краев полна... шампиньонами! Интересно:

— С чего бы это здесь, в центре города, шампиньоны появились? — А что тут им не расти! — в свою очередь, спросил старичок. — Когда-то я набросал на это место много очистков от шампиньонов. Теперь их здесь растет столько, что на всю соседнюю Псковскую улицу хватит.

...Старая учительница Мария Васильевна Евстигнеева, проживающая в деревне Кураково, Боровичского района, еще работая в школе, не только сама сажала грибы около дома, но и обучила этому делу школьников.

А процедура посева грибов у нее незамысловата и проста. Пойдут в лес ученики с учительницей, наберут корзины старых, переставшихся грибов и тащат к школе.

Затем их по видам складывают в ведра, водой заливают, размывают и всю эту «стору» разливают под деревья. Проходит год-два — и собирайте на доброе здоровье дары природы!

У Марии Васильевны и еще одной «чудо» объявилось! В подвале ее дома вот уже несколько лет как тоже растут грибы — подберезовики, рыжики, волнушки, грузди! Чуда тут никакого не было. Мария Васильевна еще в 1971 году как-то сажала грибы возле своего дома, но споры попали и в подвал. Отсюда и результат.

...У рабочего Окуловского лесхоза Ивана Алексеева ситуация с переселением грибов из леса к окошку была похожей. Двадцать лет тому назад он из леса принес домой полную корзину добротных белых грибов. Один другого лучше! Все отходы высыпал в палисаднике под деревья и кустарники. И каково же было удивление всей семьи, когда ровно через год на этих местах выросли расчудесные боровики.

С тех пор семья Алексеевых жарит, варит, сушит белые грибы, снятые под окошком.

Природа очень щедра к человеку. Она многое делает для него. И человек должен отплатить ей взаимностью!

Вит. ПЕРОВ

Новгород

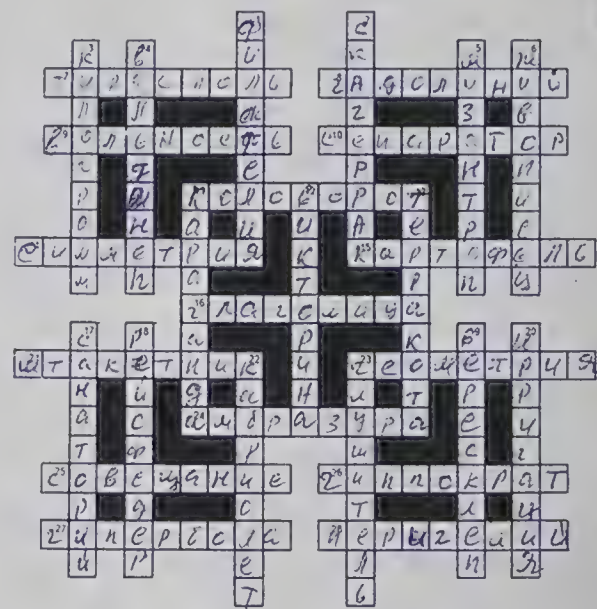
По горизонтали: 7. Город в Молдавии. 8. Химический элемент. 9. Ода А. С. Пушкина. 10. Аппарат для разделения смесей. 11. При-способление для вращения сверла. 14. Соразмерность. 15. Олос. 16. Древняя славянская система письма. 21. Забор из узких деревянных планок. 23. Часть математики. 24. Войница. 25. Заседание. 26. Древнегреческий врач и естествоиспытатель. 27. Поэтический прием чрезмерного преувеличения. 28. Наиболее близкая к Солнцу точка орбиты планеты.

По вертикали: 1. Коллекционирование почтовых марок. 2. Пролив, соединяющий Балтийское и Северное моря. 3. Единица веса. 4. Перелетная лесная птица. 5. Комедия Ж.-Б. Мольера. 6. Художник. 11. Областной центр в Казахстане. 12. Игра в ответ на вопросы. 13. Керамическое изделие. 17. Учреждение для лечения и отдыха. 18. Чертежный инструмент. 19. Вечнозеленый кустарник или небольшое дерево. 20. Искусственное орошение земель. 22. Легкий однокопный экипаж. 23. Устройство для снижения шума двигателя.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали: 7. Верещагин. 8. Аллегория. 9. Трюм. 10. Макаренко. 11. Астрограф. 12. Кран. 13. Канарейка. 14. Двигатель. 15. Анитация. 23. Проректор. 24. Руно. 27. Доминанта. 28. Патронатш. 29. Вена. 30. Пластелин. 31. Станкович.

По вертикали: 1. Незабудка. 2. «Нашествие». 3. Антоновка. 4. Самарканд. 5. Терренкур. 6. Милашкина. 14. Неон. 15. Кони. 17. Весп. 18. Наст. 20. «Недоросль». 21. Аксамит. 22. Ярославля. 23. Полиспаст. 24. Ротационный. 25. Основание.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Жанар Алимова родилась на целине. (См. в номере материал «Хлеб и металл».)

Фото Г. Копосова, Ю. Лушина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Гриневские места в Крыму. Старый Крым. Дом, в котором жил и умер Грин. * Феодосия. В одном из залов дома писателя. * Судак — старая крепость. * Феодосия. В музее Грина. * Рыбачье барнасы на окраине Феодосии.

(См. в номере материал «Творец блистающего мира».)

Фото С. Петрухина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ [заместитель главного редактора], И. В. ДОЛГОПОЛОВ [главный художник], Д. К. ИВАНОВ [ответственный секретарь], Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ [заместитель главного редактора], Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Редакционный — 250-56-88; Механизмостроительный — 212-30-03; Соплатических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературный — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Наука и техника — 212-1-68; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-30-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных призов — 212-22-13.

Сдано в набор 4.08.80. Подписано к печати 19.08.80. А 00103. Формат 70х108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1796. Заказ № 2711.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865 Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

ДО СВИДАНИЯ, ЛЕТО!

Фото Михаила САВИНА

Вот и август подошел к концу. Еще немного, и закончится вольное ребячье лето. Городские малолетние граждане вернутся домой — кто из пионерских лагерей, кто с морских берегов, кто из походов по рекам и горам. Они приедут загорелые, искусанные комарами и осами, пропахшие дымом костров и дикими полевыми цветами.

Но найдутся среди них и такие, кто привезет мозоли на руках, первые свои трудовые мозоли, которые они будут с гордостью показывать родителям и оставшимся в городе друзьям. Это юноши и де-

вушки, ездившие всем классом или всей школой куда-нибудь на Северный Кавказ или в Поволжье, чтобы испытать, что такое работа на колхозном огороде, на пшеничной ниве, на свекловичной плантации, чтобы узнать, как пахнет на сенокосе срезанная трава. Зимой городским ребятам будут сниться веселые цветные сны про лето, которое запомнится им на всю жизнь неповторимостью этого первого соприкосновения с живой землей, не покрытой асфальтом.

Иное дело — сельские ребята. Нет, в жизни у них все, как в городе, — те же детсады и школы, те же клубы и драмкружки, велосипеды и мотоциклы. Даже и цыпки на ногах от бесконечного бегания босиком по лужам у них, как и у городских, бывают теперь редко. Но зато они несравнимо ближе к земле.

На снимках вы видите лето на Рязанщине, под Спасском. Спасск — городок неболь-

шой, стоит в сердце сельского района и живет заботами колхозов и совхозов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что молодые люди из Спасского педучилища, в большинстве деревенские уроженцы, провели свои каникулы на полях родного района. И все школьники — тоже.

Они работали на животноводческих фермах, копнили сено, гоняли коней в ночное, были трактористами, как их младший собрат, восьмиклассник Саша Сурков из совхоза «Спасский», которого фотообъектив застал на тракторе за подборкой сена.

Были и рыбалки, и песни на вечерней зорьке, и звонкий смех над удачной шуткой.

Жизнь у них только начинается. Не знаем, о чем гадают на ромашках Марина Саврина и Светлана Антошина, но наверняка все, что задумано, у всех нынешних юных сбудется.

О. АННИКОВ

